

ӘЛ-ФАРАБИ

ӘЛЕУМЕТТІК-ГУМАНИТАРЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР ЖУРНАЛЫ

№ 3 (67) 2019 ж.

AL-FARABI

JOURNAL OF SOCIO- HUMANITARIAN STUDIES

ҚР БҒМ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
ФИЛОСОФИЯ,
САЯСАТТАНУ ЖӘНЕ
ДІНТАНУ ИНСТИТУТЫ

Мерзімді баспасөз басылмаларын және (немесе) ақпарат агенттіктерін есепке алу туралы куәлік № 13403-Ж 22.02.2013 ж.

Журнал ҚР БҒМ Білім және ғылым саласындағы бақылау комитетінің философия және саяси ғылымдары бойынша негізгі ғылыми нәтижелерін жариялайтын ғылыми басылмалар тізіміне енгізілген. (Комитет бұйрығы 05.07.2013 ж. №1033; Комитет бұйрығы 20.08.2013 ж. № 1201).

2003 ж. шығарыла бастады
Жазылу көрсеткіші – 74671

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

ҚАЗІРГІ ТАҢДАҒЫ ЖӘНЕ ТАРИХИ РЕТРОСПЕКТИВАДАҒЫ ФИЛОСОФИЯ – ФИЛОСОФИЯ В НАСТОЯЩЕМ И ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

- Хамидов А.*
Архитектоника общественного сознания.....3
- Прись И.*
О двух формулировках условия безопасности
и эпистемологии риска.....15
- Салимов Б.*
Диалектический смысл категории «случайность»
в философском дискурсе Средневекового Востока.....25

ЗАМАНАУИ ҚОҒАМ: БІРЕГЕЙЛІК, ЖАҢҒЫРУ, БОЛАШАҚ – СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ИДЕНТИЧНОСТЬ. МОДЕРНИЗАЦИЯ. БУДУЩЕЕ

- Азербайев А.*
Поиски национальной идентичности казахов:
роль и значение идеологических дискуссий
в Казахстане на рубеже XIX-XX веков.....34
- Бурова Е.*
Институциональные влияния на мировоззренческую
идентичность казахстанцев.....48

ҚАЗАҚСТАН: ҚАЗІРГІ ЗАМАҢНЫҢ САЯСИ ШЫНАЙЫЛЫҚТАРЫ – КАЗАХСТАН: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОСТИ

- Базаров Е., Мамонов В., Тусупов К.*
Методология оценки состояния защищенности
национальных интересов Республики Казахстан.....62

Редакцияның мекен-жайы: 050010, Алматы қ., Құрманғазы көшесі, 29,
ҚР БҒМ Ғылым комитетінің РМҚК «Философия,
саясаттану және дінтану институты»
Тел.: +7 (727) 272-59-10, 261-02-73, факс: +7 (727) 261-02-83.
www.alfarabijournal.org

ӘЛ-ФАРАБИ

ӘЛЕУМЕТТІК-ГУМАНИТАРЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР ЖУРНАЛЫ

№ 3 (67) 2019 г.

ӘЛ-ФАРАБИ

ЖУРНАЛ СОЦИОГУМАНИТАРЛЫҚ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ,
ПОЛИТОЛОГИИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
КОМИТЕТА НАУКИ
МОН РК

Свидетельство о постановке
на учет периодического
издания и (или)
информационного агентства
№13403-Ж от 22.02.2013 г.

Журнал включен в перечень
научных изданий, рекомендуемых
Комитетом по контролю в сфере
образования и науки МОН РК для
публикации основных результатов
научной деятельности по философ-
ским и политическим наукам
(приказ Комитета от 05.07.2013 г.
№ 1033; приказ Комитета от
20.08.2013 г. № 1201).

Издается с 2003 г.

Подписной индекс – 74671

Ешпанова Д.

Языковая ситуация в Казахстане и ее социальные факторы.....75

Abzhapparova A., Kusainova M.

Image of Higher Education as a Facto
of Student Migration94

Fjodorova A.

Critical Analysis of Theoretical Perspectives of Civii Society.....106

Исмагамбетов Т.

Сравнительный анализ национальной и языковой
политики в Республике Казахстан
и Республике Узбекистан.....122

ӨТКЕН ШАҚ ПЕН БОЛАШАҚТЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-
МӘДЕНИ АЯСЫНДАҒЫ ДІН –
РЕЛИГИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ
ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Орынбаев Е., Керім Ш.

Ислам дініндегі адамның қалау еркі мәселесі.....133

МЕРЕЙТОЙЛАР –
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

Бекзат болмыс иесі.....146

ҒЫЛЫМИ ӨМІР –
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шакеева Б.

Послание Президента РК К.К. Токаева
народу Казахстана и вопросы формирования
казахстанской идентичности.....147

Contents. Abstracts.....149

Біздің авторлар – Наши авторы.....154

Our authors.....155

Адрес редакции: 050010, город Алматы, ул. Курмангазы, 29.
РГКП «Институт философии, политологии и религиоведения»
Комитета науки МОН РК
Тел.: +7 (727) 272-59-10, 261-02-73, факс: +7 (727) 261-02-83.
www.alfarabijournal.org

АРХИТЕКТОНИКА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена архитектонике общественного сознания. Она претендует лишь на предельно обобщённую картину предмета, без какой-либо её детализации. Общественное сознание понимается как сложно устроенный целостный феномен, в котором выделяются разные уровни, а на одном из его уровней выделяются образования, которые традиционно называются специализированными формами общественного сознания. Даётся краткая характеристика этих форм. Ниже специализированных форм общественного сознания располагается обыденное сознание, отличающееся своей неспециализированностью и несистематизированностью. Показано, что над обыденным сознанием и над специализированными формами общественного сознания возвышается особая форма общественного сознания, которая называется мировоззрением. Мировоззрение резюмирует в идеальной (*ideelle*) форме реальное мироотношение и корректирует его. Мировоззрение генерирует своеобразное мировоззренческое силовое поле, которое пронизывает все формы и уровни как общественного, так и индивидуального сознания. Мировоззрение формируется стихийно, но на определённом этапе истории возникает специфическая форма общественного сознания – философия, которую вслед за А. Швейцером можно назвать «мыслящим мировоззрением». Если все вышеохарактеризованные формы и уровни общественного сознания являются, так сказать, нормальными и абсолютно необходимыми, то на определённом этапе истории (конкретно – это XX век) возникает такая *девиантная* форма общественного сознания, а как массовое сознание, а в наступившем XXI веке появляется её вырожденная форма – калейдоскопическое, или клиповое, сознание. Ниже всех этих форм и уровней располагается особое психическое состояние, которое возникает в толпе.

Ключевые слова: общественное сознание, индивидуальное сознание, форма общественного сознания, уровень общественного сознания, специализированное сознание, обыденное сознание, массовое сознание, клиповое сознание, психическое состояние толпы.

Введение

Проблема сознания в последние десятилетия становится всё более актуальной как на Западе, так и в постсоветской философии. Однако она ставится как проблема *индивидуального* сознания в самых разных его аспек-

тах. Философы, в том числе те, которые значительную часть своей жизни прожили в СССР и занимались советской философией, как бы забыли, что сознание не является продуктом жизнедеятельности своеобразного «робинзона», а является *общественным* и по своему генезису, и по своей сущности. В историческом материализме исследовалось сознание именно как общественное и исследовались особенности его строения (тогда это называлось «структурой общественного сознания»). При всех недостатках работ по данной проблеме невозможно отрицать наличие самой проблемы. В этой связи возникает необходимость вернуться к ней и попытаться решить её. Мы при этом говорим не о *структуре*, а об *архитектонике*, ибо первая фиксирует лишь статику, тогда как вторая представляет собой единство статики и динамики.

Методология

В исследовании архитектоники общественного сознания её раскрытию мало могут способствовать такие методы, как структурно-элементный (он применялся при исследовании общественного сознания в историческом материализма; причём исследовалась не архитектоника, а *структура*), ни модный ныне синергетический (собственно говоря, синергетика есть развитие древнего принципа «целое больше суммы частей»: в ней под целым и частями имеются в виду не статические формообразования, а динамические формообразования-процессы). Наиболее аутентичным методом исследования архитектоники общественного сознания может быть лишь диалектика, но диалектика, основывающаяся не на органических, а на *гармонических* целостностях, или системах.

В общественном сознании мы выделяем ряд уровней, расположенных *по вертикали*. Причём порядок их анализа у нас не соответствует действительной архитектонике. Сначала мы анализируем (если двигаться сверху вниз) второй и третий уровни, затем первый, а потом те уровни, которые расположены ниже второго. И так...

Соотношение индивидуального и общественного сознания

Сознание является общественным в двух смыслах. Во-первых, оно общественно по своей сущности и по своему генезису. В этом отношении сознание индивида также является общественным. Во-вторых, общественное сознание является продуктом совокупной деятельности множества людей и их поколений. Ведь общество как таковое *не* является и *не* может являться самостоятельным *субъектом*. Субъектами являются только сами индивиды в их деятельности и взаимных отношениях. Обще-

ственное сознание как продукт, образованный из множества индивидуальных сознаний, – это вовсе не аддитивное образование, оно не является *суммой* индивидуальных сознаний. Это их *избирательный синтез*, в котором отложилось и продолжает отлагаться нечто усреднённое. Эта избирательность обуславливается и детерминируется не кем-то намеренно, а общественным бытием, которое является действительной жизнью людей, образующих общество. Той призмой, сквозь которую пропускаются индивидуальные сознания, являются наличные общественные потребности и интересы, главные тенденции движения общественного Целого, его общий культурный, технический и технологический уровень.

Индивидуальное сознание может быть как на уровне наличного общественного сознания, так и ниже и выше него. Кроме того, любой индивид, даже самый неразвитый, всё же является *субъектом*. У Общества нет ни своей головы, ни своих конечностей, ни своих внутренних органов. Субъектность же инкарнирована в человеческой телесности (это и создаёт иллюзию того, что она и ограничена телесностью, и провоцирует концепции биосоциальной сущности человека). Это является основанием того, что индивид обладает чувственной и рациональной формами-степенями освоения действительности. Чувственная ступень содержит ощущение и восприятие, рациональная – рассудок и разум. Промежуточное положение между чувственностью и рациональностью занимает представление. Имеется у индивида ещё и над-рациональный уровень, на котором сосредоточены воображение, способность к креативности, интуиция и др.). Можно отметить, что все эти формы-уровни имеют общественную и общественно-историческую природу и что Общество ничем этим не обладает, а, будучи системой и процессом взаимоотношения людей, резюмирует в том образовании, которое и называется общественным сознанием.

Но подобно том, как индивидуальная над-практическая жизнедеятельность не является чем-то однородным, та и общественное сознание таковым не является. Оно обладает собственной архитектурой, которая и раскрывается в предельно обобщённом виде в следующих параграфах.

Уровень форм общественного сознания

В человеческом бытии имеются три уровня: 1) до-деятельностный (образованный под-уровнями бессознательного), 2) деятельностный (состоящий из ряда под-уровней, нижним из которых является труд, то есть деятельность-средство, а верхним – творческая деятельность) и 3) над-деятельностный (на котором расположены созерцание, продуктивное воображение, собственно творчество и др.). На протяжении известной нам истории в бытии человечества доминирует деятельностный уровень. Это

значит, что именно этим уровнем он *преимущественно* относится к Миру и его подуровнями отвечает на отношение к нему Мира. Второй вид отношения оставим в стороне и обратимся к первому. Отношение Человека к Миру осуществляется многообразно. Особенности формы такого отношения мы называем *мироотношенческими модальностями*. Эти модальности во-первых, незаместимы друг другом, во-вторых, нередуцируемы друг к другу. Применительно к теме данной статьи мы выделим когнитивную, этическую, эстетическую, религиозную (то есть неконфессионализированно-религиозную) и рефлексивную. Мироотношенческие модальности осуществляются на всех уровнях архитектоники субъекта. Разумеется, каждый из этих уровней на данное конкретное историческое время оказывается развитым в разной степени, что сказывается на характере и качестве осознания общего мироотношения. В той истории человечества, которая нам известна, преобладает, как отмечено, *деятельностное* отношение человека к Миру, субъекта к преднаходимой им действительности. Соответственно воспринимается и отношение Мира к человеку. Не все мироотношенческие модальности в момент становления человека-человечества оказываются в одинаковой степени развитыми. Какие-то из них долгое время продолжают существовать виртуально-эвентуально и актуализуются лишь при стечении очень многих способствующих тому обстоятельств. Так, к примеру, было с рефлексивной модальностью.

Формы общественного сознания вырастают из мироотношенческих модальностей и, конечно, подпитываются теми проявлениями сознания, которое формируется в процессе общей жизнедеятельности. А это значит, что и не все формы общественного сознания появляются в своей чистоте. Исторически могут существовать формы общественного сознания, которые образуются из синкретизиса двух и более других форм. Таково, к примеру, мифологическое сознание. Исторически появляются своего рода девиантные и даже паразитарные формы общественного сознания. Таковы политическое и юридическое сознание.

В развитом социуме существует уровень *специализированных* сфер и уровень *неспециализированной* жизнедеятельности. К первому уровню относятся наука, искусство, религия, политика, право. Каждая из них относительно обособлена от других и выполняет специфическую социокультурную функцию, так что они являются также и специализированными сферами культуры. Все они являются единством практической и духовной (в широком смысле, в том, в каком К. Маркс говорил о духовном производстве) деятельностей. Так, сфера науки – особенно на её эмпирическом уровне и особенно в области естествознания – невозможна без сложной материально-технической базы – лабораторий, обсерваторий, ускорителей элементарных частиц и т. д. и т. п. Сфера искусства немыслима без про-

изведений искусства, художественных музеев, художественных выставок и т. д. Сфера религии невозможна без специальных сооружений (капищ, храмов и т. д.), культа (отправление которого невозможно без специального инвентаря и т. д.). Аналогичное можно сказать и о сферах политики и права. Но всё это – лишь сфера *средств* для реализации тех целей, которые и призваны достигать эти сферы культуры.

В этих сферах вырабатываются специфические для них формы общественного сознания – научное, художественно-эстетическое, религиозное, политическое, правовое. В советском историческом материализме говорилось о политическом сознании и правосознании, но наряду с этим наука, искусство и религия именовались формами общественного *сознания*. Разумеется, это полный абсурд. В сфере науки вырабатывается общественно необходимое знание. Это знание не может быть достигнуто посредством любого сознания, в том числе и того, которое вырабатывается в других вышеназванных сферах. Научное знание – это знание сущностных определений познаваемой действительности, знание законов и знание того, как осуществлять познание. Но кроме отмеченных форм общественного сознания существуют, как минимум, ещё две – этическое сознание и сознание философское. Этическое сознание не выделено в отдельную сферу, оно как бы растворено во всей человеческой жизнедеятельности, присутствуя в том числе и во всех специализированных сферах культуры. В нём вырабатываются нормы человеческого общежития, посредством которых последнее и регулируется. Что касается философии, то она представляет собой специфическую работу критической *рефлексии* над общим мироотношением и мировоззрением человечества. На современном этапе истории философия, как и многие другие сферы, институционализована и в этой связи она дислоцируется в специальных зданиях, обладает административно-управленческой структурой и т. д., но тем не менее она всё же остаётся лишь формой общественного сознания.

Выше политическое и правовое сознание были названы девиантными и даже паразитарными. Дело в том, что они не являются *примордиальными* мироотношенческими модальностями. Они возникают вместе с возникновением государства – основного (и по настоящее время) социального института. Этот верховный институт окружает себя другими социальными институтами, осуществляющими его интересы и волю. Главными среди них являются политика и право. Они – каждый сообразно своим функциям – осуществляют управленческо-регулятивные функции как в отношении собственного общества, над которым возвышается государство, так и в отношении иных государств. И формы своей активности они позаимствовали их содержания некоторых примордиальных мироотношенческих модальностей и соответственно извратили их. К примеру,

право, как и этика, есть форма *нормативной регуляции*. Но этика является *неинституционализованной* формой нормативной регуляции, тогда как право – институционализованная форма. Правда, этика (и соответственно этическое общественное сознание) в антагонистическом типе социальности разделяется на *нравственность* и разнообразные формы *морали*. Но от этого мы здесь абстрагируемся. Не станем здесь также рассуждать о правомерности выделения в качестве формы общественного сознания *экономическое* сознание. Ниже уровня форм общественного сознания предполагается уровень *обыденного* сознания.

Уровень обыденного сознания

Обыденное сознание имеет своим базисом повседневную жизнедеятельность людей, их быт и обиход. В этой связи оно содержит в себе элементы всех форм специализированного сознания в значительно сниженной форме. Обыденное сознание, как правило, довольствуется поверхностной видимостью явлений и в лучшем случае может подняться до представления, но никогда не поднимается до уровня понятия (в том смысле, как оно трактуется в диалектической логике). Представление схватывает в феноменах внешнее, абстрактно-общее и потому никогда не пробивается к их сущности. Мышление, по Гегелю, есть работа в понятиях; здесь поэтому содержание и форма находятся в единстве. Мышление способно схватывать именно сущность явления. Гегель также различал в мышлении рассудок и разум. Первый, согласно ему, является низшей формой, второй высшей; именно разуму, по Гегелю, присуща положительная диалектика, тогда как рассудок догматичен. Обыденное сознание не обходится без мышления, но это – всего лишь рассудочное мышление. По Аристотелю, это – *φρόνησις*. Ближайшей и непосредственной формой опредмечивания сознания и мышления является язык. Естественный язык является почти всецело порождением обыденной жизнедеятельности людей, их быта, обихода, повседневности. А поскольку повседневное, или обыденное, сознание не поднимается на уровень действительных (то есть, по Гегелю, диалектических) понятий, постольку оно довольствуется представлениями, то можно говорить, что естественный язык – это, в основном, продукт обыденного рассудка. В сфере обыденности, слова используются нестрого; одним и тем же словом может быть названо множество разных, подчас никак не связанных друг с другом феноменов. Взять, к примеру, слова «любовь» и «любить». Слово «любовь» прилагают и к специфическому отношению между женщиной и мужчиной, и к отношению между родителями и детьми, и к отношению к большим и малым общностям (народу, нации, родине и т. п.), и так далее. Слово «любить» используется ещё более разнообразно: любить поспать,

любить поехать, любить путешествовать, любить цветы, любить мультфильмы, любить солнечную погоду и т. д. и т. п. Попытаться из обобщения подобного словоупотребления вывести научное *понятие* совершенно невозможно. Но уровень обыденного сознания – также обобщённого феномена, чьё обобщение подчиняется тем же конstellляциям общественных интересов, потребностей и т. д. – не плох и не хорош. Он – необходим. Без данного уровня общественное сознание как таковое и вообще человеческая жизнедеятельность невозможны. Ещё одной абсолютно необходимой формой общественного сознания является *мировоззрение*.

Уровень мировоззрения

Содержанием мировоззрения являются, в первую очередь, 1) Мир как таковой, то есть Мир как некое *целое*, 2) Человек в Мире, также как целое, то есть в своей сущности и 3) способ бытия Человека в Мире, то есть их взаимоотношение. Мировоззрение, конечно, тоже есть форма общественного и индивидуального сознания, но она отнюдь не расположена в ряду перечисленных форм. Она занимает место *над* ними. В нём в идеальной (*ideelle*) форме резюмируется наличное *миро-отношение* и его основные модальности (когнитивная, этическая, эстетическая, религиозная и др.). Таким образом, мировоззрение – это своеобразная, часто неосознаваемая рефлексия над мироотношением. В той или иной форме и степени мироотношение корректируется в мировоззрении и, в свою очередь, результаты такой коррекции в виде ориентиров снова адресуются мироотношению. И данный процесс постоянно воспроизводится и повторяется. Так мировоззрение и мироотношение взаимно корректируют и совершенствуют друг друга.

Как и вообще общественное сознание, мировоззрение также обладает некоторой архитектурикой, которую можно изобразить как в виде ядра и концентрических кругов вокруг него, так и в виде иерархии уровней, в которой более высокие занимают более высокие позиции, а более низкие – соответственно более низкие. Ядром мировоззрения являются универсально-всеобщие определения Бытия, или *категории* и целые *категориальные ансамбли* (то, что по традиции называют законами диалектики) и объективная *логика* их взаимосвязи – диалектика – в той их форме, в какой на данный исторический момент они освоены и до-развиты общественным человеком. Универсум является многоуровневым и многомерным. В нём присутствуют различные иерархически соотносённые между собой уровни его организации (в частности, формы организации неживой и живой природы, над которыми надстраивается культура) и измерения. В Универсуме существует первоначало, то есть Субстанция с её многочисленными атрибутами – категориями и увязывающей их между собой

логикой – диалектикой. В ядро мировоззрения входя претендующие на универсальность (которая всякий раз конкретно-исторична) принципы, максимы, императивы и ценности.

Мировоззрение формируется и функционирует по большей части стихийно, незаметно для индивидов и целых поколений, организованных в общественное целое. Хотя оно формируется и функционирует благодаря сознательной жизнедеятельности множества индивидов и целых поколений, оно в то же время формируется как бы помимо воли и целенаправленной их активности, то есть, по излюбленному выражению К. Маркса, у них за спиной. Кристаллизация мировоззренчески-мироотношенческой атрибутики осуществляется как бы сама собой, без чьего бы то ни было специального участия. В результате получается, что все эти категории, принципы, ценности и императивы оказываются как-то увязанными в мировоззрении в некое по виду внутренне непротиворечивое целое. Эффект этой целостности достигается и обеспечивается самой архитектурой мировоззрения с его относительно жёстким ядром и сравнительно диффузной оболочкой, а также срабатыванием так называемой «серой логики», посредством которой оказываются когерентно взаимоувязанными все элементы мировоззренческого комплекса. Мировоззренческое содержание транспонируется во все формы и уровни общественного сознания и сферы культуры. Оно незаметно входит в сознание индивидов, исподволь осуществляя регулирование их деятельности, поступков и поведения. У последних срабатывает своеобразный «синдром Журдена»: они руководствуются мировоззренческими ориентирами, подчас даже *не подозревая* о наличии этих ориентиров и мировоззрения вообще.

Каждому типу социальности присуще собственное мировоззрение. В нём образуется и функционирует *общее мировоззренческое силовое поле*, пронизывающее собой все мироотношенческие модальности, формы общественного сознания и сознание каждого индивидуума, формируя его собственные общие, чаще всего неэксплицируемые в актах саморефлексии, мировоззренческие установки и ориентиры. Это общее мировоззренческое силовое поле генерируется *господствующим* мировоззрением, порождённым господствующим типом социальности. Мировоззрение обладает культурно-историческим характером. Оно формируется у всех без исключения народов, как прошлых, так и нынешних. Но на определённом этапе истории в трёх регионах планеты появляется философия, которую можно определить как мыслящее мировоззрение. В архитектонике общественного сознания она помещается среди других специализированных форм общественного сознания. Философия есть работа *рефлексии*, особой способности, которая нередуцируема ни к когнитивной, ни к этической, ни к эстетической, ни к религарной и ни к какой другой мироотношен-

ческой модальности. Она поэтому не заменима и не заместима никакой другой формой общественного сознания.

Девииантные модификации обыденного сознания

Выше были рассмотрены формы и уровни общественного сознания, которые являются, так сказать, «нормальными» и необходимыми формами и уровнями. Но на определённом этапе исторического развития, а это капиталистически организованное индустриальное общество, из недр обыденного сознания выделяется всегда присутствовавший в нём момент и наделяется относительной самостоятельностью по отношению к нему. Он получил наименование «*массовое сознание*».

а) Массовое сознание

Капитализм, оформившийся в Западной Европе примерно с XVII в. и породивший первую промышленную революцию, превратил человека в *частичного человека* (Teilmensch). Первоначально это произошло в сфере собственно материального производства, но постепенно распространилось и на иные сферы буржуазного социума. Удельный вес частичных людей постоянно повышался и, достигнув критической массы, создал внутри гражданского общества тот конгломерат людей, который получил название *массового общества*. Данное общество не является внутренне интегрированным, оно интегрировано внешним образом и достаточно формально. Данное общество ещё именуется *обществом потребления*. Массовый человек, как показал уже Х. Ортега-и-Гассет, – это существо, почти всецело лишённое полноты атрибутов субъектной достаточности и определяемое обобщённо как «некто никто». Массовое общество и массовый человек создаётся самим строем Второй промышленной революции (вторая половина XIX – начало XX вв.). Последняя создала условия унификации и стандартизации инфраструктуры, особенно средств коммуникации, способов распространения и тиражирования информации, досуга, навязывания однотипных потребностей и ценностей, одним словом, того, что получило название *массовой культуры*. Элитарная культура отделяется от массовой, последняя же усредняется и примитивизируется. В этой ситуации у массового человека формируется и функционирует специфическая форма обыденного сознания – *массовое сознание*. Массовый человек отличается от просто обыденного человека прежде всего тем, что последний обладает той или иной степенью индивидуализации, тогда как массовый человек является унифицированным в рамках той группы, к которой он принадлежит. Массовое сознание легко манипулируемо.

В массовом обществе циркулирует массовая информация, то есть информация, рассчитанная на массы. Бытие массовым человеком – это бытие исключительно атомистическое. Объединяются такие индивиды в группы чисто внешним и стохастическим (вероятностным) образом: под влиянием престижа, моды и тому подобных факторов, а также под влиянием неких общих псевдоинтересов (так, например, объединяются «болельщики» футбольных и иных спортивных команд). Часто массовая группа образуется ситуативно и никогда не имеет сколько-нибудь чётко очерченных границ. Она всегда гетерогенна. В современном обществе мода как таковая контролируется рынком. Но массовое сознание – не последняя форма деградации общественного (в частности – обыденного) сознания.

б) клиповое сознание

Для человеческой истории характерна постоянная интенсификация и темпорализация. Культурно-историческое время как бы уплотняется и опережает астрономически-хронологическое время. Второй промышленной революцией прогресс не завершился. Дж. Рифкин в 2011 г. заявил о наступлении Третьей промышленной революции, а через пять лет К. М. Шваб объявил о наступлении Четвёртой промышленной революции. С этими учёными можно дискутировать, но оба они опоздали, как минимум, на полвека. Революция действительно произошла и именно её издержкам обязано своим появлением *клиповое* сознание.

Данное сознание называют также калейдоскопическим, а если неграмотно, то – *мозаичным*. Дело в том, что мозаичность подчиняется закономерностям и создаётся на основе гармонии, тогда как калейдоскоп выдаёт и сменяет случайные картины действительности. Таковую же природу имеет и музыкальный видеоклип, сопровождающийся мгновенно меняющимися и плохо между собой увязанными картинками, на которых даже невозможно задержать внимание, чтобы их разглядеть. Формирование данного типа сознания детерминировано расширением и интенсификацией информационных потоков в современном обществе. Клиповое сознание может быть охарактеризовано как продукт приспособления к данной ситуации. Мышление, формируемое в таком сознании, является совершенно бессистемным, дискретным и фрагментарным. Данный тип сознания формируется и функционирует у – если ограничиться постсоветским цивилизационным континуумом – современной молодёжи, то есть у той, которая выросла на обломках советского строя. Данное сознание не ведаёт законов консеквентности и когерентности, взаимосвязи причины и действия. Зато оно реагирует на информационные клипы преимущественно эмоционально и способно воспринимать лишь кванты информации. Носитель

клипового сознания фактически пассивен: он не вырабатывает информацию, она поставляется ему извне. Он относится к ней как к данности и непосредственной достоверности. Из данного сознания поэтому устранён феномен сомнения. *Смысл* – это то, что ещё присуще массовому сознанию, но находится уже за пределами клипового сознания.

Формированию клипового сознания способствуют современные технологии, продуцирующие такие гаджеты (например, планшеты и смартфоны), которые, во-первых, не ориентируют на выработку понятийного мышления, а во-вторых, вызывают привыкание и зависимость. Современная молодёжь разучилась читать и даже логически мыслить. Ведь книга требует медленного погружения в её содержание. Иное дело – компьютер и доступный с его помощью Интернет. Тут не надо мыслить, надо просто быстро ухватить «картинку» (пусть это будет даже простая фраза). Этому способствует и современная организация системы образования с её тестовой системой, превратившейся из одного из способов контроля за усвоением знания в само его *усвоение*. За этой реформой, конечно, стоят силы, реализующие стратегию и тактику глобализма (не путать с глобализацией!). Людей намеренно и целесообразно отучают от понятийного мышления, то есть фактически отучают *быть* людьми. И будущее, судя по всему, именно за носителями клипового сознания «людьми».

Психическое состояние толпы

Толпа – это собрание индивидов, вызванное разного рода факторами – паникой, созывом на митинг или демонстрацию. Толпы разделяются на стихийно образовавшиеся (например, вследствие паники) и на сознательно организованные (например, приглашённые для участия в митингах). В первом случае у людей, интегрированных в толпу *случайно*, всецело отключается сознание и способность к рациональному мышлению. Во втором случае люди объединяются отчасти внешним образом, отчасти по внутренней мотивации каждого. В этом случае собрание людей превращается в толпу постепенно благодаря внешней манипуляции их сознанием. Толпа реагирует эмоционально и заражается эмоционально сфабрикованными слоганами или афоризмами. Толпе можно внушить любую мысль, любую идею и подвигнуть на любые акции.

Хамидов А.

Қоғамдық сананың сәулет өнері

Мақала қоғамдық сананың архитектурасына арналған. Ол тақырыптың тек жалпыланған суретін, ешқандай егжей-тегжейінсіз ғана мәлімдейді. Әлеуметтік

сана күрделі интегралды құбылыс деп түсініледі, онда әртүрлі деңгейлер бөлінеді, ал оның бір деңгейінде дәстүрлі түрде әлеуметтік сананың мамандандырылған формалары деп аталатын формациялар бөлінеді. Осы формалардың қысқаша сипаттамасы келтірілген. Төменде әлеуметтік сананың мамандандырылған нысандары оның мамандандырылмаған сипатымен және жүйесіздігімен сипатталатын қарапайым сана болып табылады. Дүниетаным деп аталатын қоғамдық сананың ерекше формасы қарапайым сана мен әлеуметтік сананың мамандандырылған түрлерінен жоғары болатындығы көрсетілген. Дүниетаным идеалды (идеелле) нақты әлемге деген көзқарасты қалыптастырады және оны түзетеді. Дүниетаным жалпы және жеке сананың барлық формалары мен деңгейлерін қамтитын өзіндік дүниетанымдық күш өрісін қалыптастырады. Дүниетаным өздігінен қалыптасады, бірақ тарихтың белгілі бір кезеңінде әлеуметтік сананың белгілі бір нысаны пайда болады – философия, оны А. Швейцерден кейін «ойлау дүниетанымы» деп атауға болады. Егер әлеуметтік сананың жоғарыда сипатталған барлық формалары мен деңгейлері, былайша айтқанда, қалыпты және өте қажет болса, онда тарихтың белгілі бір кезеңінде (нақтырақ айтсақ, бұл XX ғасыр), қоғамдық сананың мұндай девиантты түрі пайда болады, бірақ бұқаралық сана сияқты және XXI ғасырда оның бұзылған түрі пайда болады – калейдоскопиялық, немесе клип. Барлық осы формалар мен деңгейлердің астында – бұл ерекше адамдарда кездесетін ерекше психикалық күй.

О ДВУХ ФОРМУЛИРОВКАХ УСЛОВИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ РИСКА

Аннотация. Мы рассматриваем две возможные формулировки эпистемологического условия безопасности для знания. Условие безопасности в слабом смысле требует, чтобы фиксированное мнение было истинным в ближайших возможных мирах. Условие безопасности в сильном смысле допускает вариацию мнения в ближайших возможных мирах и требует, чтобы оно было истинным. Условие слабой безопасности исключает случай, когда мнение вообще не формируется, автоматически. Условие сильной безопасности допускает, что в некоторых возможных мирах мнение может вообще не сформироваться. Исключение из рассмотрения таких миров требует мотивации, которую даёт «эпистемология анти-риска», но не «эпистемология анти-везения». Мы показываем, что условие безопасности в сильном смысле имеет более широкую область применимости, чем условие безопасности в слабом смысле, и поэтому предпочтительнее. Это в свою очередь является косвенным указанием на предпочтительность эпистемологии анти-риска.

Ключевые слова: эпистемология анти-риска, эпистемология анти-везения, знание, сильное условие безопасности, слабое условие безопасности, возможные миры.

Введение

Недавно Дункан Притчард предложил заменить традиционную «эпистемологию анти-везения» «эпистемологией анти-риска» [Pritchard 2016a]. Последняя утверждает, что истинное мнение, формирующееся при фиксированных начальных условиях и методе (который можно отнести к начальным условиям), является знанием, если риск того, что оно могло бы оказаться ложным, невелик, то есть если возможные миры, в которых мнение является ложным, в модальном смысле значительно удалены от актуального мира. Таким образом, в рамках эпистемологии анти-риска миры, в которых мнение вообще не формируется, не имеют значения.

Понятие риска предполагает «взгляд вперёд», то есть взгляд на сам процесс формирования мнения. Такой подход мотивируется очевидной заинтересованностью субъекта в том, чтобы исключить или минимизировать риск, то есть не допустить формирования ложного мнения.

Таким образом, эпистемология анти-риска позволяет устранить имеющийся у эпистемологии анти-везения ранее незамеченный недостаток,

который состоит в том, что возможные миры, в которых мнение субъекта не формируется, исключаются из рассмотрения без должной мотивации.

Мы рассматриваем две возможные формулировки эпистемологического условия безопасности для знания. Одна из них имеет более широкую область применимости и поэтому предпочтительнее. В то же время она допускает, что в некоторых возможных мирах мнение может вообще не сформироваться. Это является косвенным указанием на предпочтительность эпистемологии анти-риска.

Методология

Эпистемология анти-везения предполагает «взгляд назад», то есть имеет ретроспективную направленность. Ретроспективно, предполагая, что мнение субъекта является истинным (успешным), она теоретизирует естественное условие, что истинное мнение, которое является знанием, не является случайным (когнитивный успех не является случайным), как условие безопасности истинного мнения. Условие безопасности состоит в том, что истинное мнение не могло бы с лёгкостью оказаться ложным, то есть в ближайших возможных мирах оно не является ложным.

Мы предлагаем сделать следующее различие. Неслучайность когнитивного успеха можно понимать либо в смысле неслучайности истинного мнения, которое, вообще говоря, могло бы быть другим мнением – в этом случае мы будем говорить об условии безопасности в сильном смысле, либо в смысле неслучайности истинности истинного мнения, которое предполагается фиксированным (не варьируется в возможных мирах) – в этом случае мы будем говорить об условии безопасности в слабом смысле.

Ниже мы изучим это различие на языке возможных миров и увидим, что понимание когнитивного успеха в терминах условия безопасности в слабом смысле имеет лишь ограниченную пригодность. Тот факт, что условие безопасности в сильном смысле является более предпочтительным, косвенным образом указывает на предпочтительность эпистемологии анти-риска.

Эпистемическое везение и знание

Истинное мнение (когнитивный успех) можно считать случайным также и тогда, когда оно с лёгкостью могло бы вообще не сформироваться, то есть в (некоторых) ближайших возможных мирах оно вообще не формируется [Pritchard 2016A].

Условие безопасности, однако, апеллирует лишь к тем возможным мирам, в которых мнение оказывается ложным. На примерах можно показать,

что наличие знания совместимо с эпистемическим везением, при котором истинное мнение с лёгкостью могло бы не сформироваться. Например, в науке многие открытия делаются случайно. Истинное мнение, которое при этом формируется, оказывается знанием, хотя в ближайших возможных мирах (при тех же самых начальных условиях и методе формирования мнения) оно вообще не формируется. Ситуации, когда эпистемическое везение совместимо со знанием, часто встречаются и в обыденной жизни. Мы случайно узнаём о чём-то, хотя в ближайших возможных мирах (в достаточно похожих ситуациях) мы не формируем соответствующее мнение.

Выше мы сделали различие между условием, что истинное мнение не является случайным и условием, что истинность мнения не является случайной. Во втором случае миры, в которых мнение вообще не формируется, исключаются из рассмотрения автоматически, и в этом смысле различие между эпистемологиями анти-везения и анти-риска исчезает. Однако, как мы увидим, этот случай имеет ограниченную область применимости.

Итак, рассмотрим подробнее вопрос о том, каким могло бы быть в ближайших возможных мирах формирующееся в актуальном мире истинное мнение и как наилучшим образом сформулировать условие его безопасности.

Условие безопасности на языке возможных миров

Предположим, что (в актуальном мире) мнение формируется при некоторых начальных условиях в результате применения некоторого метода, которые фиксированы.

В ближайших возможных мирах возможны следующие варианты: (А) Мнение может не сформироваться. (В) Может быть сформировано лишь одно-единственное мнение (мнение фиксировано). (С) Могут быть сформированы разные мнения (мнение варьируется). (Д) Может быть (А) или (В) (мнение в возможных мирах одно и то же, и в некоторых возможных мирах оно может не сформироваться). (Е) Может быть (А) или (С) (мнение в возможных мирах варьируется, и в некоторых возможных мирах оно может не сформироваться).

В случае (В) может быть (В.1): истинность мнения не варьируется (мнение всегда истинно), либо (В.2): истинность мнения варьируется (мнение либо истинно, либо ложно). В случае (С) может быть (С.1): истинность мнения не варьируется (всякое мнение истинно), либо (С.2): истинность мнения варьируется (мнение может быть либо истинным, либо ложным). В случае (Д) так же, как и в случае (В), так что можно различить между (Д.1) и (Д.2). В случае (Е) так же, как и в случае (С), так что можно различить между (Е.1) и (Е.2).

Соответственно, на языке (ближайших) возможных миров мы имеем:

(В.1) мнение фиксировано и истинно во всех ближайших возможных мирах (истинное мнение является знанием). (В.2) Мнение фиксировано и в некоторых (ближайших) возможных мирах оно ложно (знание отсутствует). (С.1) Мнение варьируется, но во всех возможных мирах оно истинно (знание). (С.2) Мнение варьируется, и в некоторых (ближайших) возможных мирах оно ложно (знание отсутствует). (Д.1) Так же, как и в (В.1), только в некоторых возможных мирах мнение отсутствует (знание). (Д.2) Так же как и в (В.2), только в некоторых возможных мирах мнение отсутствует (очевидно, знание отсутствует, так как оно отсутствует в случае (В.2). Этот случай не представляет особого интереса). (Е.1) Так же, как и в (С.1), только в некоторых мирах мнение отсутствует (знание. Этот случай не представляет особого интереса). (Е.2) Так же, как и в (С.2), только в некоторых мирах мнение отсутствует (знание отсутствует, поскольку оно отсутствует в случае С.2. Этот случай не представляет особого интереса по сравнению со случаем С.2).

Таким образом, наш анализ сводится к рассмотрению случаев (В.1), (В.2), (С.1), (С.2), (Д.1).

Соответственно, в терминах условия «безопасности» мы имеем:

(В.1) Истинность истинного мнения безопасна в том смысле, что (истинное) мнение не могло бы с лёгкостью быть ложным, и само (истинное) мнение «безопасно» в том смысле, что оно не могло бы с лёгкостью быть другим мнением или вообще не сформироваться. То есть мнение формируется, не варьируется и истинно во всех ближайших возможных мирах. Истинное мнение безопасно. (В данном случае безопасность в слабом смысле совпадает с безопасностью в сильном смысле.)

(Д.1) Истинность истинного мнения безопасна, но само (истинное) мнение не «безопасно» в том смысле, что оно могло бы не сформироваться. То есть мнение не варьируется и истинно во всех ближайших возможных мирах, в которых оно формируется. Истинное мнение безопасно.

(В.2) Мнение «безопасно» в том смысле, что оно фиксировано, но его истинность не безопасна, то есть зависит от возможного мира. Мнение могло бы быть ложным. В целом, истинное мнение не безопасно.

(С.1) Истинность мнения безопасна. Само мнение не «безопасно» в том смысле, что оно могло бы быть другим и безопасно в том смысле, что хотя оно и могло бы быть другим, оно не могло бы быть ложным (то есть истинность мнения безопасна). Мнение формируется, варьируется и истинно в ближайших возможных мирах. Истинное мнение безопасно. (Оно безопасно как в слабом, так и в сильном смыслах.)

(С.2) Мнение варьируется в ближайших возможных мирах и ложно в некоторых из них (хотя оно может быть истинным во всех ближайших возможных мирах, в которых оно не варьируется. То есть в этом случае

мнение может быть безопасным в слабом смысле, но оно не безопасно в сильном смысле). Таким образом, мнение не безопасно в том смысле, что оно могло бы быть другим и даже другим и ложным (истинность мнения не безопасна). Истинное мнение не безопасно.

Тимоти Уильямсон об условии безопасности

Выше понятие ближайшего возможного мира принимается в качестве первичного, так что ответ на вопрос о том, какие миры считать ближайшими, не очевиден. Мы не можем сначала ввести определение ближайшего возможного мира, а затем показать, что в случае знания соответствующее истинное в актуальном мире мнение является истинным также и в них. В самом деле, если бы это оказалось не так, мы бы сказали, что миры, в которых оно ложно, не являются ближайшими и изменили бы определение ближайшего возможного мира. И наоборот, если бы мы определили ближайший возможный мир, исходя из понятия знания, как мир, в котором истинное мнение, которое есть знание, является истинным, мы не могли бы информативно (не тавтологично) использовать понятие возможных миров для понимания знания.

Согласно Тимоти Уильямсону, такая взаимозависимость понятий не является препятствием для информативного концептуального анализа [Williamson 2000], [Greenough 2009, p. 325].

Сам Уильямсон апеллирует не к возможным мирам, а к субъектно-центрированным близким случаям¹ и определяет «безопасность» как противопоставление опасности. Точнее говоря, если в случае α , исходя из основания b , субъект знает, что p , то в любом ближайшем случае α' , в котором он верит, что p^* , где p^* близко к p , исходя из основания, которое близко к основанию b , p^* истинно. (При этом понятие знания нечётко в той же мере, в которой нечётко понятие близкого возможного мира.)

Другими словами, истинное мнение, сформировавшееся в некоторых условиях и на некоторой основе, является безопасным тогда и только тогда, когда при достаточно похожих условиях формирующееся на достаточно похожей основе достаточно похожее мнение является истинным [Williamson 2000], [Greenough 2009, p. 325]. (Для Уильямсона, таким образом, начальные условия (а также основания и мнения) должны быть подобными и от-

¹ «Случай» подобен «возможному миру», но в отличие от последнего он зависит от субъекта и момента времени. В терминологии Дэвида Льюиса это «центрированный мир» [Williamson 2000, p. 52]. Уильямсон отвергает модальный реализм Дэвида Льюиса, в рамках которого возможный мир есть нечто вроде максимально конкретной пространственно-временной системы, подобной нашему миру. То есть для Льюиса «актуальный мир» – это наш пространственно-временной мир; «возможные миры» – это другие пространственно-временные миры, которые не имеют пространственно-временной связи с нашим миром. Можно, однако, говорить о «возможных мирах» не в смысле модального реализма, а как о способе некоторым образом представлять возможности [Williamson 2013].

носиться к моменту события. Напротив, Дункан Притчард предполагает, что начальные условия (и метод формирования мнения) инвариантны.)

На наш взгляд, определение Уильямсона можно отнести к эпистемологии анти-риска: во внимание принимаются лишь сформировавшиеся мнения, и условие безопасности исключает наличие высокой степени модального риска формирования ложного мнения. Сам Уильямсон пишет: «Согласно концепции “нет близкого риска“, безопасность есть вид локальной необходимости, а близость есть вид отношения доступности между мирами в рамках семантики возможных миров для модальной логики» [Williamson 2009].

Вероятность и модальный риск

Понятие модального риска следует отличать от понятия вероятностного риска (подробнее см. [Pritchard 2016B, ch. 2]). Другими словами, при анализе знания следует делать различие между удалённостью возможного мира от мира актуального в вероятностном смысле и его удалённостью в модальном смысле. Например, возможный мир, в котором лотерейный билет оказывается выигрышным, очень удалён в вероятностном смысле, но очень близок в модальном смысле (то есть этот мир очень похож на актуальный мир). Возможна и обратная ситуация.

Таким образом, можно иметь знание о менее вероятном событии и не иметь знания о более вероятном событии. Я не знаю, что я не выиграю (не выиграл) в лотерею (если билет будет (есть) невыигрышный), но я могу знать, что мой автомобиль прошедшей ночью не был угнан, хотя вероятность того, что он не был угнан может быть гораздо ниже, чем вероятность того, что я не выиграю в лотерею. Дело в том, что в модальном – смысле возможный мир, в котором я выигрываю в лотерею, очень близок к актуальному миру. Напротив, возможный мир, в котором мой автомобиль прошедшей ночью был угнан, отличается гораздо более значительно от актуального мира.

Очевидно, модальная близость к актуальному миру есть вопрос степени: Чем больше схожесть между возможным миром и миром актуальным, тем ближе первый ко второму. Поэтому знание может быть более или менее достоверным (соответственно, безопасность истинного мнения может быть более или менее сильной.). В любом случае, для наличия знания модальные миры, в которых мнение ложно, должны быть значительно удалены от актуального мира.

Для иллюстрации условия безопасности обратимся к известному примеру Алвина Голдмэна с Барни [Goldman 1976]. Барни, не зная, что он находится в районе фальшивых (фасадов) амбаров, которые на вид не отличимы от настоящих, по чистой случайности смотрит на один-един-

ственный имеющийся в этом районе подлинный амбар и формирует истинное (и обоснованное) мнение «Передо мною амбар». Он, однако, не знает, что перед ним настоящий амбар, поскольку условие безопасности его истинного мнения нарушается. Его мнение с лёгкостью могло бы оказаться ложным; оно оказалось бы ложным, если бы Барни посмотрел на любой фальшивый амбар (фасад амбара).

Заметим, что при тех же начальных условиях и методе формирования мнения – Барни находится в районе фальшивых амбаров и случайно смотрит на находящийся перед ним объект, который он принимает за амбар – в возможных мирах мнение Барни «Передо мною амбар» не варьируется, но его истинность варьируется. То есть мнение Барни истинно в актуальном мире, в котором он смотрит на настоящий амбар, и ложно во всех ближайших возможных мирах. В нашей классификации это случай (B.2).

Данный пример можно незначительно модифицировать. Предположим, что Барни формирует несколько иное мнение, а именно мнение «Этот конкретный объект, который находится передо мною (который я вижу), амбар». Это мнение варьируется в возможных мирах, поскольку варьируется сам объект, на который смотрит (в возможной ситуации) Барни. Это случай (C). При этом мнение варьируется и ложно во всех возможных мирах, за исключением актуального мира (случай (C.2)). Таким образом, если в рамках этой интерпретации принять условие безопасности истинного мнения в слабом смысле, апеллирующее лишь к истинности мнения во всех возможных мирах, в которых формируется то же самое мнение, мы приходим к неверному результату, что мнение Барни «Этот конкретный объект, который находится передо мною (который я вижу), амбар» есть знание. (К возможным ситуациям, в которых это мнение фиксировано, относятся лишь ситуации, в которых Барни смотрит на один и тот же (настоящий) амбар. В этих ситуациях мнение истинно. То есть истинность мнения безопасна в слабом смысле. Но само (истинное) мнение не безопасно.)¹

В другом известном примере фермер при нормальных условиях видит в поле овцеподобную собаку, которую он принимает за овцу, и за которой

¹ Некоторые философы утверждают, что Барни знает, что перед ним настоящий амбар. Основанием для этой точки зрения является тот факт, что в известном смысле Барни формирует своё истинное мнение эпистемически удовлетворительным образом, применяя свои когнитивные способности. Например, согласно Эрнесту Соза, истинное мнение Барни является компетентным и подходящим и, следовательно, является знанием. (В то же время Соза полагает, что мнение Барни не удовлетворяет условию подходящести второго порядка (которое является модальным условием) и, соответственно, не является полным знанием.) [Sosa 2015.]

Эпистемология анти-риска позволяет опровергнуть эту точку зрения. В случае с Барни, так же как и в случаях, в которых, в отличие от случая с Барни, имеется когнитивный (причинный) «провал» между истинным мнением и истиной/фактом (см. ниже пример с фермером), риск формирования ложного мнения высок. Поэтому с точки зрения эпистемологии анти-риска истинное мнение Барни не является знанием.

действительно случайно оказалась овца [Chisholm 1977, p. 93]. Истинное обоснованное (причём обоснование может быть более или менее сильным) мнение фермера «В поле овца» не является знанием, поскольку оно с лёгкостью могло бы оказаться ложным. В ближайших возможных мирах (то есть при тех же (или близких) начальных условиях и том же (или близком) методе наблюдения) мнение фермера не меняется, но оно оказывается ложным. В нашей классификации это случай (В.2). Причём во всех ближайших мирах (за исключением актуального мира) мнение фермера ложно.

Так же как и в случае с Барни, это пример можно переформулировать. Предположим, что фермер формирует мнение «Здесь (в этом месте) и теперь (в это время) в поле находится овца». В ближайшем возможном мире его мнение будет другим, так как другим будет место и время. Слабая формулировка условия безопасности, принимающая во внимание лишь то же самое мнение, что и мнение в актуальном мире, и в этом случае непригодна.

Таким образом, предыдущие два примера могут быть проанализированы как в терминах слабой формулировки условия безопасности, так и в терминах его сильной формулировки ((В.2) и (С.2) можно преобразовать друг в друга). Как показывает анализ необходимых предложений, это не всегда возможно. Предпочтение следует отдать сильной формулировке условия безопасности.

Предположим, например, что истинное мнение, что $2+2=4$, формируется эпистемически неудовлетворительным образом (например, в результате подбрасывания монеты). Тем не менее, истинность этого мнения является безопасной в слабом смысле. То есть мнение, что $2+2=4$, является истинным во всех (и не только ближайших) возможных мирах. Нельзя, однако, сказать, что сформированное таким образом мнение является знанием.

Это эпистемическое явление объясняется в терминах сильного условия безопасности.

В самом деле, при тех же начальных условиях и том же методе формирования мнения (подбрасывание монеты), могло бы сформироваться другое мнение, например, мнение, что $2+2=5$, которое является ложным. Именно вследствие этого, исходное мнение не является знанием.

Эпистемические везение и риск

Таким образом, слабая формулировка условия безопасности имеет ограниченную область применимости. Она применима лишь там, где она совпадает с сильной формулировкой этого условия, или же там, где её применение эквивалентно применению сильной формулировки.

Слабая формулировка автоматически исключает из рассмотрения возможные миры, в которых мнение не формируется. Сильная формулировка предполагает вариацию мнения и, следовательно, возможность, что мне-

ние вообще не формируется. Эти миры могут не оказывать (и они не оказывают) влияния на наличие знания, но их исключение из рассмотрения должно быть мотивировано.

Если, как это делает Притчард, определить «удачное событие» как событие, которое (при фиксированных начальных условиях) не имеет места хотя бы в одном ближайшем возможном мире, то, применительно к эпистемологии, истинное мнение (эпистемическое событие), которое не формируется хотя бы в одном ближайшем возможном мире, следует считать удачным. Как сказано выше, такое эпистемическое везение совместимо с наличием знания, и это объясняется эпистемологией анти-риска. В рамках последней, знание – это истинное мнение, риск которого оказаться ложным, невелик. То есть в ближайших в модальном смысле возможных мирах мнение не является ложным (если оно вообще не формируется, то это не имеет значения).

Чем меньше риск, что мнение могло бы оказаться (или окажется) ложным, тем меньше везения в том, что оно оказалось истинным. И наоборот. То есть понятия риска и везения очень близки, но первое является более фундаментальным.

Можно предположить, что случаи, когда мнение не формируется, могут быть сведены к случаям (значительной) вариации начальных условий (или метода), при которых формируется мнение, то есть к случаям, в которых везение отсутствует. Следующий контрпример Притчарда опровергает это предположение [Pritchard 2016A].

«Вообразим, например, субъекта, который имеет основанные на памяти корректные основания для своего мнения, что битва при Ганстингсе состоялась в 1066 году. Предположим, однако, что хотя наш субъект, соответственно, доверяет этому мнению в актуальном мире, имеются близкие возможные миры, в которых он склонен сомневаться в себе. Скажем, психологическим фактом об этом субъекте является тот факт, что его доверие к тому, во что он верит, достаточно изменчиво, даже если и нет эпистемического основания для такой изменчивости (например, у него нет оснований сомневаться в своей памяти). Для такого субъекта будет истинным, что в близких возможных мирах он будет иметь то же самое основание для своего мнения, что и в актуальном мире, и всё-таки на этом основании не будет верить в рассматриваемое предложение»

В нашей классификации этот случай относится к Д.1. Мнение могло бы не сформироваться. Тем не менее, оно является знанием.

С точки зрения эпистемологии анти-везения мнение субъекта, что битва при Ганстингсе состоялась в 1066 году, является удачным. С точки зрения эпистемологии анти-риска, его мнение не является рискованным. Поэтому оно и является знанием.

Заклучение

Таким образом, мы рассмотрели две формулировки эпистемологического условия безопасности для знания. Условие безопасности в слабом смысле исключает из рассмотрения случай, когда мнение вообще не формируется, автоматически и требует, чтобы фиксированное мнение было истинным во всех ближайших возможных мирах. Условие безопасности в сильном смысле допускает вариацию мнения в ближайших возможных мирах и требует, чтобы оно было истинным в тех мирах, в которых оно формируется. Игнорирование миров, в которых мнение не формируется, мотивируется эпистемологией анти-риска, но не эпистемологией анти-везения. Мы показываем, что условие безопасности в сильном смысле имеет более широкую область применимости и поэтому предпочтительнее, чем условие безопасности в слабом смысле. Это в свою очередь является косвенным указанием на предпочтительность эпистемологии анти-риска.

References

- Chisholm, R. 1977. 'Theory of Knowledge', Englewood Cliffs, NJ: PrenticeHall, 144 p.
- Goldman, A. 1976. 'Discrimination and Perceptual Knowledge', *Journal of Philosophy*, 73, pp. 771-91.
- Greenough, P. & Pritchard, D. 2009. 'Williamson on Knowledge'. Oxford UP, 416 p.
- Pritchard, D. 2016A. 'Epistemic risk', *Journal of Philosophy*, vol. 113, issue 11, pp. 550-571.
- Pritchard, D. 2016B. 'Epistemology'. Palgrave, 2016.
- Sosa, E. 2015. 'Judgment and Agency'. Oxford UP, 288 p.
- Williamson, T. 2000. 'Knowledge and Its Limits'. Oxford UP, 352 p.
- Williamson, T. 2009. 'Probability and Danger', *The Amherst Lecture in Philosophy*, 4, pp. 1-35.
- Williamson, T. 2013. 'Modal Logic as Metaphysics'. Oxford UP, 480 p.

Прись И.

Қауіпсіздік жағдайлары мен қатерлі эпистемологияның екі тұжырымы туралы

Білімді білу үшін эпистемологиялық қауіпсіздік жағдайының екі тұжырымын қарастырамыз. Қауіпсіздік жағдайы әлсіз мағынада жақын әлемде шындықты сақтауды талап етеді. Қауіпсіздік жағдайы мықты мағынада жақын әлемдерде пікірлердің әртүрлі болуына мүмкіндік береді және оның шындық болуын талап етеді. Қауіпсіздіктің нашар жағдайы, пікір автоматты түрде қалыптаспаған жағдайды болдырмайды. Күшті қауіпсіздік кейбір мүмкін әлемде пікір мүлдем қалыптаспауы мүмкін деп болжайды. Мұндай әлемді қарастырудан алып тастау «сәттілікке қарсы эпистемологияны» емес, «тәуекелге қарсы эпистемологияны» беретін уәжді қажет етеді. Біз қауіпсіздіктің жай-күйі әлсіз мағынадағы қауіпсіздік жағдайына қарағанда анағұрлым кең қолдануға болатындығын көрсетеміз, сондықтан қолайлы. Бұл өз кезегінде тәуекелге қарсы эпистемологияны таңдағанның жанама белгісі болып табылады.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КАТЕГОРИИ «СЛУЧАЙНОСТЬ» В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА

Аннотация. В данной статье изложены некоторые мысли таких ярких представителей среднеазиатской философской школы как Абу Наср Фараби, Абу Райхон Беруни и Абу Али Ибн Сина, касающиеся явления случайности. В статье отмечается, что случайность изучается совместно с необходимостью, возможностью, действительностью, категориями причинности и вероятности, так как говорится, что эти категории находятся в постоянной взаимосвязи.

Были сделаны некоторые необычные выводы о том, что случайность даёт человеку надежду, веру и вдохновляет его на жизнь и борьбу, однако иногда случайность вызывает в людях чувство страха, паники. Совместно с утверждением, о том, что в праве выбора также есть элемент случайности и, что случайность – это превращение возможностей в действительность, признано, что она обладает также смыслом и формой. Вместе с тем, высказывается мнение о том, что в случайности есть вероятность внутренней и внешней причины, а также, что причина может, и наоборот, не может превратиться в случайность.

Ключевые слова: случайность, необходимость, диалектика, событие, возможность, действительность, причина, основа, загадка, борьба, цель, будущее, мечта, отношение, выбор.

Случайность – это необходимость для общества и человека

Среди всех мыслителей Востока и Средней Азии Абу Наср Фараби представляет наиболее содержательный анализ категории случайности. Абу Наср Фараби утверждает, что необходимость и случайность имеют одинаковое значение в существовании предметов и событий: “Каждый предмет, в чем-то, вместе с чем-то, перед чем-то, относясь к чему-либо, находится на чем-либо, а также необходимым явлением – происходящим от предков или случайным образом” [Форобий 1963, сс. 224-225]. Этим он говорит о том, что все в наше мире не может существовать в одиночестве, и, чтобы существовать должен быть во взаимосвязи с другими. Если сказать проще, высказывает чрезвычайно важную мысль, что все в мире связано друг с другом по необходимости и случайно.

С точки зрения Фараби случайное существование предмета (вещи) – значит, что этот предмет не происходит из своей сути и природы. Случайные

события не предопределяются и они являются следствием внезапных и неожиданных изменений существующих природных, закономерных вещей, говорит Фараби. Нижеследующий пример из жизни, приведённый Фараби, подтверждает данную мысль: “К случайным вещам можно привести следующий пример: например, сверкнет молния и какое-то животное погибает от нее. Это проявление случайной смерти от молнии, того, что она связана с молнией, т.е. вид смерти случайной. Это событие случайно, и мы, на самом деле, не можем назвать её необходимой. Так как здесь столкновение смерти с молнией, её связь с молнией не зависит от природы смерти, также в природе и сущности молнии смерть не является необходимостью. Значит, все эти события являются случайными” [Фаробий 1963, сс. 224 -225].

Как видно из выше приведённых представлений, Фараби хочет сказать, что: как и все живые существа, это животное, погибшее от молнии, когда-то все равно умрет. Но в этом случае животное умерло не естественной, а случайной насильственной смертью. Конечно, естественно появление здесь молнии, и может быть в определенном смысле естественно, что она, попав в это животное, убило его. Однако, нельзя делать вывод о том, что всякая молния является причиной смерти. Как утверждал Фараби, в природе молнии смерть не присутствует как необходимость, но она может существовать в виде случайности.

С точки зрения Абу Наср Фараби случайности могут быть двух видов: “первый – случайность, имеющая неизменные, неотделимые признаки, приметы (в качестве примера можно взять смолу, которая имеет чёрный цвет и нельзя отделить смолу от понятия черное, густое вещество); второй – случайность, имеющая непостоянные, отделяемые признаки, приметы, отметины (например, понятия, относящиеся к человеку: сидящий, стоящий)» [Казибердиев 1986, с. 61]. Если теперь мы дадим определение случайностям, которые были выделены Фараби, во-первых, мы должны будем отказаться от поверхностного объяснения понятия случайностей, имеющих постоянные признаки и приметы. Прежде всего, мы должны будем подумать о том, что существует ли сама случайность, имеющая постоянные признаки и приметы. Потому что, если какое-либо событие или вещь имеет постоянный признак или примету, не станет ли оно в конце-концов необходимостью?! Нам кажется, Фараби хотел сказать о видах случайностей, которые можно или невозможно знать.

Своеобразие мировоззрения Фараби заключается в том, что он признаёт, что случайные события имеют необходимое, положительное значение в жизни человека и общества и говорит: “Если бы в мире не было случайных событий, возникающих по непонятным причинам, не было бы (в человеке) чувства страха и надежды, веры. В свою очередь, их отсутствие приведет к полному исчезновению дисциплины и порядка

в жизни человека, и его деятельности в соответствии с законом. Подданные, которые в результате отсутствия страха, надежды и веры завтра не будут иметь ничего, перестанут подчиняться своим правителям, правители же перестанут заботиться о своих подданных. Никто не будет слушать господ бога и (люди) не будут проявлять друг к другу любовь и гуманность. Потому что, человек, который точно знает, что случится обязательно завтра, будет очень стараться не воспользоваться этим (чтобы это не случилось)” [Аль-Фараби 1972, с. 324].

Необходимо отметить, что это утверждение Фараби поможет нам понять значение случайности, и прийти к определённым теоретическим выводам. Если в мире не было бы случайностей, и все подчинялись законной необходимости, смысл жизни поменялся бы.

По мнению Фараби человеческая жизнь, и социальные отношения в том числе состоят из противоречий, случайностей и противоположностей. Человек, преодолевший их, может существовать в обществе. Особенно, деятельность главы города должна быть примером для других. Если он обладает 12 достоинствами [Форобий 1993, сс. 159-160], он может правильно и хорошо править, а также предотвращать всякие случайности. Люди во все времена старались преодолевать трудности и проблемы, возникающие на их жизненном пути. Даже если многие из них не умели преодолевать бытовые трудности, всё равно посвящали свою жизнь борьбе с жизненными водоворотами. Именно вера в возможность преодоления этих водоворотов существования, воодушевляет их на борьбу и продолжение жизни. Большинство людей надеются на случайности, которые могут им наладить свою жизнь.

Если мы поговорим о нежелательных последствиях, возникающих вследствие отсутствия чувства страха, надо сказать следующее: многое, что случается в жизни человека, таинственность причин происходящего, в частности смерти, некоторых болезней и различных бедствий, в каком-то смысле заставляют его стать более бдительным. Люди боятся бога (Аллаха). Потому что никто не знает, что может он завтра обрушить на наши головы. Все это, в итоге, приводит к тому, что люди начинают с уважением относиться к государственному строю, в котором живут. Надо сказать, что и Амир Тимур воспользовался в своё время этими идеями Фараби. Об этом ясно говорят следующие слова Амира Тимура: “Я всех держал в страхе и надежде” [Тимур 1991, с. 94]. На самом деле, мысли и суждения Фараби говорят о том, что научное понимание явления случайности играет важную роль в развитии человека и общества, и, что нельзя представить себе жизнь человека и общества без случайностей. Поэтому, опираясь на мысли Фараби, можно прийти к следующему выводу: явление случайности дает человеку чувство веры и надежды. Эти чувства вдохновляют че-

ловека жить, стремясь к будущему. То есть, люди могут жить с верой в то, что также как и необходимость, случайность тоже может помочь в достижении хорошей жизни. Необходимо отметить, философские размышления Абу Насра Фараби имеют очень важное значение в формировании точки зрения о категории случайности у философов последующих поколений.

Преобразование случайных возможностей в действительность

Мы хорошо знаем об открытиях, совершенных одним из величайших ученых Центральной Азии Абу Райханом Беруни и имеющих мировое значение в области таких наук, как геодезия, география и астрономия. Анализируя отношение Беруни к философской категории случайности, обнаруживаем, что его точка зрения по отношению к ней не такая, как у Фараби и Ибн Сино, и он даёт своё определение этой категории. В своей философии Беруни не представляет чёткого и ясного определения категории случайности, но достигнув глубинного смысла его слов и выражений, можно определить его отношение к этой категории. В качестве примера можем привести следующие рассуждения Беруни: “Слава Аллаху, создатель, соблюдая интересы людей, дал им возможность выбора. Дал им возможность собираться в каком-либо месте, объединяться и строить жильё, а также создал людей отличающихся друг от друга по потребностям, силе и энергии” [Шарипов 1972, с. 131]. Мы не находим в суждениях Беруни чёткого и определенного представления слова случайность в научной полемике. Однако, нам кажется, изложенное им понятие права выбора очень близко к понятию случайность. Потому что, всё происходящее в жизни людей, в том числе возможность и отсутствие случайностей также зависит от них самих, т. е. им дано право выбора. Также, возможности и потребности, о которых говорил Беруни, тоже находятся рядом с явлением случайности. В качестве доказательства этой мысли можно привести следующий пример из жизни: двое моих ровесников-земляков, закончив школу поступили в институт в большом городе. Через несколько лет один из них становится высококлассным специалистом, хорошим профессионалом, уважаемым человеком; другой же стал безалаберным, никем не уважаемым человеком без специальности, без работы. Можно сказать, что в этом случае у обоих были одинаковое право выбора и возможности, только из-за того, что были разные потребности, жизненные пути оказались разными. Если мы продолжим анализировать пример в этом плане, очень трудно будет добраться до конца. В итоге, исходя из рассуждений Беруни мы можем сделать следующий вывод: право выбора и возможности, которые даются людям, а также их потребности оказывают влияние на наличие и отсутствие случайностей в их жизни.

Абу Райхан Беруни, который считал, что: “Возникающие в населенной части Земли случайности происходят вдруг, т.е. неожиданно или друг за другом” [Шарипов 1972, с. 85], вероятно мог иметь в виду и случайность и необходимость. Потому что случайные события происходят неожиданно, вдруг, очень быстро, и этим они приводят людей в замешательство. Это почти то же самое, что и мгновенно, т.е. быстро происходящие события, о чём говорил Беруни. Так как необходимость составляет собой непрерывную цепочку, мы точно знаем какие события должны происходить до и после необходимости. Если точнее, нам становится понятным, что будет происходить до или после какого-то события. Беруни объясняет это, каклишь последовательно происходящие события.

Процесс детерминирования причин

То, что Абу Али ибн Сина, которого мы знаем в общем как великого врача, достигшего совершенства знатока медицины, был ещё и великим ученым философом давно уже доказано наукой. В частности, ибн Сина о явлении случайности в философии высказал глубокие, в тоже время, очень близкие к истине мысли о том, что: “Если возникающие явления-события не будут постоянно и часто происходить, а также происходить неожиданно, причину этого можно отнести к категории случайности или неожиданности” [Диноршоев 1985, с. 98].

Этим определением ибн Сина показал, что важное свойство случайности заключается в том, что она может произойти неожиданно. Ибо, как мы говорили ранее, случайность делает случайностью то, что она происходит неожиданно. Ещё одно свойство случайности в ее непостоянстве. То есть случайность не происходит постоянно, в любое время и часто. Иначе говоря, ибн Сина утверждает, что: “Случайность зависит от непостоянных, не повторяющихся часто факторов” [Ибн Сина 1980, с. 31]. Этим ибн Сина в раскрытии сущности явления случайности обошёл своих современников на шаг вперед.

Относясь с некоторым недоверием к точке зрения Демокрита и его последователей на явление случайности ибн Сина пишет следующее: “Они, признавая, что по одной из концепций (системе взглядов) случайность является бессмыслицей, пытались доказать, что всё имеет свою причину и не нуждается в случайных причинах. Но, придуманные ими такие отговорки не дают ожидаемых результатов, поэтому (если заметить, что это неверно) они говорят, что всё имеет свою причину, значит случайности нет. Однако, причина возникающая во взаимосвязи с предметом не может повторяться постоянно и часто, значит это и есть именно случайная причина” [Диноршоев 1980, с. 99-100]. Из сказанного выше видно, что

ибн Сина не отрицает возможность причины у всего, наоборот, признает существование такой причины. Единственно, ибн Сина утверждает, что существование такой причины не может отрицать наличие случайности. По мнению ибн Сина, если есть причина какому-нибудь явлению или событию, “тогда эта причина и есть влияние внутренних и внешних факторов” [Диноршоев 1980, с. 96]. Это определение ибн Сины считается одним из самых правильных определений, относящихся к сущности причины и причинности. Так как в основе происходящих явлений и событий лежат две причины: внутренняя и внешняя. Попытаемся пояснить нашу мысль с помощью примера из жизни. Представьте себе, что у обочины дороги лежит перевернутая машина. Могут быть различные причины этому явлению. Они происходят в основном на основании двух видов факторов – внутренних и внешних. Если к внутренним причинам относятся неисправность машины, беспечность водителя, к внешним можем отнести перебегание дороги пешеходом или неожиданное появление другой машины перед этой. Теперь, можно не сомневаться, что причиной такого состояния машины может быть одна из этих причин или обе вместе.

Однако, ибн Сина поясняет, что не все может являться причиной проявления случайности. “Нельзя утверждать, что как только какой-то стоящий человек присел, случилось затмение луны, и значит причиной этого затмения является именно он” [Бекбоев 1989, с. 77].

Эта мысль, высказанная ибн Сина, для своего времени являлась переводной и имела весьма важное значение. Так как, в те времена люди связывали причины многих случайных явлений именно с затмением луны или солнца.

Точка зрения ибн Сины, что: “случайные явления – это есть столкновение двух или более предметов” [Богомоллов 1982, с. 263]. Схожа с точкой зрения Аристотеля, о том что случайность есть совпадение событий и явлений друг с другом. По мнению ибн Сины эти вещи (предметы) могут не столкнуться друг с другом. Однако, вместе с тем, вероятность столкновения их между собой всегда остаётся. Чтобы подтвердить свою точку зрения ибн Сина воспользовался примером из жизни: “Если человек, решивший пойти на рынок знал, что он встретится с человеком, который ему должен, естественно эта встреча состоится. Если так, эта встреча не может быть случайной. Потому что человек, отправляющийся на рынок знал, что его должник будет там и есть большая вероятность встретиться с ним. Однако, они иногда не знают состоится их встреча или нет” [Богутдинов 1985, с. 418]. Если объяснить это проще, у этих двоих “вероятность” не встретится всегда остаётся.

Будучи и величайшим медиком, и великим философом, ибн Сина делает анализ явления случайности при помощи предметов и событий. Ибн

Сина делит вещи на три вида: первое, вещи, которые могут быть; второе, вещи, которые не могут быть и третье, необходимые вещи” [Сагадев 1985, с. 91]. Здесь, когда ибн Сина говорит о вещах, которые могут иметь место, вероятнее всего имел в виду и случайность. Так как, когда даётся определение случайности, обычно по отношению к ней используется выражение “может иметь место”. Когда же он говорит о вещах, которые не могут иметь место и необходимых, он видимо понимал необходимость. Потому что, подчиняясь определенной закономерности, они не могут отклониться в сторону или измениться. Например, то, что животные могут говорить на человеческом языке, одна из явлений, которое не может быть. Можно ввести в ряд необходимых вещей то, что животные могут дышать, ассимилировать или диссимилировать.

Взгляды ибн Сино в отношении случайности проявляются в следующих его выводах: во-первых, случайность не постоянна и не происходит часто; во-вторых, наличие причины не отрицает возможности случайности; в третьих, причина может обратиться в случайность, а может, наоборот, и не обратиться; в четвёртых, в случайности могут быть и внутренние, и внешние причины, в пятых, случайность – есть столкновение вещей и событий; в шестых, случайность – это события, которые могут иметь место.

Выводы

Мы опираясь на проанализированные выше учения, а также взгляды и точки зрения некоторых мыслителей можем сделать следующие выводы о категории случайности:

– Фараби, признавая возможность элемента случайности во всех вещах и явлениях бытия, отмечает существование случайности рядом с категорией необходимости, так как в развитие вещей и событий или проявлении их случайным образом, или по необходимости, а также в природе всех вещей и событий присутствует диалектика случайности. Также он приходит к выводу, что явление случайности играет важную роль в развитии человека и общества, и, что невозможно представить жизнь одного человека или всего общества без случайностей. По утверждению Фараби случайность даёт человеку чувство веры, желания и надежды, и вдохновляет его на жизнь и борьбу, однако случайность иногда пробуждает в людях чувство страха и паники;

– в философии Беруни не дается точного и четкого определения категории случайности, однако в основе понятия выбора выражается отношение к случайности. Значит, случайность – есть превращение возможностей в действительность, она тоже имеет смысл и форму, а значит, в праве выбора также присутствуют элементы случайности;

– взгляды ибн Сины в отношении случайности проявляются в следующих его выводах: во-первых, случайность не постоянна и не происходит часто; во-вторых, наличие причины не отрицает возможности случайности; в третьих, причина может обратиться в случайность, а может, наоборот, и не обратиться; в четвёртых, в случайности могут быть и внутренние, и внешние причины, в пятых, случайность – есть столкновение вещей и событий; в шестых, случайность – это события, которые могут иметь место.

Библиография

- Абу Наср Форобий. 1963. 'Форобий ва унинг фалсафий рисоалари'. Т., Ўзбекистон фанлар академияси, 284 б
- Аль-Фараби. 1972. 'Математические трактаты'. Алма-Ата, Наука, 424 с.
- Абу Наср Форобий. 1993. 'Фозил одамлар шаҳри'. Т., Абдулла Қодирий, 223 б.
- Бекбоев, А. 1989. 'Концепция необходимости и случайности в учении античных и восточных мыслителей'. Ф., Илим, 132 с.
- Богомоллов, С. 1982. 'Диалектический логос. Становление античной диалектики'. М., Мысль, 263 с.
- Богоутдинов, А. 1980. 'Избранные произведения'. Душанбе, Дониш, 418 с.
- Диноршоев, М. 1985. 'Натурфилософия Ибн Сины'. Душанбе, Дониш, 158 с.
- Ибн Сина Абу Али. 1980. 'Избранные произведения'. Душанбе, Дониш, 429 с.
- Казибердиев, А. & Муталибов, С. 1986. 'Абу Наср Ал-Фарабий'. *Исследования и переводы*. Т. Фан, 36 с.
- Сагадев, А. 1985. 'Ибн Сино'. М., Мысль, 222 с.
- 'Темур тузуклари'. 1991. Т. Ғофур Ғулом, 144 б.
- Шарипов, А. 1972. 'Великий мыслитель Абу Райхон Беруний'. Т., Ўзбекистон, 234 с.

Transliteration

- Abu Nasr Forobiy. 1963. 'Forobiy va uning falsafiy risolalari' [Farobi and His Philosophical Treatises]. Т., O'zbekiston fanlar akademiyasi, 284 b.
- Al-Farabi. 1972. 'Matematicheskie traktati' [Mathematical Treatises]. Alma-Ata, Nauka, 424 s.
- Abu Nasr Forobiy. 1993. 'Fozil odamlar shahri' [The City of Fascinating People]. Т., Abdulla Qodiriy, 223 b.
- Bekboev, A. 1989. 'Kontseptsiya neobxodimosti i sluchaynosti v uchenii antichnix i vostochnix mislitley' [The Concept of Necessity and Chance in the Teachings of Ancient and Eastern Thinkers]. F., Ilim, 132 s.
- Bogomolov, S. 1982. 'Dialekticheskiy logos. Stanovlenie antichnoy dialektiki' [Dialectical Logo. The Formation of Ancient Dialectics]. М., Misl, 263 s.
- Bogoutdinov, A. 1980. 'Izbrannye proizvedeniya' [Featured Works]. Dushanbe, Donish, 418 s.

Dinorshoev, M. 1985. 'Naturfilosofiya Ibn Sino' [Natural Philosophy Ibn Sina]. Dushanbe, Donish, 158 s.

Ibn Sina Abu Ali. 1980. 'Izbranno'e proizvedeniya' [Featured Works]. Dushanbe, Donish, 429 s.

Kaziberdiev, A. & Mutalibov, S. 1986. 'Abu Nasr Al-Farabiy' [Abu Nasr Al-Farabi]. *Issledovanie i perevodi*. T., Fan, 361 s.

Sagadev, A. 1985. 'Ibn Sino' [Ibn Sino]. M., Misl, 222 s.

'Temur tuzuklari' [Temur's Traps]. 1991. T., G'ofur G'ulom, 144 b.

Sharipov, A. 1972. 'Velikiy mo' slitel Abu Rayxon Beruniy' [The Great Thinker Abu Rayhon Beruniy]. T., O'zbekiston, 234 s.

Салимов Б.

Таяу Шығыстың философиялық дискурсындағы «кездейсоқтық» категориясының диалектикалық мәні

Бұл мақалада Орта Азия философиялық мектебінің Әбу Насыр Фараби, Абу Райхон Беруни және Абу Али Ибн Синаның кездейсоқ құбылысқа қатысты кейбір пікірлері баяндалған. Мақалада кездейсоқтық қажеттілікпен, мүмкіншілікпен, шындықпен, себептер мен ықтималдық категорияларымен бірге зерттелетіндігі айтылады, өйткені бұл категориялар үнемі өзара байланыста болады.

Кездейсоқтық адамға үміт, сенім береді және оны өмір мен күреске шабыттандырады, бірақ кейде кездейсоқтық адамдарда қорқыныш пен үрей тудырады деген тұжырым жасалды. Таңдау құқығында кездейсоқтықтың элементі бар екендігімен және кездейсоқтық мүмкіндіктердің шындыққа айналуы болып табылады деген тұжырыммен бірге оның мәні мен формасы бар екендігі де мойындалады. Сонымен бірге, кездейсоқ жағдайда ішкі және сыртқы себептердің пайда болу ықтималдығы бар, және керісінше, апатқа айналуы мүмкін емес деген пікір айтылған.

Аслан Азербайев (Павлодар, Казахстан)

ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХОВ: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В КАЗАХСТАНЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

Аннотация. В статье рассмотрены три идеологических течения национальной идентичности казахов на рубеже XIX-XX веков. Панисламизм и пантюркизм – два перекликающихся понятия, поскольку большинство мусульман Российской империи составляли тюркоязычные народы. Панисламизм и пантюркизм рассмотрены в контексте протеста метрополии. Колониальная политика России и миссионерская деятельность (попытки христианизации) вызвали протест в виде панисламизма и пантюркизма. Основанный Исмаилом Гаспринским, джадидизм – это система образования, целью которой было приобщение мусульман к европейским достижениям и адаптация их в эпоху технического прогресса. Джадидизм стал мировоззренческой основой преобразования мусульманского общества.

Казахская демократическая интеллигенция представлена деятелями партии Алаш, контактировавшими с русской передовой интеллигенцией. Лидеры движения Алаш имели проевропейские взгляды относительно будущего казахского народа. Данное направление было обозначено Чоканом Валихановым и Абаем Кунанбаевым. Казахские интеллигенты, получившие образование в русской интеллектуальной среде, предложили концепцию национализма в его благом понимании, что значит «быть самим собой», знать, сохранять созидательное, добродетельное в своей культуре, истории, и этим руководствоваться во взаимодействии со всем миром. Данный вариант национальной идентичности, помимо этнической и языковой принадлежности, предполагал и ментально-нравственный аспект.

Ключевые слова: идентичность, панисламизм, пантюркизм, национализм, интеллигенция, джадидизм.

Введение

В начале XX века перед казахским народом нависла потребность поиска национальной идентичности. Кочевники, называвшие себя казахами, а в документах колониальной администрации, обозначаемые как киргизы (или киргис-кайсаки, киргиз-казаки) европейской общественности представлялись как дикие кочевые орды, утратившие свой былой воинственный дух. Из данной кочевой среды, имевшей

самобытную тюркскую культуру и религию ислам, в XIX веке выявилась интеллигенция в европейском ее понимании, глубоко мыслящая о пути дальнейшего развития с осознанием народа себя самого как нации, и на данной основе заявлением о себе миру.

Русский востоковед А.Е. Алекторов [2007 а, с. 127] определил: «У европейских народов национальное движение объединяло части их исповедующих разные религии. А у восточных совпало со стремлением в объединении на религиозной почве разных народностей (панисламизм) и вызвало течения в объединении, на почве ислама и общего литературного языка, в большие народности частей племен, уже довольно далеко разошедшихся в отношении языка и культуры и живущих в больших расстояниях друг от друга (пантюркизм). Эти три течения (т.е. национальное в европейском смысле слова, панисламистское и пантюркское) затронули в той или иной степени всех мусульман, живущих в России, и за последнюю четверть века произвели огромный переворот в мировоззрении и настроении».

В поиске казахской национальной идентичности выявлены три течения, изложенные востоковедом, изучение которых и сейчас представляет актуальность. Если в начале XX века перед казахами стояла проблема сохранения себя как этноса, то в наше время важность изучения национальной идентичности обусловлено как глобализацией, так и четвертой промышленной революцией, предлагающих иной формат человеческой культуры.

Методология исследования

Методологией исследования стал историко-философский метод, способствовавший рассмотрению каждого из трех вариантов национальной идентичности казахов как философской идеи, детерминированной спецификой исторического становления народа. Принцип историзма позволил раскрыть предпосылки концептуализации каждой идеи идентичности. Применение компаративистики проявилось в сравнительном рассмотрении идейных течений.

Панисламизм и пантюркизм в контексте протеста метрополии и модернизации

Во второй половине XIX века острая проблема сохранения себя как народа с собственными атрибутами и этническим содержанием заставила казахскую образованную общественность искать приемлемый путь адаптации в атмосфере с прерогативой индустриального развития. Новое время обусловило ход истории человечества с приматом европейского ра-

ционализма над всеми парадигмами и мировоззрениями. И кочевая цивилизация с самобытностью мировоззрения и размеренно циклическим ритмом жизнедеятельности вынуждена была уступить другому укладу и ментальности. Возник пресловутый вопрос: «с кого брать пример?». В новом времени для европейцев кочевники представляли архаические общности, ввиду природно-климатических особенностей или каких-либо других факторов застывших в историческом развитии. Ввиду этого, народы с оседлым образом жизни выглядели в качестве доноров культурно-социального развития.

Российская империя, будучи метрополией, была аграрной страной, сама перенимавшая европейский опыт, имела два варианта «донорства». Первое, самодержавно-шовинистическая Россия ратовала за заселение Казахстана русскими крестьянами и христианизацию «инородцев». Второе, разночинно-демократическая интеллигенция евразийского толка отстаивала единение народов с сохранением культурного самоопределения (сибирское областничество). Казахская интеллигенция в вопросах будущей самоидентификации народа разделилась на два направления. Рыскулов Т. [2002, с. 417] писал: «До революции 1905 г. среди казахского населения можно было отличить два вида интеллигенции. Один – интеллигенты, персонально выдвинувшиеся из отсталой среды в разное время, вроде Чокана Валиханова, Алтынсарина или Гази Валиханова, правда, немногочисленные, получившие русское образование и связанные с русской интеллигенцией, которые стремились при содействии русской власти приблизить казахов к европейской культуре, и другой – получивших воспитание в татарских, башкирских и других мусульманских школах, стремящихся путем распространения культуры мусульманского Востока просветить казахский народ».

Изначально русское самодержавие использовало татарское духовенство для исламизации казахов, поскольку предполагалось посредством религии усмирить свободолюбивый нрав кочевников. Однако на рубеже XIX-XX веков колониальные власти уже боролись против татарского культурного влияния с целью русификации казахов. Как писал А.Е. Алекторов [2007 б, с. 66], в «степи слышится татарская речь, перенимается татарский покрой платья и вводятся татарские обычаи. Появляясь среди киргизов в качестве мулл или под видом мелких торговцев, татары при первой возможности открывают мектебе...».

После завоевания Россией среднеазиатских государств и объявления всех казахских земель собственностью империи, для казахов представилась возможность получать мусульманское образование не только в Казани, но и в Бухаре, тем самым еще больше распространяя ислам в степи. В 1896 году Г.Н. Потанин [2005 а, с. 110] писал: «...с завоеванием Турке-

стана молодые люди из киргизов стали уезжать в «святую» Бухару; они изучают там персидский и арабский языки и мусульманский закон и, возвратившись на родину, становятся муллами. Бухарские богословы известны своим фанатизмом; их ученики распространяют в киргизском народе ханжество, отвращение к европейской науке и щеголяние персидскими и арабскими фразами...».

Грубая русификаторская политика самодержавия имела обратный результат. Несмотря на стремления и большие затраченные суммы на миссионерскую деятельность, обращенных в православие казахов было совсем немного. Зато попытки распространения православия вызвало «своеобразный мусульманский бум», который был формой «пассивного сопротивления русификаторской политике колониальных властей» [Асанова 1993, с. 131]. Как пишет Асанова С.А.: «Интерес к исламу в казахском обществе выражал стремление сохранить национальную идентичность. Религия стала не только основой духовного единства общества, но и рассматривалась как составная часть национального духа. Утрата религиозности рассматривалась как утрата национальности» [1993, с. 132].

Выпускник Омского кадетского корпуса, полковник Газиз Валиханов создал в Петербурге мусульманское общество [Садвокасова 2005, с. 220]. Его квартира в Петербурге стала местом заседания казахской молодежи, учащейся в Петербурге, и мусульманской интеллигенции. На собраниях обсуждалась колониальная политика, тема развития ислама, казахского языка и культуры. Приезжая на Родину, будучи осведомленным о планах самодержавия, он говорил с местными образованными людьми, с духовенством, снабжал их политической и религиозной литературой [Садвокасова 2005, с. 221]. Влияние Газиза Валиханова привело к тому, что в 1903 году в Петропавловске, Кокшетау, Акмоле была создана подпольная религиозно-политическая организация [Садвокасова 2005, с. 222]. Садвокасова З.Т., ссылаясь на архивные данные, пишет: «Муллы Мухамеджан Бекишев, Шаймердан Косшегулов, Смагул Балжанов, студент Айдархан Турлубаев и другие сочиняли письма и рассылали их по заранее составленным адресам наиболее влиятельным лицам казахского общества: Садвакасу Шорманову (Павлодарский уезд), Кенжину (Зайсанский уезд), Абаю Кунанбаеву (Семипалатинский уезд) и другим, чтобы они оказали содействие в сплочении народа во имя сохранения национальной самобытности» [2005, с. 223]. Колониальные власти, следившие за деятельностью духовенства и перепиской между уважаемыми в казахском обществе людьми, отвечали репрессиями: «В Петропавловске, Кокшетау, Акмоле, Павлодаре, Семипалатинске производились обыски, аресты. Мечети, медресе закрывались» [Садвокасова 2005, с. 223]. Карательные меры царского правительства толкали казахскую интеллигенцию в общемусульманское движение империи.

Стало очевидным объединение народов империи, исповедующих ислам. В документах жандармского управления панисламизм представлялся как политическое движение, якобы подпитываемое из мусульманских стран – противниц России («В каждом иностранце (турке, афганце) ох-ранка видела профессионала агитатора за панисламизм») [Аршаруни, Габидуллин 1931, с. 3].

Панисламизм среди народов Российской империи в большей степени воспринимался с реформаторских позиций, с основной идеей приобщения мусульман к европейским достижениям и адаптации их в эпоху технического прогресса, что оформилось в джадидизм, основанный Исмаилом Гаспринским. Кроме того, панисламизм как объединение мусульман перекликался с пантюркизмом, так как большинство мусульман империи составляли тюркоязычные народы. Эти два понятия никоим образом не противоречили друг другу. Ввиду этого, панисламизм – это консолидация народов в борьбе с метрополией за гражданские права и свободы, объединительное начало с целью сохранения национальной самобытности и поиска идентичности с учетом веяний индустриальной цивилизации.

Последователи джадидизма на втором съезде мусульман в августе 1905 г. в Нижнем Новгороде создали первую мусульманскую партию «Иттифак аль-муслимин» («Союз мусульман»). Однако в панисламистском движении произошел раскол на традиционалистов (кадимистов) и новаторов (джадидистов). Разницу составлял метод обучения. Относительно нового метода («Усуль-джадид»), М. Шокай высказывается, что это «школьное понятие», из которого царская администрация сделала «политический ярлык» с целью преследования его сторонников. В 1931 году М. Шокай писал: «Несмотря на самые строгие преследования, «джадидские школы» открывались. Они существовали нелегально. Особенно этих школ было много в степи, в казах-киргизских аулах. Ничего антигосударственного, противоправительственного в них не преподавалось, дети обучались родной грамоте, начальной арифметике, географии, естествознанию на родном языке» [2011, с. 242]. Тем самым, новый метод представлял светское образование на родном языке, что могло впоследствии сформировать нацию, способную угнаться за прогрессом, и при этом сохранить собственные этнические черты, прежде всего, язык как основу духовной культуры. Но, к сожалению, последователи джадидизма причислялись к «турецким агентам» [Шокай 2011, с. 239], поскольку российскому самодержавию выгодно было «держатъ туркестанское население в состоянии вечной «лестаргии», в объятиях слепой покорности судьбе» [Шокай 2011, с. 240].

А школы «старого метода» Шокай характеризует следующим образом: «На десятки тысяч людей, прошедших через старые конфессиональные школы, грамотных, т.е. обученных письму и свободному чтению

можно было насчитать буквально пальцами. Даже из высших школ, где курс обучения длится лет 10-15, весьма и весьма часто люди выходили, не всегда будучи в состоянии написать свое собственное имя» [5, с. 238]. Как пишет деятель, «ученые муллы» из Бухары «бывали такими же суеверными, такими же мрачными невеждами, как и те кто не переступал порога школы», зато они «знали наизусть все почти священные книги, все тонкости и детали религиозного ритуала, умели по «Шариату» разрешать все самые запутанные жизненные казусы» [5, с. 238].

Два метода – два разных мировоззрения и миропонимания, путь в будущее или традиционное закоряженное, обросшее суевериями и предрассудками, состояние невосприимчивости к вызовам прогресса. Джадидизм призывал к вере без наслоений суеверий и запретов, веками внедряемых дабы максимально ограничить кругозор общины и наложить полную духовную монополию. В то время как Запад после Реформации обратил взор на креативность человека, инициативность, что предопределило свободу личности. Тогда как арабо-мусульманский Восток прозябал в неведении, а его метрополия – Османская Турция после первой мировой войны едва не стала полуколонией Великобритании. В связи с этим, Гаспринский и его последователи полагали, что ислам в подлинном значении содержит духовно-нравственные основы ценности человеческого рода и его развития. Этические нормы ислама предостерегают от морального разложения и исключают нравственную деградацию. Кроме того, вера мусульман гласит о ценности всего человечества независимо от этнической, расовой, конфессиональной принадлежности и важности его единства. Ислам призывает к познанию и совершенствованию, чему свидетельство мусульманский Ренессанс IX-XI вв. А на рубеже XIX-XX веков данный завет ислама был особо необходим мусульманам. Для следования данной истинной сути ислама требовалось изучить научные достижения в области естествознания, математики, медицины, юриспруденции и т.д., овладеть техникой и технологиями – все это направить и применять в добродетельно-созидательном русле.

После Февральской революции в марте 1917 года в Туркестане джадиды объединились в политическую партию «Шуро-и-Исламия», целью которой было объединение разрозненного населения Туркестана, куда входили южные регионы современного Казахстана. Активным деятелем партии был казах Мустафа Шокай. Актив «Шуро-и-Исламия» в ноябре 1917 г. на IV чрезвычайном съезде мусульман Туркестана инициировал образование Временного правительства Туркестанской автономной республики – Кокандской автономии. Главой тюркского правительства был казах Мухаметжан Тынышпаев, а министром иностранных дел – М. Шокай.

Еще в июне 1917 года из «Шуро-и-Исламия» отделились консерваторы. Отделившиеся создали партию «Шуро-и-Улема» («Совет духо-

венства»), наибольшее влияние которой распространялось в Ташкенте, а затем и в других городах Туркестана. Лидером и идеологом партии был казах Серали Лапин. «Шуро-и-Улема» также отстаивало идею самоопределения народов Туркестана, но с превалированием шариата в общественном и государственном устройстве.

Если в Туркестане в основном преобладал панисламизм (и пантюркизм) с расколом на джадидов и кадимистов, сторонников ортодоксального ислама с преобладанием шариата во всех сферах общества, то в Казахстане магистральную линию задавала демократическая интеллигенция проевропейской направленности. Происламское идейное течение и либерально-демократическая направленность с опорой на русскую передовую мысль того времени находились в соперничестве друг с другом. Помимо религиозного вопроса, яблоком раздора был земельный вопрос. Как писал Т. Рыскулов, рупором происламского направления был журнал «Айкап», отражавший «настроения той части казахской интеллигенции, которая стремилась свои панисламистские тенденции связать с казахским национализмом», кроме того, это «же течение высказывалось на страницах «Ай-Кап» за переход в оседлость казахского народа, как средство сохранения земли от отторжения под переселения...» [2002, с. 418]. На страницах газеты «Казах» освещались взгляды деятелей движения «Алаш». Т. Рыскулов пишет, что это «другая часть казахской интеллигенции, чисто националистическая, во главе с Ал. Букейхановым и Байтурсуновым, высказавшаяся против панисламистского уклона, за сохранение чистоты казахского языка и кочевого быта...» [2002, с. 418].

Панисламизм, обусловленный мусульманским вероисповеданием тюркских народов, и пантюркизм, основанный на тюркской языковой принадлежности этносов, являлись попыткой поиска идентичности в составе предполагаемой федеративной демократической российской республики. Осознание единства мусульман и исторических корней позволили проявить общественно-политическую активность, как интеллигенции, так и народных масс, заявив о себе как о субъектах исторического развития человеческой цивилизации. Джадидизм был тем новым мировоззрением, восприятием новшеств европейского прогресса, также инструментарием их освоения с целью сохранения этнической и культурной идентичности тюрков-мусульман, недопущения утраты традиционной духовности в индустриальном мире.

Казахская демократическая интеллигенция о казахской национальной идентичности

Как было уже выше отмечено, в казахской среде, помимо, исламской образованной общественности, появилась казахская интеллигенция, об-

учившаяся в российских учебных заведениях и воспитанная в духе европейских традиций. Выдающиеся деятели видели будущее народа в казахском этническом содержании (язык, мировоззрение), то есть в формировании именно казахской нации с собственным государственным образованием. Казахские интеллигенты, впитав университетское образование, проникнувшись европейскими идеями о свободе личности, о правовом равенстве, считали, что казахам надлежит освоение европейских достижений для сохранения этноса и формирования нации.

Корни данного направления были заложены Чоканом Валихановым и Абаем Кунанбаевым, считавшими важным русское образование в казахской среде, и уже посредством овладения русской наукой, сближения с российской передовой демократической интеллигенцией, вывести казахский народ из невежества в преуспевающую нацию, сохраняющую родной язык и культуру. Сыны казахского народа, выучившиеся в учительских семинариях, гимназиях, университетах составили казахскую интеллигенцию, в 1917 году объединенную в политическую партию Алаш. Они были почитателями наследия Абая, одобряли новый метод И. Гаспринского и находились в сотрудничестве с русской интеллигенцией.

Российский демократ, общественный, культурный деятель Сибири, идеолог сибирского областничества Г.Н. Потанин утверждал о равенстве всех народов Российской империи, выступал категорически против шовинистических, расовых градаций этносов. Он считал, что в лице России, русская интеллигенция должна помочь народностям окраин в постижении прогрессивной цивилизации. Но, будучи демократом, Потанин утверждал о недопущении навязывания пути развития, каждый этнос должен самоопределиваться, избрать собственную дальнейшую культурную и политическую траекторию. Г.Н. Потанин с детства проникся степной жизнью, горячо ценил казахское гостеприимство, сердечность и доброту, свойственное исконно казахской духовности, чувство наследственной дружбы, выделял казахскую любознательность, живой интерес ко всему новому, любовь к жизни. Он собирал казахский фольклор, его мнение о казахах сложилось из накопленного народом духовного богатства. Он изучил многие народы Сибири, но к казахам относился с особой симпатией. Идеалом для казахов ему представлялся Чокан Валиханов, который «с либеральным образом мыслей и свободомыслием в религиозных вопросах соединял искреннюю любовь к своему народу и мечтал о служении ему» [Потанин 2005 а, с. 111]. Г.Н. Потанин писал, что нужен культурный центр, который объединил бы казахскую интеллигенцию для общего дела, необходимо пробудить интерес ко всему казахскому у самих казахов. Это могло бы способствовать объединению казахских интеллигентов, национальных «профессионалов» (докторов, юристов, ученых, художников).

Справедливо то, что сформировать казахские национальные кадры представлялось возможным опять-таки посредством русско-европейской образовательной среды. Г.Н. Потанин констатировал: «Русский язык очень распространен, особенно ближе к русским городам. Даже в отдаленных степях можно встретить людей, умеющих говорить по-русски. Русская образованность делает успехи среди киргиз. В степи в настоящее время можно встретить людей, получивших высшее образование: юристов и медиков, кончивших университет. Народные учителя из киргиз и фельдшера совсем не редкость, есть и акушерки-женщины» [2005 b, сс. 281-282]. Ввиду этого, ученый предрекал о появлении «молодой Киргизии», то есть нового поколения казахской интеллигенции, способной повести народ по пути прогресса, сохранив при этом собственное национальное содержание. «Молодой Киргизией» стали деятели Алаш.

Исследователь научного наследия Г.Н. Потанина и истории сибирского областничества А.Л. Захаренко утверждает о влиянии идей Потанина и областников на членов партии Алаш. Как доказательство исследователь приводит знакомство Мухтара Сеитова, Ахмета Байтурсынова, Алихана Букейханова, Асылбека Сеитова, Алимхана Ермекова, Султанмахмута Торайгырова с идеями Потанина, его жизнью и деятельностью [Захаренко 2007, сс. 40-41].

Аманжолова Д.А. [2019, с. 12] характеризует позицию партии Алаш: «Казахские демократы активно наращивали связи с российскими политическими силами, имея необходимый авторитет в Степи, несмотря на противодействие консервативной аристократии. «Западничество» казахских активистов, в том числе большое влияние светской культуры, диктовало их настороженное отношение к джадидам».

Кульшанова А.А. утверждает о более весомом мусульманском факторе в Туркестане, способствовавшем объединению узбеков, таджиков, киргизов, что стало исторической предпосылкой Тюркской автономии во главе с М. Тынышпаевым и М. Шокаем. Тогда как «казахская элита, в отличие от туркестанской, была воспитана в духе западных теорий модернизации с созданием государств-наций, что и отразилась на результатах автономистского движения в Казахстане, где Алаш-Орда была не тюркской автономией, а казахской» [Кульшанова 2010, с. 59].

Казахскими деятелями применялся метод Абая выявления пороков и невежества, препятствующих просвещению и развитию. Идеал казаха представлялся всесторонне образованной личностью, чтящей самобытную казахскую духовность и овладевшей европейской социально-культурной мыслью, профессионал в своем деле, патриот, преданный служению народу. Ввиду этого, алашевцы выступают против негативных, нравственно разлагающих народ, сторон ментальности. А именно, леность,

бахвальство, чванливость, безответственность, склонность к склокам и пересудам, кляузничество, жажда нажиться за счет кого-то.

Алихан Букейханов [2009 а] негодует относительно вредного влияния невежественных мулл, своим поведением, порочащих себя и искажающих религию. В связи этим, лидер Алаш-Орды ратует за светскость казахского общества, отделении церкви от государства.

Подмечена негативная черта характера, воспринимаемая в народе за преимущество – «нажиться за чужой счет». Удальцы, способные на такое, с сарказмом охарактеризованы как «хорошие киргизы». Причину бедствий народа Букейханов налагает на «хороших» киргиз, ставящих целью своей жизни свое обогащение на чужой счет, лишенных добрых достоинств человека, и поэтому, составляющих уродов общества» [Букейханов 2009 б, с. 242]. Он порицает казахскую леность, отсутствие желания изменений. Характеризует казахов как «беспечных сынов степей», без нужды не думающих о трудовой жизни и довольствующихся скотоводством, которым занимались их предки. Букейханов приводит в пример одного казаха, лишившегося скота и освоившего земледелие, на этом став зажиточным человеком. Данный пример иллюстрирует способность казаха к земледелию и другим занятиям аграрно-промыслового уклада. Только Букейханов сетует, что казах не действует, «пока не заставила нужда времени» [2009 с, с. 254]. Казахский деятель поощряет сохранение положительных сторон менталитета казахов, частью которого было гостеприимство, взаимопомощь, названные им «ценным кладом старины» [Букейханов 2009 д]. На основе анализа эпоса «Кобланды» Букейханов отстаивает деятельное, творческое начало казахской женщины, недопущение ее бесправия и подавления [2009 е].

Поэт Магжан Жумабаев [2010, с. 8] в стихотворении «Мой народ» (перевод К. Бакбергенова) укоряет казахов тем, что другие народы «Ключи подбирают к наукам», высмеивает транжирство казахов, рвущихся во власть, мнящих себя образованными чиновников, затрагивает и духовенство («Шакирты живьем загнивают в своих медресе»).

Поэзия Магжана Жумабаева, как и творчество Ахмета Байтурсынова («Комар»), Мыржакыпа Дулатова («Оян, казак») призывает казахов к переходу к новой цивилизации, освоение которой предполагалось с сохранением собственной культуры с целью идентификации себя как нации.

Казахская интеллигенция, представленная партией Алаш, желала, чтобы народ вступил в индустриальную цивилизацию со своим казахским духовным миром. Родной язык, история края, фольклор, традиции, выражающие человечность («клад старины»), при этом владение русским языком и освоение европейской науки – в совокупности формировали казахскую национальность, осмысливаемую казахской демократической интеллигенцией начала XX столетия.

Заключение

Каждое из трех течений идентичности народа (панисламизм, пантюркизм и национализм) нашли сторонников в казахской образованной среде. Немыслимо говорить о приоритете того или иного течения, поскольку каждое из них составляет часть духовной истории казахов. Панисламизм и пантюркизм, помимо политического на определенном хронологическом отрезке, имеют и духовное значение в культурном взаимодействии народов, обусловленного религиозной, этнической, языковой принадлежностью. Первая русская революция 1905-1907 гг., революция в Турции 1908 года вселили в мусульманских тюрок Российской империи надежду на обновление. Мобилизовав духовные основы, сплотившись, российские мусульмане сформировали единую партию, отстаивали свои позиции в Государственной Думе, в Туркестане создали автономию, что свидетельствует о действенности джадидизма как интеллектуальной силы и мировоззрения.

Несмотря на отрицательные стороны колониального прошлого, никак нельзя сбрасывать со счетов благотворное влияние русской науки и культуры. Становление казахской интеллигенции проходило в русской интеллектуальной среде, давшей выходцам из кочевников основу к борьбе со старым миром за преобразование и обновление, за сохранение собственной культуры. Национализм в его благом понимании, что значит «быть самим собой», знать, сохранять созидательное, добродетельное в своей культуре, истории, и этим руководствоваться во взаимодействии со всем миром был одобрен деятелями партии Алаш.

Библиография

Алекторов, А.Е 2007 а. 'Современное положение учебного дела у инородческих племен восточной России'. Религиозные верования и обряды казахов, Библиотека казахской этнографии, Т. 46. Павлодар, НПФ «ЭКО», сс. 127-135.

Алекторов, А. 2007 б. 'Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей'. Религиозные верования и обряды казахов, Библиотека казахской этнографии, Т. 46. Павлодар, НПФ «ЭКО», сс. 66-126.

Аманжолова, Д. 2019. 'Некоторые проблемы взаимодействия этнических элит Степного края и Туркестана в годы революции и гражданкой войны'. Тюрко-монгольский мир: история и культура. *Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С.Г. Кляшторного*. Москва, Наука – Восточная литература, сс. 11-19.

Аршаруни, А. & Габидуллин, Х. 1931. 'Очерки панисламизма и пантюркизма в России'. Рязань, «Безбожник», 141 с.

Асанова, С. 1993. 'Духовная культура казахского народа на рубеже веков (обзор религиозной и художественной литературы)'. Казахстан в начале XX века:

методология, историография, источниковедение. *Сборник статей*. Алматы, сс. 125-137.

Букейханов, А. 2009 а. 'Мулла въ К-скомъ уезде'. *Полное собрание сочинений в 7 томах*, Т. 1. Астана, «Сарыарқа» БҮ, сс. 228-232.

Букейханов, А. 2009 б. 'Письмо въ редакцію.'. *Полное собрание сочинений в 7 томах*, Т. 1. Астана, «Сарыарқа» БҮ, сс. 240-243.

Букейханов, А. 2009 с. 'О земледелии въ Токраунской, Котанъ-Булакской и Западно-Балхашской волостяхъ Каркаралинского уезда'. *Полное собрание сочинений в 7 томах*, Т. 1. Астана, «Сарыарқа» БҮ, сс. 254-259.

Букейханов, А. 2009 d. 'Ценный кладъ старины'. *Полное собрание сочинений в 7 томах*, Т. 1. Астана, «Сарыарқа» БҮ, сс. 272-274.

Букейханов, А. 2009 е. 'Женщина по киргизской былине «Кобланды»'. *Полное собрание сочинений в 7 томах*, Т. 1. Астана, «Сарыарқа» БҮ, сс. 295-315.

Жумабаев, М. 2010. 'Мой народ'. Пророк. Стихи, поэмы, рассказ. Перевод с казахского. Комментарии Б. Канапьянова. Астана, Аударма, сс. 7-8.

Захаренко, А. 2007. 'Идеи развития казахского народа Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и движение «Алаш»'. *Өлкетану*, № 3, сс. 36-43.

Кульшанова, А. 2010. 'Туркестанский джадизм как разновидность национализма'. *Вестник КазНУ. Серия Востоковедения*, №1 (50), сс. 56-61.

Потанин, Г. 2005 а. 'В юрте последнего киргизского царевича'. *Избранные сочинения в трех томах. Том 3. Труды по истории, этнографии и фольклору*. Павлодар, ТОО НПФ «ЭКО», сс. 89-118.

Потанин, Г. 2005 б. 'На притоке реки Токрау'. *Избранные сочинения в трех томах. Том 3. Труды по истории, этнографии и фольклору*. Павлодар, ТОО НПФ «ЭКО», сс. 271-287.

Рыскулов, Т. 2002. 'Возникновение и роль национальной интеллигенции'. *Антология социально-политической мысли Казахстана с древнейших времен до наших дней (в двух томах)*. Алматы, Институт развития Казахстана, сс. 416-419.

Садвокасова, З. 2005. 'Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX – начало XX веков)'. Алматы, 277 с.

Шокай, М. 2011. 'Джадизм'. «Туркестан – наша общая колыбель». Туркестан в документах из личного архива Мустафы Шокая. Том 1. Сост. Газиза Исахан. Алматы, «Қазығұрт», сс. 238-250.

Transliteration

Alektorov, A. 2007 а. 'Sovremennoye polozhenie uchebnogo dela u inorodcheskih plemyon Vostochnoy Rossii' [The Current Situation of Educational Affairs in Foreign Tribes of Eastern Russia]. *Religioznie verovaniya i obryadi kazahov, Biblioteka kazahskoy etnografii*. Т. 46. Pavlodar, NPF "EKO", сс. 127-135.

Alektorov, A. 2007 б. 'Iz istorii razvitiya obrazovaniya sredi kirgizov Akmolinskoy i Semipalatinskoy oblastey' [From History of Development of Education Among Kirghiz of Akmola and Semipalatinsk Regions]. *Religiozniye verovaniya i obryadi kazahov, Biblioteka kazahskoy etnografii*. Т. 46. Pavlodar, NPF "EKO", сс. 66-126.

Amanzholova, D. 2019. 'Nekotoriye problemi vzaimodeystviya etnicheskikh elit Stepnogo kraya i Turkestana v godi revolyutsii i grazhdanskoy voyni' [Some Problems of Interaction Between Ethnic Elites of Steppe Territory and Turkestan During the Years of Revolution and Civil War]. *Tyurko-mongolskiy mir: istoriya i kultura. Materiali mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashyonnoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.G. Klyashtornogo*. Moskva, Nauka – Vostochnaya literatura, ss. 11-19.

Arsharuni, A. & Gabidullin, H. 1931. 'Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii' [Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. Ryazan, "Bezbozhnik", 141 s.

Asanova, S. 1993. 'Duhovnaya kultura kazahskogo naroda na rubezhe vekov (obzor religioznoy i hudozhestvennoy literaturi)' [The Spiritual Culture of Kazakh People at the Turn of the Century (a Review of Religious and Fiction)]. *Kazakhstan v nachale XX veka: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedeniye. Sbornik statey*. Almaty, ss. 125-137.

Bukeikhanov, A. 2009 a. 'Mulla v K-skome uyezde' [Mullah in 'K' District]. *Polnoye sobraniye sochineniy v 7 tomah*, T. 1. Astana, "Saryarka" BU, ss. 228-232.

Bukeikhanov, A. 2009 b. 'Pismo v redaktsiyu' [Letter to the Editors]. *Polnoye sobraniye sochineniy v 7 tomah*, T. 1. Astana, "Saryarka" BU, ss. 240-243.

Bukeikhanov, A. 2009 c. 'O zemledelii v Tokraunskoy, Kotan-Bulakskoy i Zapadno-Balhashskoy volostyah Karkaralinskogo uyezda' [About Agriculture in Tokraun, Kotan-Bulak and West Balkhash Volosts of Karkaraly District]. *Polnoye sobraniye sochineniy v 7 tomah*, T. 1. Astana, "Saryarka" BU, ss. 254-259.

Bukeikhanov, A. 2009 d. 'Tsenniy klad starini' [A Valuable Treasure of Antiquity]. *Polnoye sobraniye sochineniy v 7 tomah*, T. 1. Astana, "Saryarka" BU, ss. 272-274.

Bukeikhanov, A. 2009 e. 'Zhenshina po kirgizskoy byline "Koblandy"' [A Woman on Kyrgyz Epic «Koblandy»]. *Polnoye sobraniye sochineniy v 7 tomah*, T. 1. Astana, "Saryarka" BU, ss. 295-315.

Zhumabayev, M. 2010. 'Moi narod' [My People]. Prorok. Stihi, poemi, rasskaz. Perevod s kazakhskogo. Kommentarii B. Kanapyanova. Astana, Audarma, ss. 7-8.

Zaharenko, A. 2007. 'Idei razvitiya kazakhskogo naroda N.M. Yadrintseva, G.N. Potanina i dvizheniye "Alash"' [N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin's Ideas About Development of Kazakh People and "Alash" Movement]. *Olketanu*, № 3, ss. 36-43.

Kulshanova, A. 2010. 'Turkestanskiy dzhadizm kak raznovidnost' natsionalizma' [Turkestan Jadism as a Variety of Nationalism]. *Vestnik KazNU. Seriya Vostokovedeniya*, №1 (50), ss. 56-61.

Potanin, G. 2005 a. 'V yurte poslednego kirgizskogo tsarevicha' [In Yurt of the last Kyrgyz Prince]. *Izbranniye sochineniya v tryoh tomah*. Tom 3. Trudi po istorii, etnografii i folkloru. Pavlodar, TOO NPF "EKO", ss. 89-118.

Potanin, G. 2005 b. 'Na pritoke reki Tokrau' [On a Tributary of Tokrau River]. *Izbranniye sochineniya v tryoh tomah*. Tom 3. Trudi po istorii, etnografii i folklore. Pavlodar, TOO NPF "EKO", ss. 271-287.

Ryskulov, T. 2002. 'Vozniknoveniye i rol natsionalnoy intelligenstii' [Emergence and Role of National Intelligentsia]. *Antologiya sotsialno-politicheskoy mysli Kazakhstana s drevneyshih vremyon do nashih dnei (v dvuh tomah)*. Almaty, Institut razvitiya Kazakhstana, ss. 416-419.

Sadvokasova, Z. 2005. ‘Duhovnaya ekspansiya tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (II polovina XIX – nachalo XX vekov)’ [The Spiritual Expansion of the Head of Russia in Kazakhstan in Field of Education and Religion (II half of the XIX - beginning of the XX centuries)]. Almaty, 277 s.

Shokay, M. 2011. ‘Dzhadizm’ [Jadizm]. “Turkestan – nasha obshaya kolibel”. Turkestan v dokumentah iz lichnogo arhiva Mustafy Shokaya. Tom 1. Sost. Gaziza Isahan. Almaty, “Kazygurt”, ss. 238-250.

Азербайев А.

Қазақтың ұлттық бірегейлігін іздеу: XIX-XX ғасырлар тоғысында қазақстандағы идеологиялық пікірталастардың рөлі және мәні

Мақалада XIX-XX ғасырлар тоғысындағы қазақтардың ұлттық бірегейлігінің үш идеологиялық ағымы қарастырылған. Ресей империясындағы мұсылмандардың көпшілігі түркітілдес халықтар болғандықтан панисламизм және пантүркизм екеуі бір-біріне сәйкес келетін ұғымдар. Панисламизм мен пантүркизм Ресей патшалығына наразылық аясында қаралады. Ресейдің отаршылдық саясаты және миссионерлік қызметі (христиандандыру әрекеттері) наразылықты панисламизм және пантүркизм түрінде жүргізді. Исмаил Гаспринский негізін қалаған джадидизм – мұсылмандарды еуропалық жетістіктермен таныстыру және оларды технологиялық прогресс дәуіріне бейімдеу болатын білім беру жүйесі. Джадидизм мұсылман қоғамын жаңғырту идеологиялық негізіне айналды.

Қазақтың демократиялық зиялыларын Ресейдің алдыңғы қатарлы зиялы қауымымен байланыста болған Алаш партиясының жетекшілері ұсынады. Алаш қозғалысының жетекшілерінде қазақ халқының болашағы туралы еуропалық көзқарастар болды. Бұл бағытты Шоқан Уәлиханов пен Абай Құнанбаев көрсетті. Орыс зияткерлік ортасында білім алған қазақ зиялылары ұлтжандық ұғымын өзін-өзі тану, білу, шығармашылықты, ізгілікті өз мәдениеті мен тарихында сақтауды ұсынады, мұны бүкіл әлеммен өзара әрекетте басшылыққа алу керек. Бұл ұлттық бірегейлігінің нұсқасы, этникалық және лингвистикалық жағынан ғана емес, ақыл-ой және адамгершілік аспектіні болжайды.

Елена Бурова (Алматы, Казахстан)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАХСТАНЦЕВ

Аннотация. Условия трансформации казахстанского общества актуализируют исследования мировоззренческого контекста, в том числе – факторов и институтов, определяющих ценностно-смысловые параметры жизни. В ситуации утверждения рыночной парадигмы около тридцати лет функционируют обновленные установки общественной и групповой ментальности, происходит переопределение ценностной структуры сознания, формируются новые стратегии поведения в социуме. Теряют определяющее социализирующее воздействие традиционные (семья, образование, СМИ), и напротив, увеличивают влияние новые (Интернет) институты и субъекты, далеко не однозначно переосмысливается роль религии. Монолитность ментальности, свойственная прежнему укладу и цементируемая прежними идеологическими скрепами, переформатируется.

Переход к плюрализму (в экономическом благосостоянии, в достигнутых согражданами социальных статусах, в идеологии, в ценностных предпочтениях и т.д.) состоялся, поэтому задача удержания механизмов воспроизводства целостности общества, сегментированного по сущностным основаниям, становится чрезвычайно трудной. Динамика глобализирующегося мира увеличивает риски нестабильности для устойчивого развития.

В этих контекстах возрастает значение поиска консенсуса, достижения компромисса разнополярных по положению в социальной структуре и вытекающих из нее диспозициях сограждан. Какие факторы, условия, обстоятельства могут стать основой консолидации для все более многообразных групп и разнополярных интересов? На какие социальные институты надеются казахстанцы и что становятся препятствием для формирования общекзахстанского ценностного контекста – эти и другие проблемные вопросы рассмотрены в статье на основе данных социологического измерения.

Ключевые слова: идентичность, Интернет, мировоззрение, образование, религия, семья, СМИ, ценности.

Введение

Процессы духовно-культурного обновления и модернизации сознания выдвигаются на передний край казахстанской социогуманитарной науки, культурной политики, идеологии. Актуализируется проблема поиска общепарадигмальных оснований для воспроизводства единства, консолидации сегментированного социума.

В условиях мировоззренческого плюрализма интенции единства детерминированы традиционными и новыми институтами. Исследование контента и раскрытие ценностно-смысловых конструкторов, интегрирующих поликультурное общество, связано со стратегией устойчивого развития Казахстана и духовно-культурной модернизацией. Для ее осуществления важен учет состояния ментальности, результативность воздействия на мировоззренческий контент факторов и условий общеказахстанской жизни. С этой целью актуально осуществление комплексного подхода, базирующегося на гуманитарных междисциплинарных методах и стратегиях, предполагающих исследование непосредственной реальности в социологических измерениях с последующей концептуализацией.

Методология

Общая направленность и методология исследования комплексная, как по дисциплинарной специфике (философская, социологическая, религиозно-ведческая), так и по характеру (и теоретическая, фундаментальная и эмпирическая, прикладная). Предпосылки для выбора методологии обусловлены тенденциями смены парадигмальных оснований социогуманитарного познания, ставших хрестоматийными [Штомпка 1966] и формированием нового класса социальных теорий. Последние «вырастают» из конкретных социальных исследований современных обществ, их флуктуаций.

Методы и подходы связаны с обоснованием предмета исследования, разработкой методологии конкретного социального исследования и включили на этапах первичного эмпирического анализа и теоретической реконструкции: компаративистику, визуализацию, абстрагирование, феноменологическую реконструкцию, герменевтический анализ, метод нарратива, концептуализацию, моделирование.

Следует признать работающими концепты, сформулированные З. Бауманом о нелинейности и невозможности гарантировать однозначно фиксированную идентичность в современных условиях [Бауман 2005].

Методология изучения идентичности в зависимости от контекстов ее функционирования, учитывающая реалии современности (модернизация, формирование мировой системы и глобализация, экономика и консьюмеризм) предложена российскими исследователями [Федотова 2012].

Методологические послы и методическая оснащенность данного исследования имплицитно включают как общенаучные, так и конкретно-научные методы, подходы, стратегии, необходимые для разных этапов и уровней исследования и анализа мировоззренческой идентичности. Кластерный анализ исследования идентичности в междисциплинарных парадигмах проведен Н.Н. Федотовой [Федотова 2013].

Методы решения задач вытекают из проблемно-тематического контекста и характера исследования, основываются на теоретической интерпретации данных эмпирического этапа социологических исследований и построены на экспликациях, сравнениях, обобщениях, концептуализации. Формирование и концептуализация социологических измерений открывает возможность для исследования динамики идентичности [Федотова 2017].

Примененная методология, методики и исследовательские подходы позволили эмпирически зафиксировать, верифицировать, концептуализировать довольно сложные процессы мировоззренческой идентичности, интерпретировать их тренды.

Исследование базируется на данных социологического измерения идентичности, проведенного в июле 2019 г. Центром бизнес информации, социологических и маркетинговых исследований «BISAM–Central Asia» в рамках проекта ИФПР «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания». Использовался метод личного формализованного интервью на квартире респондента с применением методики планшетного опроса (техника CAPI/TAPI) и с обработкой на специализированном программном обеспечении IBM SPSS.

Генеральной совокупностью являются граждане Казахстана в возрасте 18+, выборка составила 1800 респондентов согласно территориальной и поселенческой структуре. Репрезентация в выборке структуры генеральной совокупности обеспечивалась многоступенчатым отбором респондентов – стратифицированным на этапе отбора точек опроса, интервальным на этапе отбора домохозяйств, простым случайным на этапе отбора респондента в домохозяйстве.

В результате проведенного социального измерения создана база репрезентативных данных, отражающих состояние мировоззренческой ментальности. Применение новейших методов сбора и статистической обработки информации создало возможности для выборки корреляционных зависимостей с последующей эмпирической и теоретической интерпретацией. Квантификационные измерения позволяют выделить объемы, масштабы и контурные характеристики мировоззренческой идентичности, описать их свойства с позиций представленности в гендерном, возрастном, этническом, образовательном, социальном, профессиональном, поселенческом, имущественном, региональном наполнении. Последнее открывает возможности для сравнительного анализа по упомянутым маркерам.

Основные результаты исследования **Выбор мировоззрения: субъекты и институты**

Первоочередные жизненные ориентиры большинства опрошенных казахстанцев по-прежнему сконцентрированы вокруг института семьи и брака: 42,4% респондентов указали, что жизненному успеху способствует удачный брак и крепкая семья. В гендерном разрезе так считает (47% женщин против 38% среди мужчин), представители старших возрастных групп (45-65 лет – 48%, в то время как у молодежи 18-24 лет – 28,4%), русские и представители других этнических групп (49% и 48% соответственно). Для почти каждого четвертого опрошенного важной является поддержка со стороны родителей и/или родных людей. Акцентированный социально-демографический портрет данной категории следующий: мужчины и женщины (по 15%), молодые люди в возрасте 18-24 и 25-34 лет (18% и 17% соответственно), казахи (17%).

Вторым по значимости социальным ориентиром является взаимосвязанный комплекс факторов, включающий получение хорошего образования, построение успешной карьеры и постоянное профессиональное совершенствование. Образование и карьера в равной мере приоритетны как для мужчин (15%), так и для женщин (13%), значимы для 18-24-летней молодежи (24%), свойственны всем этническим группам (показатель среди казахов и русских – 14%, среди представителей других этнических групп – 15%).

Такие ориентиры успешности, как «вера в Бога, дающая достаточные нравственные опоры для жизни» оказывается на пятом месте по приоритетности (9,6%-12,5%) и превосходит фактор «активное участие в политической жизни страны» (6-7 место с числовым показателем 2%-8,2%). Влиятельные связи как фактор успешности в их собственной жизни и в их непосредственном окружении оцениваются респондентами как наименее значимые, занимают 6-7 место (1,1%-9%). (Таблица 1).

Таблица 1 – Приоритетность факторов, способствующих успешной жизни (%/место)

	В первую очередь	Во вторую очередь	В третью очередь
Удачный брак, крепкая семья	42,4 (1)	22,3 (2)	15,3 (4)
Поддержка со стороны родителей, родных людей	14,9 (3)	19,3 (3)	23,3 (1)
Постоянное профессиональное совершенствование (карьерный рост, повышение квалификации и т.д.)	15,7 (2)	13,1 (4)	15,9 (2-3)
Образование и карьера	14,2 (4)	24,8 (1)	16,1 (2-3)

Вера в Бога, так как это дает достаточные нравственные опоры для жизни	9,6 (5)	9,6 (5)	12,5 (5)
Активное участие в политической жизни страны (участие в выборах, политических и общественных мероприятиях, всегда быть в курсе политической повестки и т.д.)	2,0 (6)	8,2 (6)	7,5 (7)
Влиятельные связи	1,1 (7)	2,4 (7)	9,0 (6)

Наиболее значимые факторы формирования мироощущения респондентов имеют прямую корреляцию с функциями важнейших социальных институтов. Безусловно первостепенными, определяющими мировоззренческие установки респондентов, являются семья и непосредственное влияние ближайшего окружения – 77,4%. Семейная социализация несет главную функцию, в отличие от института образования - 37,7%. Суммативное влияние духовной потребности, религиозных институтов и субъектов – на третьем месте (24,2%).

Каждый шестой респондент (16,7%) отметил, что одной из важнейших причин, оказывающих непосредственное влияние на формирование мировоззрения, являются жизненные обстоятельства. 12,7% указывают на воздействие настроений в обществе. Специальная литература (8,9%) пока опережает Интернет-ресурсы (6,9%). (Таблица 2)

Таблица 2 – Факторы, воздействующие на выбор мировоззрения (%)

Ближайшее окружение (родственники, друзья)	77,4
Система образования	37,7
Жизненные обстоятельства	16,7
Духовная потребность	12,8
Настроения в обществе	12,7
Специальная литература (книги, брошюры)	8,9
Самостоятельный поиск ответов на вопросы	7,2
Различные Интернет-ресурсы	6,9
Беседы со священнослужителями	4,7
Влияние новых тенденций на приобщение к религии	3,2
Агитация миссионеров	1,9
Влияние деятельности религиозной организации	1,6

Жизненные ориентиры как точки опоры казахстанцев

В большей степени на жизненные позиции и мировоззрение человека в совокупности (значительно и определенно) оказывают влияние: ухудшение

материального положения (92%), забота о семье (91%), смерть близкого человека (88%), отсутствие перспектив и уверенности в завтрашнем дне (88%), личностный рост (85%), рост преступности и наркомании (82%), падение общественной морали (83%), необходимость задуматься о смысле жизни (80%).

В меньшей степени на жизненные позиции оказывают влияние усиление потребности с возрастом быть ближе к Богу (68%), стремление замоливать грехи (61%), понять необъяснимые явления (58%), а также активная деятельность религиозных организаций по вовлечению новых сторонников (47%). (Таблица 3).

Таблица 3 – Интенсивность влияния на жизненные позиции и мировоззрение человека (%/место)

	Влияют значительно	Имеют определенное влияние	Особо не влияют	Затрудняюсь ответить
Ухудшение материального положения	72,7 (1)	18,7 (17)	5,6 (15-17)	3,0 (17)
Забота о семье	71,4 (2)	19,8 (16)	5,6 (15-17)	3,3 (16)
Смерть близкого человека	63,1 (3)	25,3 (12-13)	5,9 (15-17)	5,7 (13-14)
Отсутствие перспектив и уверенности в завтрашнем дне	61,9 (4)	26,2 (11)	7,2 (14)	4,7 (15)
Личностный рост	59,4 (5)	25,8 (12-13)	8,3 (13)	6,4 (11-12)
Рост преступности и наркомании	53,8 (6)	28,2 (9)	12,3 (10)	5,7 (13-14)
Падение общественной морали	52,5 (7)	29,5 (6-7)	10,9 (12)	7,1 (9-10)
Необходимость задуматься о смысле жизни	51,4 (8)	29,3 (6-7)	11,7 (11)	7,6 (9-10)
Благодарность Богу за удачу	44,6 (9)	28,8 (8)	16,6 (7)	10,1 (6)
Возможность реализации свободного времени	43,7 (10)	35,3 (1)	14,2 (8)	6,8 (11-12)
Переживание клинической смерти	39,3 (11)	22,9 (14-15)	13,4 (9)	23,8 (2)
Информационный вакуум	38,4 (12)	34,3 (2)	18,7 (5-6)	8,7 (8)
Стремление обрести духовность	38,1 (13)	33,9 (3)	18,9 (5-6)	9,1 (7)
Потребность быть ближе к Богу	35,8 (14)	31,8 (4)	19,9 (4)	12,3 (4-5)
Стремление понять необъяснимые явления	31,4 (15)	27,1 (10)	27,2 (1)	14,3 (3)
Стремление замоливать грехи	30,8 (16)	30,7 (5)	26,3 (2)	12,2 (4)
Активная деятельность религиозных организаций по вовлечению новых сторонников	26,1 (17)	22,7 (14-15)	23,7 (3)	27,6 (1)

Нормативно-ценностные маркеры в сфере духовности

Превалирующую роль в формировании мировоззрения респондентов оказывает их ближайшее окружение в лице родственников и друзей и важнейшим духовным авторитетом выступают члены семьи – 60,6%. Священнослужители, в свою очередь, являются вторым по важности духовным авторитетом – 14% (это значение коррелирует с удельным весом верующих, исполняющих каноны).

Несмотря на то, что друзья относятся к ближайшему окружению респондентов, их влияние в данном вопросе отметило лишь 2%. Наименее важными духовными авторитетами для респондентов являются их преподаватели, коллеги и т.д.

Стоит отметить, что каждый десятый опрошенный не имеет духовного авторитета и находится в самостоятельном поиске на пути к вере. В свою очередь, 8% респондентов вовсе не испытывает необходимости в духовном авторитете. (Таблица 4).

Таблица 4 - Главные духовные авторитеты/наставники респондентов (%)

Отец, мать, брат, сестра	60,6
Имам, батюшка, пастор, староста, лидер религиозной организации	13,7
У меня нет таких авторитетов, я стараюсь сам(-а) продвигаться по пу	11,8
Я не испытываю потребности в духовном наставнике	8,1
Затрудняюсь ответить	2,2
Друзья	1,8
Коллеги по учебе, работе	0,6
Преподаватели в школе, в колледже, в вузе	0,5
Проповедники религиозных сайтов	0,4
Соседи	0,2

Светско-религиозный контекст с креном в светскость проявляется в предпочтениях респондентов и их окружения. (Рисунок 1)

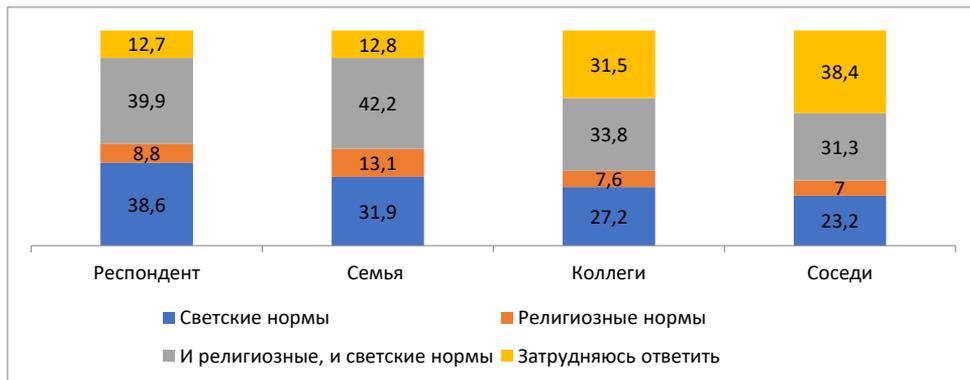

Рисунок 1 – Предпочтение ценностей и норм (%)

Исключительно светских норм и ценностей придерживаются преимущественно русские (62% против 33% среди казахов и 35% среди других этносов); религиозных норм – другие этносы и казахи (соответственно 12% и 9%); как светских, так и религиозных норм – также представители других этнических групп (45%) и казахи (44%).

Светские нормы в повседневной жизни характеризуют опрошенное население Карагандинской области (65%), религиозные нормы и ценности – жителей Кызылординской области (24%), и религиозные, и светские – респондентов Атырауской области (75%).

Если в определении типа ценностно-нормативной структуры в отношении коллег, соседей фиксируется большая степень неопределенности (31,5%-38,4%), то в оценке частоты применения ценностей и норм в личной повседневной практике респонденты указывают их обязательность. (Таблица 5).

Таблица 5 –Иерархия практического применения ценностей и норм респондентами (%)

Руководствуюсь всегда	36,7
Руководствуюсь всегда и религиозными, и светскими нормами	31,4
Руководствуюсь иногда (от случая к случаю)	13,0
Руководствуюсь чаще светскими, нежели религиозными нормами	6,0
Руководствуюсь чаще религиозными, нежели светскими нормами	5,2
Руководствуюсь редко	3,8
И религиозными, и светскими нормами руководствуюсь редко	3,1
Не руководствуюсь совсем	0,9

Выявлено, что нарастает противоречивость в восприятии и оценке роли и места религии в обществе и амбивалентность в оценке атеизма. Респонденты гораздо интенсивнее воспринимают как позитивное явление рост популярности религии (85,6%), чем атеизма (24,4%). Причем, треть респондентов (32,4%) не имеют артикулированной позиции относительно атеизма. Большая степень неопределенности сохраняется в отношении оценки роста представителей различных религий и религиозных течений, когда каждый пятый (19,1%), не может дать оценку, 45,4% одобряют, а 37,5% выражают отрицательное восприятие этого явления. (Таблица 6).

Таблица 6 - Оценка меняющейся роли религии в казахстанском обществе (%)

1) Религия становится все более и более популярной среди казахстанцев	Положительно	85,6
	Отрицательно	5,6
	Затрудняюсь ответить	8,8
2) В современном Казахстане становится все больше представителей различных религий и религиозных течений	Положительно	43,4
	Отрицательно	37,5
	Затрудняюсь ответить	19,1
3) В современном Казахстане все более и более популярным становится быть атеистом	Положительно	24,4
	Отрицательно	43,2
	Затрудняюсь ответить	32,4

В то же время 40,6% констатирует, что никаких изменений роли религии не происходит (рисунок 2).

Рисунок 2 – Восприятие изменения роли религии (%)

Для тех, кто фиксирует изменения роли религии в обществе, преобладают ожидания с надеждой на лучшее (49,1%), уверенностью в будущем (33,5%) и в 12,9% – ассоциируются с негативными восприятиями: недоверием, тревогой, апатией, безнадежностью, страхом либо безразличием. (Рисунок 3).

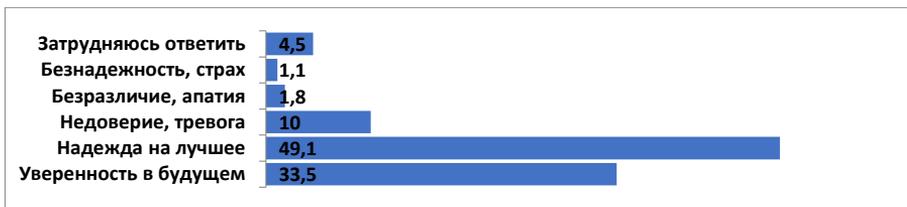

Рисунок 3 – Ожидания респондентов в связи с изменениями роли религии в обществе (%)

Мировоззренческая консолидация на основе общих ценностей: институты, препятствия и трудности

Значимость институтов семьи, образования и государства как эффективных средств для развития нравственно-духовной атмосферы общества, укрепления согласия, единства и процветания рассматривается респондентами как более существенная, чем роль СМИ (рисунок 3).

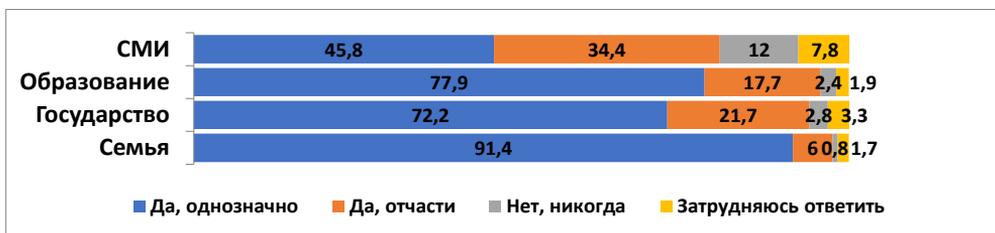

Рисунок 3 - Институты, оказывающие влияние на укрепление согласия, единства и процветания

Приоритетность факторов, препятствующих мировоззренческой консолидации на основе общих ценностей, респонденты ранжируют с достаточно высокой определённой: только 5,2% затруднились с ответом. Иерархия причин и условий на первое место выдвигает недостатки государства: показной характер работы государственных органов (31,7%), несовпадение с реальностью направлений государственной политики (27,2%), незаинтересованность чиновников (25,6%). Далее следует ответственность за недостаточный уровень интеллектуального развития общества (39,4%) и низкое качество образования (30,9%).

Респонденты указывают на отсутствие должного семейного воспитания (19,2%), существенные различия в образе жизни казахстанцев и, как следствие, несовпадение ценностей (18,3%), пассивность, отсутствие интереса к общественным процессам у населения (17,7%), негативность информации в СМИ и Интернете (12,3%) и на недостаточность информирования населения о задачах сплочения (8,2%). (Таблица 7)

Таблица 7 – Факторы, препятствующие мировоззренческой консолидации на основе общих ценностей

Недостаточный уровень интеллектуального развития общества	39,4
Показной характер работы государственных органов	31,7
Низкое качество образования	30,9
Направление государственной политики не совпадает с реальностью	27,2
Незаинтересованность чиновников	25,6
Отсутствие должного семейного воспитания	19,2
Существенные различия в образе жизни казахстанцев и, как следствие, несовпадение ценностей	18,3
Пассивность, отсутствие интереса к общественным процессам у населения	17,7
Негативные материалы в СМИ и Интернете	12,3
Ностальгия по советскому прошлому	9,0
Недостаточная информированность населения о задачах сплочения	8,2
Отсутствие единства между различными этносами	2,8
Влияние разрушительных псевдорелигиозных идей	2,7
Ничто не препятствует	1,7
Затрудняюсь ответить	5,2

В срезе типов поселения и территориальных сегментов на низкое качество образования и недостаточный уровень интеллектуального развития общества чаще указывают жители городов (72% против 67% в селах), население Актюбинской и Павлодарской областей (по 84%).

Мнение о незаинтересованности чиновников и показном характере их деятельности чаще можно встретить также среди горожан (59% против 53% среди сельчан), опрошенных жителей Актюбинской (89%) и Карагандинской (82%) областей, а также среди жителей г. Шымкент (82%).

Более четверти опрошенных полагают, что нынешнее направление государственной политики не совпадает с реальностью. Эта точка зрения характерна как горожанам, так и сельчанам (28% и 27% соответственно), главным образом – опрошенному населению Атырауской (48%) и Туркестанской областей (40%).

В среднем каждый пятый респондент (21%) отмечает, что в образе жизни и системе ценностей казахстанцев существуют видимые различия и, как следствие, отсутствует единство. Среди жителей городов и сел эта

точка зрения не имеет контрастного выражения, однако в ряде областей она представлена довольно активно: в Актыбинской области ее придерживаются – 28% опрошенных, в Карагандинской области – 29%, в Туркестанской области – 30%, в Павлодарской области – 29%, в Восточно-Казахстанской области – 28%, в городах Алматы и Шымкент – 28%.

Выводы

Социологическое измерение и анализ выявили тренды мировоззренческой социализации.

✓ Жизненные ориентиры казахстанцев в достижении успешных стратегий в основном центрированы на институте семьи, семейных ценностях и поддержке. По мнению большей части опрошенных, успеху в жизни способствуют удачный брак и крепкая семья, поддержка со стороны родителей и родных людей и лишь затем – образование, карьера и профессиональное совершенствование.

✓ Недостаточно реализуются процессы мировоззренческой социализации в системе образования, которая утратила свой воспитывающий (социализующий индивида) потенциал. Педагоги практически не выступают в качестве носителей духовно-нравственного авторитета.

✓ Религиозная принадлежность респондентов и их вовлеченность в религиозные практики определены не только семейными традициями. В суммативной целостности религиозные институты и субъекты занимают третью позицию по воздействию на мировоззрение.

✓ Средства информации и коммуникации проявлены как менее значимые, по сравнению с предыдущими институтами, но, в то же время, вносящие вклад в рассогласование общей ценностной структуры.

✓ Государственные институты не вполне справляются с функциями влияния на мировоззрение (проявляется в расхождениях государственной политики с реальностью, в показном характере деятельности государственных органов, незаинтересованности чиновников).

Таблица 8 - SWOT анализ трендов формирования мировоззренческой ментальности

Тренды формирования мировоззренческой ментальности – SWOT анализ	
<p>Сильные стороны</p> <ul style="list-style-type: none"> - мировоззренческий плюрализм - сохранение статуса института семьи в обществе 	<p>Слабые стороны</p> <ul style="list-style-type: none"> - снижение воспитывающей роли образования - отсутствие должной семейной социализации - возрастание роли религиозных институтов - отсутствие авторитетных духовных наставников за пределами семьи - зависимость мировоззрения от ситуативных внешних факторов - неоднозначное влияние информационных ресурсов (книги, СМИ, Интернет), возрастание в них негативного контента
<p>Возможности</p> <ul style="list-style-type: none"> - переоценка роли религии и религиозных институтов -увеличение численности верующего населения - снижение интеллектуальной культуры - утрата идеологического воздействия на менталитет 	<p>Угрозы</p> <ul style="list-style-type: none"> - замещение светских ценностей и соответствующих им жизненных ориентиров религиозными <ul style="list-style-type: none"> - диссенсус мировоззренческих ориентаций - утрата светскости как вектора государственности - использование средств информации и коммуникации для направленных влияний, управления протестными настроениями

Таким образом, проективные оценки и ментальные ожидания населения коррелируются с эффективным функционированием, перезагрузкой всех социальных институтов, влияющих на ценностно-смысловой контекст жизни казахстанского общества.

Библиография

- Бауман, З. 2005. 'Индивидуализированное общество'. З. Бауман, пер. с англ., под ред. В.Л. Инозметцева. М., Логос, 390 с.
- Федотова, Н. 2012. 'Изучение идентичности и контексты ее формирования'. М., 200 с.
- Федотова, Н. 2013. 'Теоретическая рефлексия динамики идентичности: формирование процессуальной теории'. М., 51 с.
- Федотова, Н. 2017. 'Динамика идентичности. Идентичность: Личность, общество, политика'. Энциклопедическое издание. Отв. ред И.С. Семененко. М., Издательство «Весь мир», 294 с.
- Штомпка, П. 1966. 'Социология социальных изменений'. Пер с англ., под ред В.А. Ядова. М., Аспект Пресс, 416 с.

References

- Bauman, Z. 2005. 'Individualizirovannoe obshestvo' [Individualized Society]. Z. Bauman, per. s angl., pod red. V.L. Inozemtseva. M., Logos, 390 s.
- Fedotova, N. 2012. 'Izuchenie identichnosti i konteksty ee formirovania' [The Study of Identity and the Contexts of its Formation]. M., 200 s.

Fedotova, N. 2013. 'Teoreticheskaia refleksia dinamiki identichnosti: formirovanie protsessual'noi teorii' [Theoretical Reflection of the Dynamics of Identity: the Formation of a Procedural Theory]. M., 51 s.

Fedotova, N. 2017. 'Dinamika identichnosti. Identichnost': lichnost', obshestvo, politika' [The Dynamics of Identity. Identity: Personality, Society, Politics]. Entsiklopedicheskoe izdanie. Otv. red. I.S. Semenenko. M., Izdatel'stvo «Ves' mir», 294 s.

Shtompka, P. 1966. 'Sotsiologia sotsial'nyh izmenenii' [Sociology of Social Change]. Per s angl., pod red V.A. Iadova. M., Aspect Press, 416 s.

Бурова Е.

Қазақстандықтардың дүниетанымдық бірегейлігіне институционалдық әсер ету

Қазақстандық қоғамның трансформациялану шарттары өмірдің құндылық-семантикалық параметрлерін анықтайтын факторлар мен институттарды қоса алғанда, дүниетаным контексіндегі зерттеулерді жаңартады. Нарықтық парадигманың отыз жыл бойы бекітілген жағдайында, әлеуметтік және топтық бірегейліктің жаңарған көзқарастары орын алады, сананың құндылық құрылымын қайта анықтау, қоғамда мінез-құлықтың жаңа стратегиялары қалыптасады. Дәстүрлі (отбасы, білім беру, бұқаралық ақпарат құралдары) өзінің шешуші әлеуметтендіру әсерін жоғалтады, ал, керісінше, жаңа (Интернет) институттар мен субъектілер өз ықпалын күшейтеді, алайда діннің рөлін қайта түсіндіру бір мәнді емес. Бұрынғы құрылымға тән және бұрынғы идеологиялық байланыстармен нығайтылған монолиттік бірегейлік қайта форматталды.

Плюрализмге көшу (экономикалық әл-ауқатта, отандастар қол жеткізген әлеуметтік мәртебеде, идеологияда, құндылық қалауларында және т.б.) өз орнын алды, сондықтан мәндік себептер бойынша бөлінген қоғамның тұтастығын қалпына келтіру тетіктерін сақтау өте қиын болып табылады. Жаһанданушы әлемнің динамикасы тұрақты даму үшін тұрақсыздықтың қаупін арттырады.

Осы контексте келісімді іздеудің, әлеуметтік құрылымдағы әр түрлі полярлықтарды және соған байланысты жерлестердің диспозицияларды ымыраға келтірудің маңыздылығы артып келеді. Әр түрлі топтар мен әртүрлі мүдделер үшін шоғырланудың негізі бола алатын қандай факторлар, жағдайлар болуы мүмкін? Қазақстандықтар қандай әлеуметтік институттарға үміт артады және жалпы Қазақстандық мәнмәтіннің қалыптасуына кедергі бола алатын әсерлер – бұл мақалада осы және басқа да проблемалық мәселелер әлеуметтанулық мәліметтер негізінде қарастырылады.

Ердан Базаров, Василий Мамонов, Куаныш Тусупов
(Алматы, Казахстан)

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ ЗАЩИЩЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КАЗАХСТАН: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье исследуются аналитические инструменты, используемые для оценки состояния защищенности национальных интересов при разработке и реализации документов Системы государственного планирования Республики Казахстан. Установлено, что для определения угроз в соотношении с возможностями, сильными и слабыми сторонами в документах Системы государственного планирования, в качестве основного, применяется метод «SWOT – анализ». В то же время использование данного метода имеет ограничения как по функциональным возможностям, так и по предмету. В этой связи, авторами предлагается методология, объединяющая в себе технологию «дорожной карты», технологию «когнитивного моделирования» и метод «сценарийотехники». Даная методология позволяет повысить эффективность оценки состояния защищенности национальных интересов, применительно к достижению приоритетов и целей государственного строительства.

Ключевые слова: национальная безопасность, угрозы национальной безопасности, Система государственного планирования, риск-менеджмент, SWOT-анализ, факторный анализ, когнитивное моделирование.

Введение

Национальная безопасность является фундаментом существования любого современного государства. В соответствии с Законом от 6 января 2012 года «О национальной безопасности Республики Казахстан», национальная безопасность определяется как состояние защищенности национальных интересов Республики Казахстан от реальных и потенциальных угроз, обеспечивающее динамическое развитие человека и гражданина, общества и государства [2012].

В отличие от того же понятия в прежней редакции Закона «О национальной безопасности Республики Казахстан» 1998 года, рассматриваемое определение дополнено указанием на то, что состояние защищенности национальных интересов, обеспечивает «динамическое развитие человека и гражданина, общества и государства» [1998].

Тем самым, национальная безопасность была непосредственно ориентирована на достижение приоритетов и целей, предусмотренных доку-

ментами Системы государственного планирования Республики Казахстан [2017]. Указанное предполагает также целостность и взаимосвязь между отдельными направлениями и уровнями деятельности государственного аппарата.

Вместе с тем соответствующий базовый концепт, определяющий общую направленность развития системы обеспечения национальной безопасности, еще не получил глубокого научного обоснования и полной практической реализации.

В частности, как отмечалось ранее, Законом «О национальной безопасности Республики Казахстан» национальная безопасность позиционируется как состояние защищенности национальных интересов.

Как следствие, возникает вопрос – посредством каких инструментов и по каким критериям должно оцениваться «состояние защищенности национальных интересов» применительно к достижению приоритетов и целей государственного строительства?

Наукой выработан перечень аналитических инструментов (технологий, методов), позволяющих достаточно успешно осуществлять оценку складывающейся ситуации, прогнозировать ее развитие.

В то же время, в решении обозначенного вопроса необходимо исходить из того, что документы Системы государственного планирования априори предполагают системность применительно к постановке и достижению национальных целей различного уровня. В этой связи также возникает потребность в систематизации методов и технологий, позволяющих раскрыть достижения страны и ее перспективы в будущем, установить характер и степень влияния на соответствующие национальные интересы негативных факторов в рамках каждого уровня документов Системы государственного планирования.

Иными словами, определение оптимального набора аналитических методов и технологий, их выстраивание на основе взаимосвязей между происходящими или только зарождающимися явлениями и процессами, позволит сделать «состояние защищенности национальных интересов» реально измеримой категорией при разработке и реализации документов Системы государственного планирования Республики Казахстан.

В свою очередь, использование соответствующей методологии обеспечит единообразие подходов в работе государственных органов, ответственных за национальную безопасность страны, будет способствовать созданию целостного механизма мониторинга и прогнозирования угроз национальным интересам, как средства выработки и принятия решений в упреждающем режиме во всех сегментах и на всех уровнях государственного управления.

Риск менеджмент как основа построения методологии оценки состояния защищенности национальных интересов

В настоящее время главным инструментом в решении проблем национальной безопасности является риск-менеджмент, предусматривающий анализ, оценку и прогнозирование рисков, влияющих на достижение поставленных целей.

Как отмечается исследователями, теория изучения рисков стала основой модернизации государственной политики в США, России и ряда других стран [Кулик 2013, сс. 32-41].

Так, после событий 11 сентября 2001 года в США для координации деятельности государственных органов в сфере безопасности было создано Министерство национальной безопасности. В 2011 году данным ведомством принят документ «Основы риск-менеджмента» (Risk Management Fundamentals) [2011]. Позднее корпорацией RAND по заказу Департамента внутренней безопасности США проведено усовершенствование методологии оценки рисков (Homeland Security National Risk Characterization. Risk Assessment Methodology) [2018]. В указанных документах под риском понимаются угрозы и опасности, влияющие на защиту и продвижение национальных интересов.

В России в 2003 году создано «Российское научное общество анализа рисков». Результаты исследований данной организации нашли отражение в законодательной деятельности, технических регламентах и принципах принятия решений органами государственной власти [Бородушко 2013].

В 2018 году Институтом экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации проведен Всероссийский симпозиум, на котором предложено создание федеральной системы управления рисками (ФСУР) с использованием федеральной информационной системы стратегического планирования (ФИС СП) [2018, с. 2].

Находясь в русле мировых трендов, Казахстан в 2017 году осуществил внедрение риск-менеджмента в Систему государственного планирования.

Согласно пункту 58 данного документа, на этапе разработки проекты Стратегического плана развития Республики Казахстан, Прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны, государственных программ, стратегических планов государственных органов, программ развития территорий рассматриваются на предмет выявления возможных внешних и внутренних рисков и обстоятельств, которые могут помешать достижению целей и задач документа, а также определения мер, которые должны быть предприняты для предупреждения их возникновения, в случае возникновения – для их преодоления либо для корректировки документа.

В дополнение к этому, подпункт 2) пункта 101 и подпункт 105 Системы государственного планирования предусматривают в качестве структурного элемента стратегического плана государственного органа подраздел «Управление рисками». Данный подраздел включает в себя перечень возможных рисков, оказывающих влияние на достижение целей государственного органа, а также основные пути предотвращения риска недостижения запланированных целей государственного органа по внутренним или внешним причинам объективного или субъективного характера в случае его усиления. Аналогичным образом программы развития территорий содержат подраздел «Анализ текущей ситуации», отражающий комплексную характеристику основных проблем, рисков, сдерживающих факторов, конкурентных преимуществ и возможностей устойчивого социально-экономического развития территории в среднесрочной перспективе (пункт 124).

Наряду с изложенным, в Систему государственного планирования был внедрен механизм мониторинга и оценки исполнения соответствующих документов.

В целом, в рамках названных положений Системы государственного планирования следует отметить, что риск может представлять собой как возможность, так и угрозу, в зависимости от характера последствий. Негативные последствия напрямую связываются с нанесением ущерба и охватываются понятием «угроза», а положительные – с возможностью. При этом на одном уровне документов Системы государственного планирования риск может представлять угрозу, а на следующем – трансформироваться в возможность, и на оборот. При этом, с точки зрения обеспечения национальной безопасности интерес представляет именно категория «угроза».

Технологии и методы оценки состояния защищенности национальных интересов

Для определения угроз в соотношении с возможностями, сильными и слабыми сторонами в документах Системы государственного планирования, в качестве основного, применяется метод «SWOT – анализ». Одно из наиболее полных описаний данного метода содержится в работе «SWOT – анализ и синтез – основа формирования стратегии организации» [Учитель 2010].

В то же время, использование указанного метода имеет ограничения как по функциональным возможностям, так и по предмету. Во-первых, метод «SWOT – анализ» не предусматривает оценку самой угрозы, в частности определения ее характера, степени опасности, стадии реализации и других свойств. Во-вторых, «SWOT – анализ» применяется для оценки

угроз для каждого документа Системы государственного планирования в отдельности.

По этой причине представляется целесообразным расширить аналитический инструментарий, применяемый для оценки состояния защищенности национальных интересов при разработке и реализации документов Системы государственного планирования.

По нашему мнению, данный инструментарий должен объединять в себя технологию «дорожной карты», технологию «когнитивного моделирования» и метод «сценариотехники», которые также нашли широкое применение в государственном управлении [Кулинич 2002; Ахременко 2006, с. 279; Глушко 2014, сс. 53-59.].

В виде инфографики соответствующая «Дорожная карта» представлена на рисунке 1.

Необходимо пояснить, что построение «Дорожной карты» осуществлялось в соответствии с требованиями к подготовке документов Системы государственного планирования. В частности, предусмотрено их структурирование согласно уровням, расположенным в определенной иерархии, где документы нижестоящего уровня вытекают из документов, стоящих на уровне выше. Далее следует отражение взаимосвязи данных документов с видами национальной безопасности и факторами, характеризующими угрозы.

Непосредственно в «Дорожной карте» используются следующие структурные, графические элементы и акронимы:

1. Национальные интересы.

2. Документы первого уровня, включают:

– Стратегию развития Казахстана до 2050 года;

– Стратегический план развития Республики Казахстан до 10 лет включительно;

– Прогнозную схему территориально-пространственного развития страны;

– Стратегию национальной безопасности Республики Казахстан.

3. Документы второго уровня, включают:

– документы, определяющие параметры экономического развития Республики Казахстан, области, города республиканского значения, столицы;

– документы межсферного, межотраслевого и межведомственного характера;

– прогноз социально-экономического развития на 5 лет;

– государственные программы на период не менее 5 лет.

4. Документы третьего уровня, включают:

– стратегические планы государственных органов на 5 лет;

– программы развития территорий на 5 лет;

– стратегии развития национальных управляющих холдингов, национальных холдингов и национальных компаний на 10 лет.

5. Виды национальной безопасности (общественная безопасность, военная безопасность и др.).

6. Факторы, влияющие на состояние защищенности национальных интересов по методу PESTLEIRMC.

Необходимо отметить, что в аналитических исследованиях широко применяется анализ PESTLE [Kolios 2013], который расширен нами до PESTLEIRMC, где буквы обозначают названия факторов:

– P – политика;	– E – экология;
– E – экономика;	– I – идеология;
– S – социум;	– R – религия;
– T – технологии;	– M – оборона;
– L – законы;	– C – культура.

В отличие от традиционного метода PESTLE, включение дополнительных факторов связано с необходимостью учета всех явлений и видов общественных отношений для их адекватной и всесторонней оценки.

Предложенные нами факторы «идеология», «религия», «оборона», «культура» отражают направления противодействия актуальным угрозам современности.

Идеологический и культурный факторы связаны с глобальным кризисом идентичности, информационными войнами, проблемами трансформации духовно-нравственных ценностей. Актуальность религиозного фактора обусловлена проявлениями религиозного экстремизма и терроризма в общемировом масштабе. Модернизированный военный фактор в новых исторических условиях начал проявляться с изменением характера ведения военных действий – появлением иррегулярных вооруженных формирований, методов ведения войны, а также с повышением степени их влияния на безопасность субъектов политических отношений.

Метод PESTLEIRMC наиболее подходит для описания и анализа ситуации, то есть, позволяет более точно формализовать факторы, установить причинно-следственную и обратную связи. Этот аналитический инструмент ориентирован на общественные отношения, классифицируемые по сферам жизнедеятельности, которые в последующем отражаются в видах национальной безопасности (общественная безопасность, военная безопасность, политическая безопасность, экономическая безопасность, информационная безопасность, экологическая безопасность).

7. Угрозы национальной безопасности (описание каждой угрозы в отдельности на основе карты рисков и угроз национальной безопасности). Разработка указанной карты является предметом самостоятельного исследования.

8. Анализ текущей ситуации, который осуществляется на основе метода «сценарийной техники» и может быть дополнен технологией принятия решений, а также технологией прогнозов, дающих возможность представить вероятные альтернативные варианты развития ситуации.

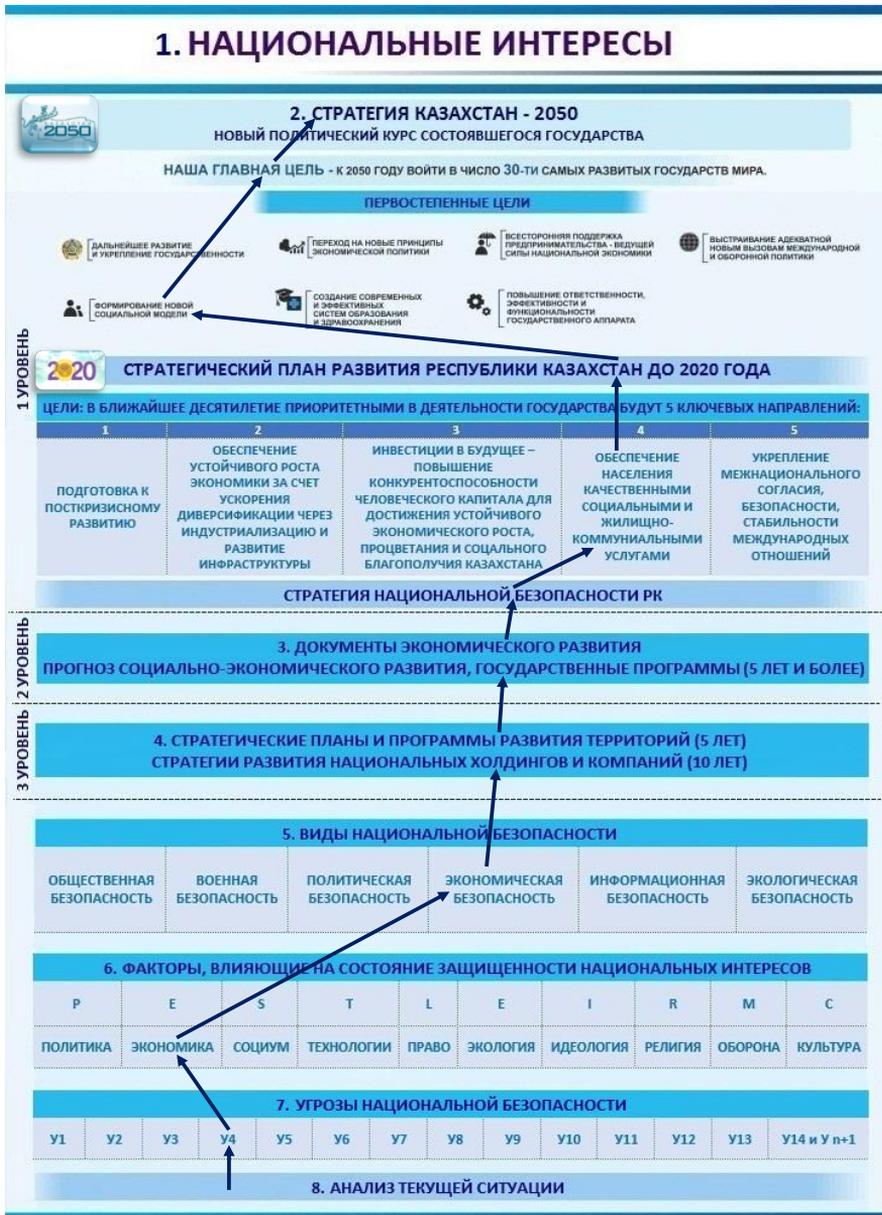

Рисунок 1 – Дорожная карта

Далее предлагаем подробно рассмотреть графические элементы и акронимы, используемые в «Дорожной карте» (рисунки 2,3, 4 и 5).

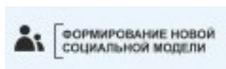

Рисунок 2 – Долгосрочные приоритеты Стратегия развития Казахстана до 2050 года

Рисунок 3 – Ключевые направления Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2020 года

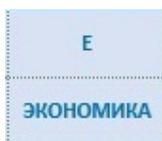

Рисунок 4 – Факторы, влияющие на состояние защищенности национальных интересов

На рисунке 4, буква E (в английской транскрипции) означает экономику, в соответствие с технологией PESTLEIRMC .

Рисунок 5 – Угрозы

Также к числу графических элементов относятся направленные стрелки (→), обозначающие логические, причинно-следственные связи, сценарии, и пути достижения, взаимосвязывающие различные структурные компоненты «Дорожной карты».

Если смотреть на «Дорожную карту» снизу-вверх, то в ней показаны: угрозы, выявленные на основе анализа текущей ситуации, и в той или иной степени влияющие на факторы PESTLEIRMC, а также влияние угроз на

виды национальной безопасности. То есть, на данной стадии становится возможным установить причинно-следственную связь между угрозами, факторами и видами национальной безопасности.

Обобщенно указанная связь отражается в виде отдельных «когнитивных карт», на основе которых имеется возможность построить различные сценарии развития ситуации (рисунок 6).

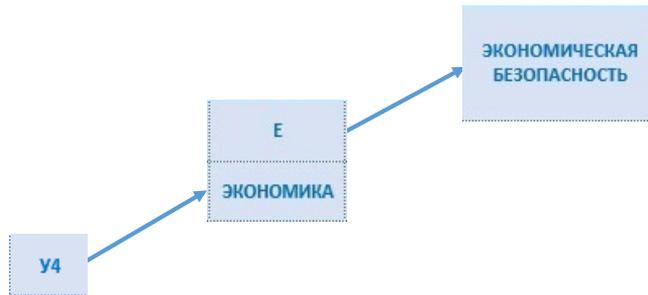

Рисунок 6 – Когнитивная карта

Далее, стрелки на рисунке 1, которые находятся выше видов национальной безопасности, показывают влияние угроз на приоритеты, целевые индикаторы и показатели развития, отраженные в документах 3-го, 2-го и 1-го уровня документов Системы государственного планирования.

В итоге, исходя из построенной «Дорожной карты», можно предложить следующий порядок оценки состояния защищенности национальных интересов Республики Казахстан.

1. Диагностика и анализ ситуации.
2. Выявление, анализ и оценка угроз.
3. Определение влияния угроз на факторы, которые, в свою очередь, влияют на состояние защищенности национальных интересов.
4. Определение влияния угроз на виды национальной безопасности, учитывая факторы, повлиявшие на состояние защищенности национальных интересов.
5. Определение влияния угроз и факторов на реализацию стратегических планов государственных органов на 5 лет, программ развития территорий на 5 лет; стратегий развития национальных управляющих холдингов, национальных холдингов и национальных компаний на 10 лет (3 уровень документов Системы государственного планирования).
6. Определение влияния угроз и факторов на документы, определяющие параметры экономического развития Республики Казахстан, области, города республиканского значения, столицы, межсферного, межотраслевого и межведомственного характера, Прогноз социально-экономическо-

го развития на 5 лет, государственные программы на период не менее 5 лет (2 уровень документов Системы государственного планирования).

7. Определение влияния угроз и факторов на Стратегию развития Казахстана до 2050 года; Стратегический план развития Республики Казахстан до 10 лет включительно; Прогнозную схему территориально-пространственного развития страны; Стратегию национальной безопасности Республики Казахстан (1 уровень документов Системы государственного планирования).

8. Выводы о количественных и качественных параметрах, отражающих состояние защищенности национальных интересов Республики Казахстан.

Выводы

Таким образом, по результатам проведенного исследования, можно заключить, что наибольшая эффективность в оценке состояния защищенности национальных интересов при разработке и реализации документов Системы государственного планирования Республики Казахстан обеспечивается применением аналитического инструментария, объединяющего в себе:

– технологию «дорожной карты» в рамках определения сценариев развития ситуации и прогнозов, оказывающих влияние на национальные интересы;

– технологию «когнитивной карты» применительно к анализу и определению рисков, установлению причинно-следственной связи между угрозами и факторами, а также видами национальной безопасности;

– метод «сценариотехники» для анализа ситуации, выбора альтернатив, прогнозирования сценариев и т.д. в рамках дальнейшего развития «дорожной карты».

Использование соответствующей методологии позволяет оценить риски, спрогнозировать ситуацию, способствует выработке наиболее адекватной стратегии и тактики противодействия угрозам национальной безопасности страны.

Библиография

Ахременко, А. 2006. 'Политический анализ и прогнозирование', учеб. пособие. М., Гардарики, 333 с.

Бородушко, В. 2013. 'Исследование проблем национальной безопасности с позиции теории рисков', *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, сс. 57-64. [Электронный ресурс] URL: <https://www.Cyberleninka.ru/article/v/issledovanie-problem-natsionalnoy-bezopasnosti-s-pozitsiy-teorii-riskov> (дата обращения: 22.06.2019).

Глушко, Е. 2014. 'Дорожные карты в государственном управлении', *Право и государство: теория и практика*, №11 (119), сс. 53-59.

'Закон Республики Казахстан'. 1998. Закон РК «О национальной безопасности Республики Казахстан» (утратил силу), Информационно-правовая система «Әділет». [Электронный ресурс] URL: <https://www/adilet.zan.kz/rus/dock/> (дата обращения: 15.07.2019).

'Закон Республики Казахстан'. 2012. Закон РК О национальной безопасности Республики Казахстан, Информационно-правовая система «Әділет». [Электронный ресурс] URL: [adilet.zan.kz/rus/dock/](https://www.adilet.zan.kz/rus/dock/) (дата обращения: 15.07.2019).

'Концепция федеральной системы управления рисками в области экономической безопасности'. 2018. *Сборник материалов всероссийского симпозиума Проблемы стратегического управления*. Москва, 20 февраля 2018 г., Под ред. С.Н. Сильвестрова. М., Когито-Центр, 133 с.

Кулик, Г. 2013. 'Зарубежный опыт внедрения риск-менеджмента в государственное управление', Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 37, сс. 32-41. [Электронный ресурс] URL: <https://www.Cyberleninka.ru/article/v/zarbeznyy-opyt-vnedreniya-risk-menedzhmenta-v-gosudarstvennoe-upravlenie> (дата обращения: 28.06.2019).

Кулинич, А. 2002. 'Система когнитивного моделирования 'Канва'', Программные продукты и системы, №3. [Электронный ресурс] URL: <http://www.raai.org/about/persons/kulinich/pages/kanva2003.html> (дата обращения: 09.07.2019).

'Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 ноября 2017 года № 790 'Об утверждении Системы государственного планирования в Республике Казахстан'', Информационно-правовая система 'Әділет'. [Электронный ресурс] // URL: [adilet.zan.kz/rus/dock/](https://www.adilet.zan.kz/rus/dock/) (дата обращения: 12.07.2019).

Учитель, Ю. 2010. 'SWOT – анализ и синтез – основа формирования стратегии организации', Изд. 2-е суц. перераб. и доп. М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 328 с.

Henry, N. Willis, Mary Tighe, Andrew, Lauand. 2018. 'Homeland Security National Risk Characterization. Risk Assessment Methodology'. Published by the RAND Corporation, Santa Monica, Calif., 81 p. [Электронный ресурс] // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2140.html (дата обращения: 16.07.2019).

Kolios, A., & Read, G. 2013. 'A Political, Economic, Social, Technology, Legal and Environmental (PESTLE) Approach for Risk Identification of the Tidal Industry in the United Kingdom'. [Электронный ресурс] // URL: www.mdpi.com/journal/energies (дата обращения: 22.06.2019).

'Risk Management Fundamentals. Homeland Security Management Doctrine'. 2011. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dhs.gov/assets> (дата обращения: 18.07.2019).

Transliteration

Akhremenko, A. 2006. 'Politicheskii analiz i prognozovanie', [Political Analysis and Forecasting], *ucheb. posobie*. М., Gardariki, s. 333.

Borodushko, V. 2013. 'Issledovanie problem natsionalnoi bezopasnosti s pozitsii teorii riskov' [The Study of National Security Issues From the Standpoint of the Theory of Risk], *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, ss. 57-64. [Elektronic resource] URL: <https://www.Cyberleninka.ru/article/v/issledovanie-problem-natsionalnoy-bezopasnosti-s-pozitsiy-teorii-riskov> (data obrasheniya: 22.06.2019).

Glushko, E. 2014. 'Dorozhnie karti v gosudarstvennom upravlenii' [Roadmaps in Public Administration], *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, №11 (119), ss. 53-59.

Henry, H. Willis, Mary Tighe, Andrew, Lauland. 2018. 'Homeland Security National Risk Characterization. Risk Assessment Methodology'. Published by the RAND Corporation, Santa Monica, Calif., 81 p. [Elektronic resource] // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2140.html (data obrasheniya: 16.07.2019).

Kolios, A. & Read, G. 2013. 'A Political, Economic, Social, Technology, Legal and Environmental (PESTLE) Approach for Risk Identification of the Tidal Industry in the United Kingdom'. // URL: www.mdpi.com/journal/energies (data obrasheniya: 22.06.2019).

'Kontseptsiya federalnoy sistemi upravleniya riskami v oblasti ekonomicheskoy bezopasnosti' 2018. [The Concept of the Federal Risk Management System in the Field of Economic Security], *Sbornik materialov vserossiyskogo simpoziuma Problemi strategicheskogo upravleniya*. Moskva, 20 fevralya 2018 g. Pod red. S.N. Silvestrova. M., Kogito-Tsentr, 133 s.

Kulik, G. 2013. 'Zarubezhniy opit vnedreniya risk-menedzmenta v gosudarstvennoe upravlenie' [Foreign Experience in Implementing Risk Management in Public Administration], *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*. Vipusk № 37, ss. 32-41. [Elektronic resource] URL: <https://www.Cyberleninka.ru/article/v/zarubezhnyy-opyt-vnedreniya-risk-menedzhmenta-v-gosudarstvennoe-upravlenie> (data obrasheniya: 28.06.2019).

Kulinich, A. 2002. 'Sistema kognitivnogo modelirovaniya 'Kanva' [System of the Cognitive Modeling 'Kanva'], *Programmnie produkti I sistemi*, №3. [Elektronic resource] // URL: <http://www.raai.org/about/persons/kulinich/pages/kanva2003.html> (data obrasheniya: 09.07.2019).

'Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazakhstan ot 29 yanvarya 2017 goda № 790 'Ob utverzhdenii Sistemy gosudarstvennogo planirovaniya v Respublike Kazakhstan' [On Approval of the State Planning System in the Republic of Kazakhstan], *Informatsionn-jpravovaya sistema 'Adilet'*, [Elektronic resource] URL: adilet.zan.kz/rus/dock/ (data obrasheniya: 12.07.2019).

'Risk Management Fundamentals. Homeland Security Management Doctrine'. 2011. [Elektronic resource] URL: <https://www.dhs.gov/assets> (data obrasheniya: 18.07.2019).

Uchitel, Y. 2010. 'SWOT – analiz i sintez – osnova formirovaniya strategii organizatsii' [SWOT-Analysis and Synthesis – the Basis for the Formation of the Organization's Strategy], *Izd. 2-e sush. perepab. i dop. M., Knizhniy dom 'LIBROKOM'*, 328 s.

‘Zakon Respubliki Kazakhstan’. 1998. Zakon RK ‘O natsionalnoy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan’ (utratil silu) [Law of the Republic of Kazakhstan ‘On the National Security of the Republic of Kazakhstan’], Informatsionnj-pravovaya sistema ‘Adilet’ [Elektronic resource] URL:adilet.zan.kz/rus/dock/ (data obrasheniya: 15.07.2019).

‘Zakon Respubliki Kazakhstan’. 2012. Zakon RK ‘O natsionalnoy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan’ [Law of the Republic of Kazakhstan ‘On the National Security of the Republic of Kazakhstan’], Informatsionnj-pravovaya sistema ‘Adilet’, [Elektronic resource] URL:adilet.zan.kz/rus/dock/ (data obrasheniya: 15.07.2019).

Базаров Е., Мамонов В., Тусупов К.

Қазақстан Республикасы Мемлекеттік жоспарлау жүйесі құжаттарын әзірлеу мен жүзеге асыру шеңберінде ұлттық мүдделерді қорғау күйін бағалау методологиясы

Мақалада Қазақстан Республикасы Мемлекеттік жоспарлау жүйесі құжаттарын әзірлеу мен жүзеге асыру барысында ұлттық мүдделердің қорғалуын бағалау үшін қолданылатын талдау құралдары зерттелген. Мемлекеттік жоспарлау жүйесі құжаттарының мүмкіндіктері, күшті және әлсіз жақтарымен қауіп-қатерлердің арақатынастарын анықтау үшін «SWOT – талдау» әдісі қолданылатыны айқындалды. Сонымен қатар, аталған әдісті қолдану барысында оның функционалды мүмкіндіктері мен пәні жағынан шектеулі екені көрсетілді.

Осыған орай, авторлар «жол карталары» технологиясы, «когнитивті модельдеу» мен «сценариотехникалар» әдістерін біріктіретін методология ұсынды. Аталған методология мемлекеттік құрылыстың басымдықтары мен мақсаттарына қолжеткізуде, ұлттық мүдделерді қорғау күйін бағалау тиімділігін арттыруға мүмкіндіктер береді.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Аннотация. На современную языковую ситуацию, сложившуюся в Казахстане, повлияло несколько факторов: политические, социокультурные, демографические, миграционные и проч. Развитие языковой ситуации сопряжено с процессами нациестроительства, а ее формирование находится под влиянием социальных факторов: демографических и миграционных. Возрастание демографической мощи казахского языка происходит во-первых, за счет увеличения числа казахов в общей численности населения; во-вторых, молодыми этносами в республике являются в основном казахи и другие азиатские этносы, которые характеризуются растущей казахской языковой компетенцией. Но изменения в языковой ситуации под влиянием этнодемографических факторов происходит не сразу. Сегодня можно констатировать, что изменения демографической ситуации в республике не соответствуют демографической мощи казахского языка.

Ключевые слова: языковые ситуации, государственный язык, нациестроительство, демография, миграция, казахский язык, русский язык, демографическая мощь языка.

Введение

Обретение независимости Казахстаном изменило не только социально-политическую, но и языковую ситуацию в стране. Перемены в первую очередь коснулись статуса казахского языка, который был провозглашен государственным. Казахский язык стал рассматриваться как символ нового независимого государства. В связи с этим одной из главных проблем строительства независимого Казахстана стала повышение статуса казахского языка. Социальный статус казахского и русского языков подвергся значительным трансформациям, но языковая ситуация в республике и сегодня, по происшествию почти тридцати лет остается противоречивой.

Вместе с тем изучение современной языковой ситуации во всех многообразии составляющих ее факторов остается малоизученной. В данной статье языковая ситуация рассматривается с точки зрения изменения этнодемографических факторов. Такой анализ поможет проследить изменения статуса казахского и русского языков в стране за годы независимости, обозначить особенности языковой ситуации, связанные с проживанием в республике разных этносов.

Методология

Проблема языковой ситуации в странах мира начали активно разрабатываться с 1970-х гг. XX века и нашли свое отражение в трудах советских и зарубежных социалингвистов как В.В. Аврорин [1975], Р.Т. Белл [1980], В.Д. Бондалетов [1984], А. Швейцер [?] и др.

В Казахстане изучению языковой ситуации посвящены работы Э.Д. Сулейменовой [2009], С.Ж. Баяндиной ([2014, сс. 197-200], Р.К. Кадыржанова [2014], В.Д. Курганской [2002], Ж. Смагулова [2000, с. 73], М.М. Копыленко [1989], О. Алтынбекова [2006], Б. Хасанов [2007] и др.

В центре внимания исследователей находятся проблемы влияния языковой реформы в постсоветский период на языковую ситуацию в республике: конкуренция государственного языка с русским, перспективы развития и сохранения казахского и русского языков и др. Авторы исследований делают вывод о том, что в силу разных причин государственный язык в Казахстане уступает русскому языку по объему выполняемых ими функции. Анализ языкового статуса в целом освящается с позиции «возрождения казахского языка».

Языковая ситуация также в отечественной науке рассматривается как один из компонентов этнического фактора. Вместе с тем не так много работ посвященных влиянию языковых процессов на жизнь населения, выявлению проблем в языковой сфере после изменения статуса казахского языка. Мало изучены и различные факторы современной языковой ситуации: социальные, социально-экономические, демографические, культурные.

Языковая ситуация любой страны уникальна и характеризуется большим количеством только ей присущих признаков. Возможно, поэтому существуют различные определения языковой ситуации. Мы придерживаемся следующей определения понятию «языковой ситуации» как: «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определения географических регионов или административно-политических образцов» (Словарь социалингвистических терминов 2006).

Основные характеристики языковой ситуации в Казахстане

Отличительными особенностями языковой ситуации в республике являются: казахско-русский биллингвизм; русскоязычие, национально-казахское русское двуязычие. Самыми распространенными являются два языка: казахский и русский, при этом доминирует русский язык.

Схематично исследователи выделяют следующие типы языковых коллективов:

- владеющие только русским языком;

- владеющие казахским и русским языками;
- владеющие только казахским языком;
- владеющие русским и несколькими национальными языками;
- владеющие несколькими национальными, но не владеющие русским языком [Байгабатов & Бондарцова 2015].

Как показывают социологические замеры большинство населения Казахстана владеет русским, и незначительное число лиц некоренной национальности владеют казахским. Среди казахов (особенно молодежи), проживающих в городах также еще немало людей, не знающих свой родной язык. Эти и другие обстоятельства накладывают свои отпечатки на языковую проблему в республике.

Языковая ситуация в Казахстане может быть охарактеризовать в следующих социолингвистических параметрах: во-первых, экзоглоссная, поскольку представляет собой совокупность различных национальных языков; во-вторых, с точки зрения распространенности и функциональности, билингвальная: среди национальных языков юридически государственным является казахский язык, пока уступающий свои позиции в некоторых функциональных сферах, а языком межнационального общения и официальным языком является русский; в-третьих, несбалансированная, так как диапазон использования русского языка, в отличие от казахского, в различных сферах общения по-прежнему довольно широк; в-четвертых, развивающаяся, так как экстралингвистические факторы, влияющие на язык, продолжают изменяться [Сулейменова и др. 2007, 304 с.].

Так как языковая политика является частью социально-политических процессов полиэтнического общества, государство строит языковую политику, которая учитывает интересы всего народа Казахстана. Оно также обеспечивает соблюдение всех языковых прав этносов страны, выбор языка общения, воспитания. Языковая политика в Казахстане отвечает потребностям полиэтнического населения страны: с одной стороны, создается пространство «доброжелательства» для всех этнических языков; с другой стороны, создается привилегированное положение для языка коренного этноса, что является необходимой мерой сохранения национального языка.

Создается оптимальное социолингвистическое пространство, обеспечивающее необходимое функциональное соотношение языков. Оно оценивается учеными как:

- централизованная (поскольку проводится государством и предусматривает систему обязательных мероприятий),
- перспективная (поскольку направлена на изменение существующей языковой ситуации),
- демократическая (поскольку учитывает интересы широких масс),
- интернациональная (поскольку основными стратегическими направлениями избраны развитие казахского языка, русского языка, английско-

го языка, а также языков всех других этнических групп, проживающих в стране),

- конструктивная (поскольку направлена на расширение функций языка, сфер применения, социально-коммуникативной роли и витальности казахского языка, поддержке функционирования и развития русского языка, а также других языков страны),

- экзоглоссная (поскольку, интенсивно развивается интернациональная лексика, лексика, обслуживающая новые информационные и технологические коммуникативные сферы и др.) [Электронный ресурс].

Языковая ситуация в Казахстане во многом есть наследие СССР. В советский период страна жила без конституционного закрепления государственного языка, но государственным языком на практике был, как и на огромном советском пространстве русский язык. Советская языковая политика привела к вытеснению казахского языка из политической, экономической, научной сферы и превратила его в язык домашнего быта. С начала 60-х годов XX века закрывались казахские школы, поскольку в высших учебных заведениях, и особенно в технических, обучение в основном проходило на русском языке. Не было казахских групп в детских дошкольных учреждениях. Все это привело к тому что, к началу 80-х годов прошлого века огромное число казахов не владело родным языком, более того быстрое повышение уровня образования и изменения в его содержании привели к перестройке системы ценностей, которые уже в качестве субъективного фактора влияли на речевое поведение. Отрицательным субъективным фактором стала и идеологизация системы образования, которая продолжалась несколько десятилетий и нанесла большой урон развитию функционирования казахского языка.

Чтобы понять всю сложность в языковой сфере, надо обратиться к процессам развития культуры в советское время. Общественная жизнь в СССР цементировалась советской культурой, возникшей и развивавшейся на основе культуры ведущего этноса страны – русского. Известно, что системообразующим этносом общества советского типа был русский этнос, поэтому его история, язык и культура были хорошо известны всем гражданам советского государства. Они во многом подменяли действительную историю и культуру прошлого субъектов Советского Союза. Политика проведения исторической трансформации всей общественной системы в Казахстане в русле сначала колонизаторской политики России, а в последующем советизации и неудавшегося опыта построения социалистического государства привели во многом к русификации культуры. В Казахстане она проявилась с наибольшей силой, где для многих представителей казахского этноса родной язык, оказался вне сферы знания и практического применения, а культура, выраженная посредством него, потерянной.

При всех негативных и противоречивых факторах трансформации культурного процесса в Казахстане, нельзя не сказать о том, что вместе с этим советское государство в пределах единого общенационально государства поддерживало развитие национальных культур, в первую очередь, культур коренных этносов, руководствуясь политикой «коренизации». Национально-государственные образования в рамках «единого» Союза, получившие свои названия по титульному этносу, в соответствии с политикой «коренизации» изначально должны были культивировать национальную культуру, наполняя ее социалистическим содержанием. Поэтому своеобразная двоякость развития культурного процесса (с одной стороны, поддержка национальной культуры на государственном уровне, но, с другой стороны, выхолащивание ее национального содержания, на практике приводившее к ее фактическому забвению), как и понимание самой национальной культуры, привели к амбивалентности в понимании феномена казахской культуры и развития культурного процесса в Казахстане.

Казахская культура в советский период достигла высоких результатов, поскольку после революции развивалась ее письменность, была ликвидирована неграмотность населения, сложилась национальная система образования, наука, профессиональное искусство и т.д. Вместе с тем высокая казахская культура советского периода оказалась ассимилированной русско-советской культурой, во многом утратив свое национальное своеобразие. Среди культур титульных этносов бывшего СССР казахская культура оказалась одной из наиболее ассимилированных русско-советской культурой, одной из наиболее русифицированных. Это касалось, в первую очередь, основополагающих элементов культуры – языка, образования, норм и ценностей жизни и т. д. [Кадыржанов 1999, сс. 106-107].

В постсоветский период требованием времени стало осуществление такой национальной политики, которая была бы направлена на замену советской культуры казахской культурой. Подобные претензии, однако, наталкивались на сопротивление со стороны некоренных этносов и, прежде всего, русского этноса, оказавшегося неготовым к такого рода переменам. Несмотря на многие десятилетия совместного проживания в советском обществе, при наличии значительной общности, обнаружилось, что имеются существенные различия между казахами и русскими, определяемые принадлежностью к различным культурам и цивилизациям [Кадыржанов 1999, сс. 108-109].

Культурные разломы особенно проявлялись в языковой сфере. Принятый в 1997 году Закон Республики Казахстан «О языках» закрепил статус государственного языка за казахским языком и одновременно с этим легитимировал официальное употребление русского языка наравне с казахским в государственных организациях и в органах местного самоуправления. Таким образом, в настоящей либеральной модели нации на-

личествуют гражданский и лингвистический компоненты [Сарсенбаева 2009, сс. 301–302]. Несмотря на то, что казахский язык в Республике Казахстан является государственным, коренной перелом в этом направлении не произошел. Сложная языковая ситуация говорит о трудоемкости механизма формирования новой казахстанской идентичности.

Данные социологических опросов говорят, что подавляющее большинство казахстанцев согласно с тем, что государство должно способствовать развитию казахского языка. Представляется, что население Казахстана осознает то, что именно государство должно способствовать развитию казахского языка. Ведь за прошедшие годы в этой сфере не было достигнуто больших успехов, несмотря на более массовое употребление казахского языка казахской городской молодежью. Остальные этнические группы также стремятся овладеть казахским языком, и все большее количество казахстанских граждан говорит на казахском языке, что не может не радовать.

Но все же процесс развития казахского языка протекает медленнее, чем хотелось бы. Была выявлена интересная тенденция: русскоязычная молодежь все больше стремится овладеть государственным языком, так как это сулит ей ощутимые выгоды в будущем построении карьеры на государственной службе. Люди же старшего возраста не стремятся овладеть государственным языком, так как, не видят для себя смысла в изучении казахского языка, а также свою роль играет фактор снижающихся способностей к изучению чего-то нового.

Опрос, проведенный в рамках проекта «Общенациональная идея глазами казахстанцев» Институтом философии, политологии и религиоведения в 2011 г. показал, что среди казахских респондентов идею государственной поддержки казахского языка полностью поддерживают 85,20%. Среди русских респондентов с этим мнением полностью согласны 43,21% и 41,90% частично согласны. Это говорит о разделении русских на две группы, но в целом русская часть населения Казахстана выступает за государственную поддержку казахского языка. Вместе с тем лишь четверть русских респондентов однозначно считает, что все национальности в Казахстане должны знать казахский язык, но и частично согласных не мало – 51,06%. Отрицательное отношение высказали 11%. Иное отношение наблюдается у представителей казахского этноса. Среди них абсолютное большинство 76,13% высказалось за максимальное распространение казахского языка, за то, чтобы он был языком межнационального общения [2011, 422 с.].

Итак, с одной стороны, можно наблюдать, что государственная языковая политика, постепенно повлияла на мнение большинства русского населения Казахстана и они готовы к овладению казахским языком. Но, как отмечает профессор Р. Кадыржанов, те, кто стоят на позициях казахстан-

ской идентичности, и, в первую очередь, русские и другие некоренные народы Казахстана, не хотят, чтобы русский язык и другие их привычные символы ушли со своего центрального места, которое они занимали в советском обществе. Казахский этнос стремится к тому, чтобы их важнейший символ – казахский язык – распространялся, если не на все, то на максимально большое число социальных и культурных сфер общества. Вместе с тем многие казахи не хотят, чтобы ставшими привычными символы русской культуры и советского времени ушли бы на периферию казахстанского общества [Кадыржанов 2014, с. 67].

Позицию известного ученого подтверждают и результаты экспертного опроса проведенного Институтом языкознания имени А. Байтурсынова КН МОН РК в рамках проекта «Государственный язык: эволюция, динамика, перспективы (лингвистический, социолингвистический, социологический, политологический аспекты) в 2017 г. По мнению экспертов государственная политика в языковой сфере Казахстана отвечает потребностям полиэтнического населения страны. В этом отношении государство позиционирует себя адекватно и это благоприятно воспринимается населением. Развитие казахского языка является наиболее важным моментом государственной языковой политики. С таким мнением согласны все опрошенные эксперты. Вместе с тем доминантная часть экспертов считает, что казахский язык как главный символ страны должен определять политику в языковой сфере. Другая часть экспертов, признавая приоритетность казахского языка в государственной политике, не хотят, чтобы русский язык потерял былые позиции.

В ответах экспертов отразилась социолингвистическая ситуация в Казахстане. Обретение казахским языком реально статуса государственного языка по-прежнему представляет собой противоречивый процесс. С одной стороны, казахский язык постепенно повышает свой статус во всех сферах общественной жизни, растет число его носителей. С другой стороны, на сегодняшний день казахский язык не может занять ведущие позиции и на деле соответствовать конституционному статусу государственного языка. Основным языком межнационального общения и межкультурного взаимодействия продолжает оставаться русский язык. Диапазон использования русского языка, в отличие от казахского, по-прежнему довольно широк в различных сферах общения.

Социальные факторы языковой ситуации

Значительную роль в трансформации языковой ситуации играют социальные факторы. В контексте нашего исследования это такие переменные в общественной жизни, которые оказывают значительное влияние на

поведение и самочувствие людей в языковой сфере. К ним можно отнести такие показатели как демография, миграция. Совокупность демографических показателей, т. е. демографическая среда – важная составляющая внешней среда воздействующая на языковую ситуацию.

Демографическая языковая ситуация в любой стране определяется во многом той демографической средой (совокупность демографических показателей) в которой она существует. Демографическая среда имеет определенную структуру, т.е. состоит из групп людей которые различаются по своим демографическим признакам [Демографические факторы рынка и маркетинга 2014].

Трансформация демографических процессов в республике – один из факторов, определивших языковую ситуацию в стране. Так на изменение динамики языковой ситуации повлияла модификация демографических параметров казахского и русскоязычного населения в постсоветский период.

По данным Агентства по статистике Республики Казахстан, на первое июля 2017 г. численность населения в РК составляет 18 034 тыс. человек. Численность городского населения – 54,7%, сельского – 45,3%.

Казахстан – государство с полиэтническим составом населения. По официальным оценкам на начало 2016 года казахи составляли 66,48 %, русские – 20,61% и другие – 12,91%. Региональный й срез показывает, что ареалами расселения казахов являются следующие области: Кызылординская – 95,98%, Атырауская – 92,12%, Мангистауская – 90,26%, Актыубинская – 81,68%, Западно-Казахстанская – 75,16%, Южно-Казахстанская – 72,95%, Алматинская- 70,71%, город Астана – 75,51%. Меньше всего казахов проживает в Северо-Казахстанской – 34,62% и а Костанайской областях – 39,71%. Русских больше всего живет в Северо-Казахстанской – 49,46%, Костанайской – 41,58, Карагандинской – 36,52%, Павлодарской областях – 36,42% [Алексеенко и др. 2011].

В настоящее время демографическая ситуация такова – определяющим большинством являются азиатские этносы, представленные народами тюркской группы. Численность казахов, узбеков, уйгур за 20 лет (1989–2009 гг.) увеличилась в 1,5 раза, и составила 67,4% населения государства (в 1989 г. – 42,9%). Европейская этническая группа (русские, украинцы, немцы) за тот же период уменьшилась в 1,9 раза, ее удельный вес снизился с 51,0% в 1989 г. до 28,2% в 2009 г. [Алексеенко и др. 2011].

Количественные изменения этнического состава перешли в новое состояние – демографическая ситуация в государстве определяется уже представителями казахского этноса, причем обладающего более высокими репродуктивными установками. В результате растущего миграционного потока из села в город на фоне эмиграции европейского населения,

рождаемость и естественный прирост в городах Казахстана выше, чем в селах (т. н. эффект «этнического замещения»). Быстрая урбанизация казахов привела к переносу в города демографических установок, характерных для сельской местности [Алексеевко и др.].

Возрастную структуру казахов можно классифицировать как «молодую». В 2009 г. у казахского этноса доля возрастной группы 0-15 лет равнялась 28,3%, 16-62 – 67,2% и 63 лет и старше – 4,5%. К категории «молодого» населения республики относят также узбеков, уйгур, азербайджан и турков. Удельный вес группы 0-15 лет в структуре европейского населения равнялся 14,9%, 16–62 лет – 68,5% и 63 лет и старше – 16,6% и классифицируется как «старая». Отмеченные демографами процессы старения, в той или иной степени затронувшие все население страны, наиболее активно протекают в европейской группе [Сарсембаева 2010, с. 15].

Отечественные исследователи считают, что сложившаяся на сегодняшний день в Казахстане этническая дифференциация населения (молодое и старое) обусловлена несколькими факторами. Во-первых, этносы, входящие в условно названную европейскую группу, расселены, в основном, в городах, а прокреационные установки городского населения отличаются от сельского. Кроме того, отчасти все еще сохраняется традиционная для тюркоязычной группы высокая рождаемость. Во-вторых, миграционный отток европейских этносов, а это, в целом, представители молодых и средних возрастных групп, обусловил уменьшение численности в указанных когортах и увеличение ее в старших категориях населения.

Этническая дифференциация соотношения основных возрастных групп прослеживается и в региональном срезе. Регионом наибольшего представительства молодой возрастной группы и наименьшей удельной доли старшей когорты населения является Южный Казахстан, к относительно «молодому» региону также можно отнести Западный Казахстан. Таким образом, регионами «молодой» возрастной структуры населения являются традиционные ареалы расселения казахов, а также до недавнего времени аграрные районы республики. Регионом «старой» возрастной структуры населения является Восточный Казахстан.

Итак, большая часть молодежи проживает в южном регионе, включая и г. Алматы. Совокупный показатель доли молодежи в южном регионе (ЮКО, Алматинская, Жамбылская, Кызылординская области и г. Алматы) составляет 48,3%.

Как отмечают казахстанские демографы, положительная инерция вышеназванного сочетания факторов в состоянии пролонгировать демографические процессы еще приблизительно на десять лет. В 20-е гг. XXI в. положительное воздействие возрастной структуры почти прекратится в городах (результатом чего всегда является снижение рождаемости), ис-

сякнет эффект «этнического замещения». Некую неопределенность в демографическом явлении может внести иммиграция этнических казахов, «привозящих» в Казахстан традиционные ценности из других государств. Но в целом, в 20-е гг. XXI в. «демографическое ускорение», вероятно, завершится и в дальнейшем демографическое развитие РК будет происходить на стабильной основе [Алексеев и др. 2011].

Помимо факторов рождаемости, численности и плотности регионально-го расселения этносов, на языковую ситуацию влияет фактор миграции, который также относится к демографическим факторам. Внутренняя миграция, и в частности отток населения из сельской местности – проблема не только социально-экономического характера, но и социокультурного.

Серьезные социально-экономические проблемы в аграрном секторе привели к появлению массовой внутренней миграции. Внутренняя миграция идет, в основном, из сел в крупные города, а также на объекты крупных иностранных и отечественных предприятий. Численность прибывающих в города с целью перемены места жительства в пределах страны, многократно превышает число лиц, переселившихся в сельские населенные пункты. Особенно большие положительные сальдо по внутренней миграции имеют города Астана и Алматы, а также Алматинская и Мангистауская области. В остальных регионах выехавшей молодежи оказалось больше, чем прибывшей.

Миграционные потоки значительно возросли в период 2001–2010 и особенно в 2006–2010 гг. За восемь лет (2003–2010) ежегодно от 300 до 350 тыс. человек находились в активной подвижности внутри страны, притом почти половину из них составили мигранты по межобластной миграции [Жумасултанов 2012, с. 8].

Основным субъектом миграционного процесса в Казахстане является молодежь. Свидетельством миграции сельской молодежи в город является то, что в возрастной структуре сельской молодежи наблюдалось некоторое снижение доли граждан в возрасте 25–29 лет и увеличение данной возрастной группы в среде городской молодежи. Снижение количества сельской молодежи объясняется ее оттоком из села в город с целью продолжения образования и трудоустройства. Отсутствие работы, низкий уровень социальной инфраструктуры в селах и поселках – основные причины внутренней миграции и оттока сельского населения в города. В региональном разрезе больше всего сельской молодежи в Туркестанской и Алматинской областях – 387 018 человек (19,7%). Только в этих двух регионах сосредоточено более 40% всей сельской молодежи Казахстана [Буканова и др. 2013, с. 97].

Особенностью урбанизации в Казахстане является то, что она происходит не в результате структурных изменений производства, но по при-

чине «выталкивания» в города сельского населения. Безусловно, в двух крупнейших городах республики больше возможностей трудоустроиться, получить образование, но стихийная, неконтролируемая миграция приведет к тому, что доля городского населения начнет намного превышать долю экономически активного городского населения, занятого в производственной и непроизводственной сферах. Прибывающее в города сельское население пополняет армию безработных, а недостаток жилья вызывает появление неблагоустроенных городских окраин (Шанырак, Ожет, Бакай в Алматы). Отличие от истинной урбанизации состоит в том, что не происходит развития городских функций, город не «подтягивает» культурно мигрантов и даже, наоборот, сам маргинализируется. В Казахстане «собрание» большинства сельских мигрантов в двух городах – Алматы и Астане ведет к тому, что эти города растут, но не развиваются.

Казахстанские исследователи А. Кожаметов и М. Асанбаев отмечают, что мигранты в Южной столице – это труд без гарантий, отсутствие социальных условий и ответственности работодателя, низкий оклад.

Они работают на местных рынках, на строительных площадках, асфальтируют улицы, работают мусорщиками, мойщиками, водителями автобусов и маршруток, словом, на тех низкооплачиваемых работах, где нет горожан. На новом месте жительства им помогают родственники, друзья, земляки. В большинстве домов, расположенных в микрорайонах «Шанырак» и «Ожет», проживают близкие родственники, бывшие односельчане. Этнический состав социальной структуры жителей этих микрорайонов – на 95% казахи.

Воспитанные в традиционной системе ценностей, но вытолкнутые из привычной среды, они теряют социальные и поведенческие ориентиры в новых городских условиях. Причем большинство из них – молодежь [Кожамет & Асанбаев 2010, с. 64].

Эксперты отмечают, что урбанизация в Казахстане рождает массу проблем, в том числе: снижение общей культуры, рост преступности, рост социальной напряженности, связанной с неустроенностью мигрантов.

В период трансформационных рыночных реформ с 1990 по 1999 годы страну покинуло 11% населения. Отрицательный баланс внешней миграции сохранялся в Казахстане вплоть до 2003 года. С 2004 года ситуация изменилась и сальдо внешней миграции перешло в положительную область.

Анализ внешней миграции по этническим группам населения, выявил изменение сложившихся трендов. В 1999-2006 годах эмиграция русского этноса из Республики Казахстан снизилась на 75% (с 91 489 человек в 1999 году до 22 708 человек в 2006 году и 22 046 человек в 2012 году). Однако, с 2007 года отъезд русской этнической группы вернулся на траекторию роста. Интенсивность эмиграции русских в 2009 году составила 6,2 на 1000 человек, в 2011 году данный показатель вырос на 26,9%, соста-

вив 6,3 на 1000 человек. В 2012 году число эмигрантов среди украинцев и немцев снизилось на 17,3% и 2,7% соответственно. Обращает на себя внимание тот факт, что в числе отъезжающих из Казахстана на постоянное место жительства 43,8% составляют молодые люди от 15 до 34 лет.

Этническая миграция оказывает существенное влияние на облик государства. Значительные изменения в этнической структуре населения произошли после обретения независимости Республикой Казахстан, когда государство провозгласило политику возвращения этнических казахов на историческую родину.

С 1991 года по 1 июня 2013 года на историческую родину вернулись и получили статус оралмана 246 603 семей или 924 363 этнических казахов. Из общего числа оралманов, большинство – 61,0% прибыли из Узбекистана, 14,0% являются выходцами из Китая, 9,5% – из Монголии, 7,0% – из Туркменистана, 4,8% – из России и 3,7% – из других стран.

Страны исхода оралманов предопределили регионы их расселения. Наибольшее количество оралманов расселились в Алматинской – 16,1% (148 980 чел), Южно-Казахстанской – 21,3% (197168 чел), Мангистауской – 12,6% (116 437 чел) и Жамбылской областях – 9,4% (87 302 чел) и 40,6% – в других областях.

Зачастую прибывшие оралманы не имеют достаточного уровня образования и квалификации, что сказывается на степени их адаптации и интеграции в социально-экономическую и культурную жизнь страны.

Из числа оралманов трудоспособного возраста, прибывших с 1991 года до 1 июня 2013 года на территорию Казахстана, по уровню образования, 8,6% имели высшее образование, 20,6% – среднее специальное образование, 70,8% – общее среднее образование, либо вообще не имели образования. В итоге, рост и пополнение трудовых ресурсов Республики Казахстан обеспечивается за счет притока населения с более низким уровнем квалификации, либо её отсутствием. Особенность миграционных процессов в республике в том, что эмигрируют квалифицированная образованная часть населения, в то время как иммигрирует, наоборот, менее образованная и квалифицированная. В языковом отношении иммигранты в основном казахоязычные, причем выходцы из бывших союзных республик двуязычные, а из Китая и Монголии моноязычные.

Конечно, политика в отношении языка образования в постсоветский период в первую очередь определялось социально-политическими трансформациями казахстанского общества, но нельзя сбрасывать со счетов и влияния этнодемографических процессов.

Как известно, Правительство Казахстана предприняло серьезные шаги, чтобы казахский язык в настоящее время доминировал в образовании. На начало 2006/2007 года в 176 вузах обучалось 768,4 тыс. студентов,

из них более половины обучались на русском языке – 421,8 тыс. человек [Высшие учебные заведения Республики Казахстан 2006]. На начало 2015/2016 уч. года, т.е. практически через 10 лет в Республике Казахстан в 127 высших учебных заведений с общей численностью 459,4 тыс. студентов на русском языке обучалось уже 157,4 человек [Высшие учебные заведения Республики Казахстан 2015]. То есть за 10 лет количество человек, обучающихся на русском языке в вузах, снизилось с 54,9% до 34,3%.

Подобная картина наблюдается и в сфере получения среднего специального образования. Так количество обучающихся на русском языке снизилось с 43,5% до 41,9%. Сегодня 70% школьников обучаются на государственном языке, из числа проходивших ЕНТ около 80% сдает тестирование на казахском языке, 80% грантов на обучение в высших учебных заведениях предоставляются по специальностям с обучением на государственном языке [Техническое и профессиональное образование в Республике Казахстан 2014/2015]. Постепенно меняется ситуация в сфере среднего образования, ликвидируется дефицит казахских школ.

Заключение

1. В Казахстане, как и в других постсоветских государствах, ситуация характеризуется тем, что язык коренной нации объявлен государственным. Споры вокруг государственного языка ведутся постоянно, начиная со времени его принятия и особенно активизируется, когда принимаются законодательные акты по регулированию языковой политики. Одни считают, что призывы к овладению государственным языком являются нарушением индивидуальных прав человека, поэтому коллективные, в частности, этнические и языковые интересы не должны ставиться выше интересов личности.

Присутствует и другая противоположная точка зрения: необходимо ускоренное продвижение казахского языка, закрепление его во всех сферах жизни. Одна из самых радикальных точек зрения национал-патриотов заключается в том, что необходимо убрать из статьи 7 Конституции РК часть вторую, касающуюся статуса русского языка.

В выступлении Президента РК на торжественном собрании 15 декабря 2011 г., посвященном 20-летию независимости, а позже в Послании народу Казахстана в январе 2012 года четко сформулирована позиция официального руководства страны по данной проблеме: «Одной из ценностей и главным преимуществом нашей страны являются многонациональность и многоязычие. Государственным языком, согласно нашей Конституции, является казахский. Наравне с ним в государственных органах официально употребляется русский. Это – нормы нашей Конституции, которые ни-

кому не позволено нарушать. Планомерное развитие казахского языка не будет происходить в ущерб русскому» [Электронный ресурс].

2. Этнодемографические процессы, безусловно, влияют на языковую ситуацию в республике. Трансформация этнической структуры населения привела к тому, что доля русского и европейского этносов значительно уменьшилась, а они являются основными носителями русского языка.

Миграционный отток европейских этносов обусловил уменьшение их численности в молодых когортах. Возрастную структуру казахов и других азиатских этносов можно классифицировать как молодую. Большая часть молодежи проживает в южном регионе (ЮКО, Алматинская, Жамбылская, Кызылординская области и город Алматы) и составляет 43,3 % от все молодежи Казахстана. Таким образом, регионами «молодой» возрастной группы являются традиционные ареалы расселения казахов. В языковом отношении это регион с казахским коммуникативным пространством. Вместе с тем, есть регионы, где казахи в меньшинстве и где языковое коммуникативное пространство в большей степени характеризуется как русское.

Казахизация демографических процессов уже изменила этнический облик страны, но ее влияние на социокультурную среду будет не столь быстрым и далеко не однозначным.

Изменение демографических процессов является одним из важных факторов, определяющих языковую ситуацию в стране. Возрастание демографической мощи языка происходит, во-первых, за счет увеличения числа казахов в общей численности населения. При этом рост числа казахов в большей степени обеспечивается, как за счет естественного прироста, также и за счет казахов-репатриантов (оралманов) из Китая, Монголии, России, Узбекистана, Туркменистана. Во-вторых, население страны в целом является молодым, при этом таковыми являются в основном азиатские этносы, славянские этносы, напротив, характеризуются демографическими старением. Именно молодое поколение казахстанцев характеризуется растущей казахской языковой компетенцией.

3. Внутренняя миграция, связанная с процессами урбанизации, переносом столицы, изменением административно-территориального деления северных областей, привела к увеличению удельного веса казахов в городах, что позволяет говорить об усилении коммуникативной мощи языка,

Процессы урбанизации казахов повлияли на расширении коммуникативного пространства казахского языка, но новые горожане – в основном люди с низкой квалификацией, с низким уровнем образования. Таким образом, основные носители казахского языка имеют низкий социальный статус. Более высокие социальные сферы остаются русскоязычными.

Но развитие социальных функции языков в городе зависит от интенсивности их использования в приоритетных коммуникативных сферах: образовании, СМИ, духовной культуры, семейно-бытообщении.

Любая миграция связана с конфликтом языков, поскольку перемещение больших групп населения предполагает непосредственное взаимодействие и языков, и носителей языка. Снижение общего уровня культуры города привело к небрежному отношению к языковым нормам, варваризации и жаргонизации языка. Специалисты-языковеды, филологи, деятели культуры проявляют озабоченность современным состоянием речевой культуры казахского языка, отмечают ее вульгаризацию.

Традиционному казахскому монолингвизму приходит двуязычие, обусловленное необходимостью внешнего общения. Во-вторых, в условиях реального двуязычия взрослых членов семьи с детьми казахский язык чаще сменяется на русский в качестве предпочтительного средства общения, что свойственно большинству семей в городах. Эта традиция идет из советского прошлого. Вместе с тем, изменения в системе образования, рост числа средних школ с обучением на казахском языке предполагает, что дети мигрантов постсоветского периода, в отличие от детей-мигрантов конца 20-ого века, получают образование на казахском языке, а это означает развитие казахского коммуникативного пространства.

Этнические и социокультурные последствия демографических и миграционных процессов многообразны. Они включает в себя как изменения в составе населения, так и трансформацию межэтнического взаимодействия, культурную интеграцию.

4. Изменения языковой ситуации под влиянием этнодемографических и миграционных процессов происходят не сразу и неоднозначно. Изменение этнодемографической ситуации оказала влияние на спрос образовательных услуг на казахском языке на всех уровнях образования. Статистика показывает, что численность казахского населения ежегодно растет. В связи с этим можно ожидать и повышение спроса на образовательные услуги на казахском языке в перспективе. Но очевидно и другое: в современном мире возрастает ценность знания, спрос на образовательные услуги, и особенно на государственном языке повышается с каждым годом, так как образования – залог успешного развития и становления личности, возможность его «встроенности» в процессе модернизации. Поэтому важен учет не только количественных показателей образовательных учреждений на государственном языке, но и качественные характеристики образовательных услуг, что в идеале означает высокие стандарты казахстанского образования, которые не уступали бы мировым стандартам.

И только в этом случае образование на казахском языке в перспективе расширяет социальные функции, а следовательно, и коммуникативное пространство языка.

Библиография

- Аврорин, В. 1975. 'Проблема изучения функциональной сторон языка (К вопросу о вопросе социолингвистике)'. Л., Наука, 276 с.
- Алтынбекова, О. 2006. 'Этноязыковые процессы в Казахстане'. Алматы, Экономика, 416 с.
- Арынгазиева, Б. 2000. 'Мультилингвизм как условие диалога культур'. *Вестник РФО*, №2. с. 73.
- Алексеевко, А. и др. 2011. 'Демографические успехи Казахстана'. [Электронный ресурс]. URL // http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/demograficheskije_uspehi_kazahstana_2011-02-21.htm (Дата обращения: 02.09.2019).
- Белл, Р. 1980. 'Социолингвистика'. Цели, методы, проблемы. М., Международные отношения, 320.
- Бондалетов, В. 1984а. 'Социальная диагностика'. Рязань, сс. 66-67.
- Бондалетов, В. 1977б. 'К основам общей теории'. М., 1977, с 33-56.
- Баяндиной, С. 2014. 'Языковая ситуация в республике Казахстан'. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, №9, часть 1, сс. 197-200.
- Байгабатов, Т. & Бондарцова, Т. 'Казахстан: вопросы языковой политики'. [Электронный ресурс]. URL <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=5725> (дата обращения: 17.09.2019).
- 'Высшие учебные заведения Республики Казахстан (на начало 2006/2007 учебного года)'. 29.12.2006 г. Исх. N 07-10/130. Том.2. Департамент социальной и демографической статистики. [Электронный ресурс]. URL// http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/ (дата обращения: 26.08.2019).
- 'Высшие учебные заведения Республики Казахстан. На начало 2015/2016 учебного года'. 41-07/725. «25» декабря 2015 г. Том 1. Департамент социальной и демографической статистики. Қазақстан Республикасы Ұлттық Экономика Министрлігі Статистика комитеті. [Электронный ресурс]. URL// http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/ (дата обращения: 26.08.2019).
- 'Демографические факторы рынка и маркетинга' 2014. Вопросы маркетинга.
- Жумасултанов, Т. 2012. 'Естественные движения населения'. *Экономика и статистика*, №1, с. 8.
- 'Казахстан в глобальном мире: вызовы и сохранение идентичности' 2011. Алматы, 422 с.
- Кадыржанов, Р. 2014. 'Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана'. Алматы, ИФПР КН МОН РК, 168 с.
- Кадыржанов, Р. 1999. 'Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы'. Алматы, сс. 106-107.
- Курганская, В. 2002. 'Казахстанская модель межэтнической интеграции'. Алматы, Центр гуманитарных исследований, 164 с.
- Копыленко, М. 1989. 'Актуальные проблемы лингвистики'. Алматы, Наука, 249 с.
- Кожамет, А. & Асанбаев, М. 2010. 'Внутренняя миграция в Казахстане: в поисках решения'. Алматы, с. 64.

‘Национальный доклад «Молодежь Казахстана-2013»’ 2013. Ж.К. Буканова, Ж.К. Каримова, Г.Т. Ильясова, Б. Б. Масатова, К.М. Хамчиев, Е.В. Варкентин, Р.А. Кудайбергенов, Р.А. Абраева и др. Астана, НИЦ «Молодежь», с. 97.

Сарсенбаева, З. 2009. ‘Этнос и ценности’. Алматы, сс. 301–302.

Сарсембаева, Г. 2010. ‘Изменения в этнической и социальной структуре населения Казахстана в условиях суверенитета (1991–2009 гг.)’. *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.* – Алматы, 2010. – С. 15.

Смагулов, Ж. 2005. ‘Языковая ситуация и языковая планирования в Казахстане’. Алматы, Казахский университет, 344 с.

Сулейменова, Э. 2009. ‘Очерки языковой политики и языковой ситуации в Казахстане’. *Russian language Journal*, Vol 59, с...?.

Сулейменова, Э. и др. 2007. ‘Языки народов Казахстана’. *Социолингвистический справочник.* Астана, Арман-ПВ, 304 с.

Техническое и профессиональное образование в Республике Казахстан. На начало 2013/2014 учебного года. Серия 14. Социальная сфера. Том 2. Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігі Статистика комитеті; Там же. На начало 2014/2015 учебного года. Серия 13. Социальная сфера. Том 2. Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігі Статистика комитеті; Там же. На начало 2015/2016 учебного года. Серия 13. Социальная сфера. Том 2. Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігі Статистика комитеті.

‘Словарь социолингвистических терминов’. М., с. 266.

Хасанов, Б. 2007. ‘Языки народов Казахстана: от молчание к стратегии развития (социопсихологические аспекты)’. Алматы, Арда.

Швейцер, В. ‘Введение в социолингвистику’. Москва, Высшая школа, 216 с.

[Электронный ресурс]. URL <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:WHVfohKctxIJ:mysl.kazgazeta.kz/%3Fp%3D5725+%cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=kz> (дата обращения: 15.08.2019).

Transliteration

Avrorin, V. 1975. ‘Problema izýcheniia fýnktsionalnoi storon iazyka (K voprosý o voprose sotsiolingvistike)’ [The Problem of Studying the Functional Aspects of the Language (On the Question of Sociolinguistics)]. L., Naýka, 276 с.

Altynbekova, O. 2006. ‘Etnoiazykovye protsessy v Kazahstane’ [Ethnic-Language Processes in Kazakhstan]. Almaty, Ekonomika, 416 s.

Aryngazieva, B. 2000. ‘Mýltilingvizm kak ýslovie dialoga kýltýr’ [Multilingualism as a Condition for Dialogue of Cultures]. *Vestnik RFO*, №2. с. 73.

Alekseenko, A.1 dr. 2011. ‘Demograficheskie ýspehi Kazahstana’ [Demographic Success of Kazakhstan]. [Elektronnyy resýrs]. URL // http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/demograficheskije_uspehi_kazahstana_2011-02-21.htm (Data obraeniia: 02.09.2019).

Bell, R. 1980. ‘Sotsiolingvistika’ [Sociolinguistics]. Tseli, metody, problemy. M., Mejdýnarodnye otnosheniia, 320 с.

Bondaletov, V. 1984a. 'Sotsialnaja diagnostika' [Social Diagnostics]. Rjazan, ss. 66-67.

Bondaletov, V. 1977b. 'K osnovam obei teorii' [To the Basics of General Theory]. M., 1977, ss. 33-56.

Baiandinoi, S. 2014. 'Jazykovaja situacija v respúblike Kazahstan' [Language Situation in the Republic of Kazakhstan]. *Meždunarodnyj žurnal prikladnyh i fundamentalnyh issledovanij*, №9, chast 1, ss. 197-200.

Baigabatov, T. & Bondartsova, T. 'Kazahstan: voprosy jazykovoi politiki' [Kazakhstan: Language Policy Issues]. [Elektronnyj resýrs]. URL <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=5725> (data obraenija: 17.09.2019).

'Vysshie ýchebnye zavedenija Respúbliki Kazahstan (na nachalo 2006/2007 ýchebnogo goda)' [Higher Educational Institutions of the Republic of Kazakhstan (at the beginning of the 2006/2007 academic year)]. 29.12.2006 g. Ish. N 07-10/130. Tom.2. Departament sotsialnoi i demograficheskoi statistiki. [Elektronnyj resýrs]. URL// http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/ (data obraenija: 26.08.2019).

'Vysshie ýchebnye zavedenija Respúbliki Kazahstan. Na nachalo 2015/2016 ýchebnogo goda' [Higher Educational Institutions of the Republic of Kazakhstan. At the beginning of the 2015/2016 school year]. 41-07/725. «25» dekabria 2015 g. Tom 1. Departament sotsialnoi i demograficheskoi statistiki. Qazaqstan Respúblikasy Ul'tyq Ekonomika Ministriligi Statistika komiteti. [Elektronnyj resýrs]. URL// http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/ (data obraenija: 26.08.2019).

'Demograficheskie faktory rynka i marketinga' [Demographic Factors of Market and Marketing] 2014. Voprosy marketinga.

Jýmasýltanov, T. 2012. 'Estestvennye dvijeniia naselenija' [Natural Population Movements]. *Ekonomika i statistika*, №1, s. 8.

'Kazahstan v globalnom mire: vyzovy i sohranenie identichnosti' [Kazakhstan in the Global World: Challenges and Preservation of Identity] 2011. Almaty, 422 s.

Kadyrjanov, R. 2014. 'Etnokýltúrnyj simvolizm i natsionalnaja identichnost Kazahstana' [Ethnocultural Symbolism and National Identity of Kazakhstan]. Almaty, IFPR KN MON RK, 168 s.

Kadyrjanov, R. 1999. 'Konsolidatsija politicheskoi sistemy Kazahstana: problemy i perspektivy' [Consolidation of the Political System of Kazakhstan: Problems and Prospects]. Almaty, ss. 106-107.

Kýrganskaia, V. 2002. 'Kazahstanskaia model mejetnicheskoi integratsii' [Kazakhstan Model of Interethnic Integration]. Almaty, Tsentr gýmanitarnyh issledovanij, 164 s.

Kopylenko, M. 1989. 'Aktýalnye problemy lingvistikii' [Actual Problems of Linguistics]. Almaty, Naýka, 249 s.

Kojahmet, A. & Asanbaev, M. 2010. 'Vnýtrenniaia migratsija v Kazahstane: v poiskah reshenija' [Internal Migration in Kazakhstan: Looking for a Solution]. Almaty, s. 64.

'Natsionalnyj doklad «Molodej Kazahstana-2013»' [National Report «Youth of Kazakhstan 2013»] 2013. J.K. Býkanova, J.K. Karimova, G.T. Iliasova, B. B. Masatova, K.M. Hamchiev, E.V. Varkentin, R.A. Kýdaibergenov, R.A. Abraeva i dr. Astana, NITs «Molodej», s. 97.

Sarsenbaeva, Z. 2009. 'Etnos i tsennosti' [Ethnicity and Values]. Almaty, ss. 301–302.

Sarsembaeva, G. 2010. 'Izmeneniia v etnicheskoii i sotsialnoi strýktýre naseleniia Kazahstana v ýsloviiah sývereniteta (1991–2009 gg.)' [Changes in the Ethnic and Social Structure of the Population of Kazakhstan in Conditions of Sovereignty (1991–2009)]. *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie ýchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk*, Almaty, s. 15.

Smagýlov, J. 2005. 'Iazykovaia sitýatsiia i iazykovaia planirovaniia v Kazahstane' [The Language Situation and Language Planning in Kazakhstan]. Almaty, Kazahskii úniversitet, 344 s.

Sýleimenova, E. 2009. 'Ocherki iazykovoi politiki i iazykovoi sitýatsii v Kazahstane' [Essays on the Language Policy and Language Situation in Kazakhstan]. *Russian language Journal*, Vol 59, 304 s.

Sýleimenova, E. i dr. 2007. 'Iazyki narodov Kazahstana' [Languages of the Peoples of Kazakhstan]. *Sotsiolingvisticheskii spravochnik*. Astana, Arman-PV, 304 s.

Tehnicheskoe i professionalnoe obrazovanie v Respýblike Kazahstan. Na nachalo 2013/2014 ýchebnogo goda. Seriia 14. Sotsialnaia sfera. Tom 2. Qazaqstan Respýblikasy Ultyq ekonomika ministrliqi Statistika komiteti; Tam je. Na nachalo 2014/2015 ýchebnogo goda. Seriia 13. Sotsialnaia sfera. Tom 2. Qazaqstan Respýblikasy Ultyq ekonomika ministrliqi Statistika komiteti; Tam je. Na nachalo 2015/2016 ýchebnogo goda. Seriia 13. Sotsialnaia sfera. Tom 2. Qazaqstan Respýblikasy Ultyq ekonomika ministrliqi Statistika komiteti.

'Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov' [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. M., s. 266.

Hasanov, B. 2007. 'Iazyki narodov Kazahstana: ot molchanie k strategii razvitiia (sotsiopsihologicheskie aspekty)' [Languages of the Peoples of Kazakhstan: From Silence to Development Strategies (Sociopsychological Aspects)]. Almaty, Arda.

Shveitser, V. 'Vvedenie v sotsiolingvistiký' [Introduction to Sociolinguistics]. Moskva, Vysshiaia shkola, 216 s.

[Elektronnyi resýrs]. URL [http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cac he:WHVfohKctxIJ:mysl.kazgazeta.kz/%3Fp%3D5725+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=kz](http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cac he:WHVfohKctxIJ:mysl.kazgazeta.kz/%3Fp%3D5725+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=kz (data obraeniia: 15.08.2019).) (data obraeniia: 15.08.2019).

Ешпанова Д.

Қазақстандағы тіл жағдайы және әлеуметтік факторлары

Қазақстандағы қазіргі тілдік ахуалға бірнеше факторлар әсер етті: саяси, әлеуметтік-мәдени, демографиялық, көші-қон және т.б. Тілдік жағдайдың дамуы ұлт құрылу процестерімен байланысты, оның қалыптасуына әлеуметтік факторлар әсер етеді: демографиялық және көші-қон. Қазақ тілінің демографиялық күшінің артуы, бірінші кезекте, жалпы халық санындағы қазақтар санының көбеюіне байланысты; екіншіден, республикадағы жас этникалық топтар - бұл негізінен қазақтар мен басқа да азиялық этникалық топтар, олар қазақ тілінің құзыреттілігінің өсуімен сипатталады. Этнодемографиялық факторлардың әсерінен тілдік жағдайдағы өзгерістер бірден пайда болмайды. Бүгінде республикадағы демографиялық жағдайдағы өзгерістер қазақ тілінің демографиялық күшіне сәйкес келмейді деп айтуға болады.

IMAGE OF HIGHER EDUCATION AS A FACTO OF STUDENT MIGRATION

Abstract. In the modern world, higher education is an important factor in the development of society and the state. Each country invests large resources on the development of the national education system. However, in the era of globalization, young people have the opportunity to obtain higher education not only in their own country, but also in higher education institutions of different countries. There are many factors that influence the decision of young people to get higher education abroad: the ability to travel and broaden their horizons, familiarity with the culture of other countries, getting better education and others. The author also believes that another important factor in the cause of educational migration is the uncertainty of young people to get a quality higher education in domestic universities. The aim of the author is to consider the image of national higher education as a factor of student migration.

The article is written in the framework of the scientific project of the Ministry of education and science of the Republic of Kazakhstan “Educational migration from Kazakhstan: factors, trends and social and political consequences”.

Keyword: education, migration, image, mass media, student, Kazakhstan, media frames.

Introduction

Education is one of the most important spheres for the development of human society. The formation of a multi-faceted personality of a citizen belongs to the national interests, largely ensuring the implementation of the priorities of social, political, social, and economic development of any state. Education as a social institution is a system that encompasses a set of statuses and roles, norms and values, social organizations (schools, universities, academies), responsible for the transfer of new generations of accumulated human experience, part of the process of socialization of the individual in the course of its formation and adaptation to certain social relations. The close interrelationship of education with the economy of the country, its political and spiritual sphere is obvious.

Traditionally, it was believed that young people should receive higher education within the country, and education and science were seen as tasks of a national scale. But in recent decades, the situation has changed, mainly due to the fact that young people have become very mobile. Students can move from one part of the world to another in a few hours, and their human capital, that

is, knowledge and ideas, and is in instant access thanks to modern means of communication. Student migration is an integral part of intellectual migration. Student migration is the movement of students who study outside their home country or the country of which they are nationals for a period of more than 12 months. In the era of globalization, higher education was largely internationalized and developed on a market basis. Rapid growth of international education has led to the fact that more and more students want to pursue higher education abroad, often considering studying abroad as a step on the path to obtaining permanent residence permit in the country of study [Gribble 2008, s. 25-39].

Considering the positive aspects of student migration, first of all, the international education market has become an important source of income for the host countries and many institutions live mainly on income from foreign students. The receiving countries also have much to gain by clad selection of immigrants to the national economy. Student migrate also promotes tourism and blur affects the image of the country. Moreover, the loss of students from their countries of origin could have a very detrimental effect on the economy, draining already scarce resources. Brain drain is a large-scale loss of people with technical skills or knowledge. Differences in the culture of learning are a problem of student migration. This means that students may experience difficulties if the methods of teaching, learning and assessment are very different from those used in their previous education [Catterall & Ireland 2010, ss. 98-114]. For example, some European students studying in the UK have been identified as having little experience in performing a number of tasks normally expected of British students, while many are familiar “only with traditional forms of assessment such as exams”.

Methods and methodology

In this paper, the authors considers the image of national higher education as a factor of student migration on the example of the Republic of Kazakhstan. The sphere of higher education is peculiar; its regulators are not only macro - and micro-economic factors, labor and capital market, but also human potential, social and socio-psychological mechanisms. This greatly influences the process of forming the image of this sphere.

People tend to trust media images more than writing texts, which involve more complex cognitive work on their decoding, while the perception of media images does not require special stress from the audience.

Media image is a complex entity consisting of various object characteristics, communication of meaning, interpretation, value judgments. Multidimensional image of higher education of the Republic of Kazakhstan involves the use of special research tools for its study – frame analysis. There are several

methods for analyzing frames. For the analysis of media space of Kazakhstan for 2010-2015, the author relied on the methodology developed in 2008 by professors of science in the field of communication Matthes Jörg and Matthew Kohring [Matthes & Kohring 2008, s. 264].

The image of higher education

The image of higher education should be seen as a complex, multi-factor phenomenon. E. V. Egorova-Gantman understands image as: "the image which is constantly reproduced by the subject and means of communication: certain lines, qualities of the leader taken in unity of the political, ideological, moral, psychological, biographical, external qualities resonating in preferences of electorate" [Абашкина 2009, s. 48]. In the scientific literature, the authors distinguish different aspects of this multifaceted phenomenon. So, A. Y. Panasyuk determines the image as the image that arises from other people [Панасюк 2004, s. 9]. E.A. Petrova indicates that an image is an image representation that combines the internal and external characteristics of an object [Петрова 2003, 27-30]. According to G. G. Pocheptsov: "image is a sign characteristics, where form and content are present" [Почепцов 2004, s. 15]. V.M. Shepel, indicates that the image is an artificial image, which is formed in the minds of people in relation to a particular object, contains a significant amount of emotionally colored information about the object of perception and encourages a certain social behavior [Шепель 1997, s. 3].

The image of higher education should be understood as its stable emotionally colored image, which has purposefully set characteristics and is designed to influence a certain orientation on the consciousness of representatives of target groups that consume the educational product. Under the educational product in this case are understood as educational programs with appropriate support, and graduates of the educational institution with a level of competence (knowledge and skills) formed in the University. The target groups are: employees of secondary and vocational schools; entrants and their relatives; students and graduates; employers, recruitment agencies, professional communities, etc.

A key role in the creation of images of higher education is played by the mass media and the media space they form. This space accumulates a variety of opinions and judgments about higher education, they are replicated by means of technical means and become accessible to many audiences. The peculiarity of the media in shaping the image of higher education is determined by their ability to form a media image, which in the scientific literature is defined as "a special image of reality presented to the mass audience by the media industry" [Bogdan 2007, s. 123]. Other authors consider the media image as an image created in the minds of the recipients of information with the participation of

the media and other information institutions, which subsequently reflects a set of views of the members of the information community on a specific issue [Валу́йская 2013, s. 99]. In the scientific literature it is noted that media images are able to actively control the public consciousness, because their visual and emotional character creates the effect of true reality.

Media frame analysis of higher education of Kazakhstan

In the scientific literature, a frame is defined as a semantic frame used by a person to understand something and choose the way of action within this understanding, as a representation scheme [Ядов 2010, s. 20], as a metacommunicative definition of the situation, based on the principles of organization and involvement in events [Батыгин 2003, ss. 27-30]. According to M. Minsky, a frame refers to the structure of knowledge about a typed object or a stereotyped situation that arises as a result of the cognitive processing of standard situations [Минский 1979, s. 32].

For the purposes of our work, it is important that T.A. Dyck's judgment that frames are not randomly allocated "pieces of knowledge", they are organized around some concept [Дейк 1989, s. 42]. In this regard, the analysis of the frame should be based on the integrity and at the same time assume the analysis of its structural components. As F. Manning wrote, there should be "an analysis of the available integrity (social, cultural) and then the Assembly of structures as a set of interacting elements" [Manning 1992, s. 19].

Mediaframe represent the semantic structures generated by the media. Thus, in the work of V. Gamsun and A. Modigliani, the media frame is defined as «the Central semantic idea or plot that opens up meaning in the unfolding band of events. The frame represents the essence of the question» [Gamson 1989, s. 143]. G. Tuman emphasizes the importance of media for the daily life of a person, for the formation of his ideas about the world. "Media outlets, he writes, organize everyday reality and are an integral part of everyday reality" [Tuchman 1978, s. 193]. In this regard, the work of journalists actually boils down to the creation of media films and their distribution "for the effective transfer of the audience" [Gitlin 1980, s. 7].

Established in modern science frame analysis allows a sufficient degree of reliability to extract knowledge about a particular object. It is this circumstance that became the basis for the study with the help of this methodological Toolkit of higher education images of the Republic of Kazakhstan.

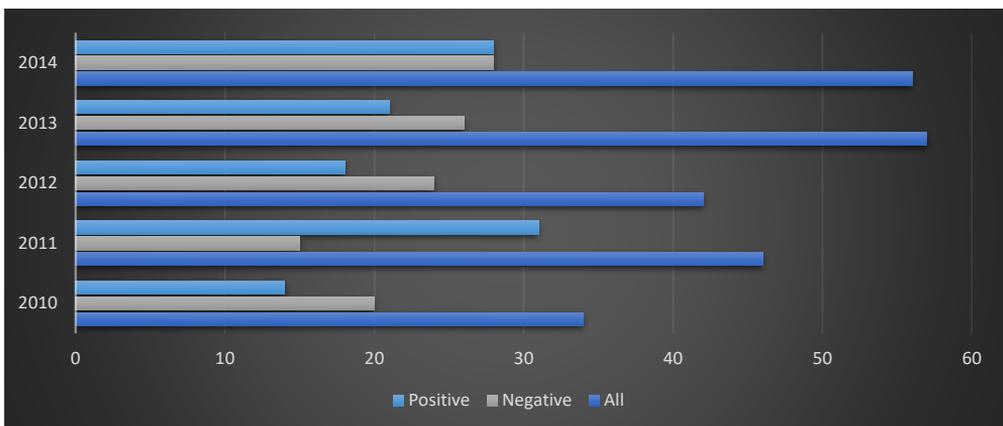
To conduct the content analysis of media frames of the media space of the Republic of Kazakhstan, the author has chosen those media that have taken the leading positions in the rating of popularity and trust of the population over the past 5 years: independent Republican newspaper "Karavan", the national

TV channel “KTK”, informational Internet portal “Tengrinews”. As well as professional print edition “Ana tili” (“Native language”). In these media, for the period 2010-2015, 235 publications and reports on the subject of higher education of the Republic of Kazakhstan were prepared.

Focusing on the frame of higher education, the image was overshadowed by publications, which stated that Ministry of Education and Science RK issued licenses to universities that do not meet the state standard of education, did not properly combat bribery in universities. At the same time, the media space of Kazakhstan regularly published articles, reports and publications on the achievements of the Ministry (monitoring compliance with state standards in higher education institutions, promoting the development of autonomy of universities, the development of University science, improving housing and transport conditions for students, etc.).

The interest of the Kazakh media in higher education has always been high. However, due to problems in this area, the media is mainly critical of higher education. However, in 2011, Kazakhstan’s media space saw a significant increase in positive content. This was due to the fact that in 2011 the Kazakh media space widely discussed issues of support of young scientists and students by the Ministry. However, in the next 2012-2013 years, the level of positive content began to decrease, until 2014, when the indicators of negative and positive content were equal. (See. Fig.1.)

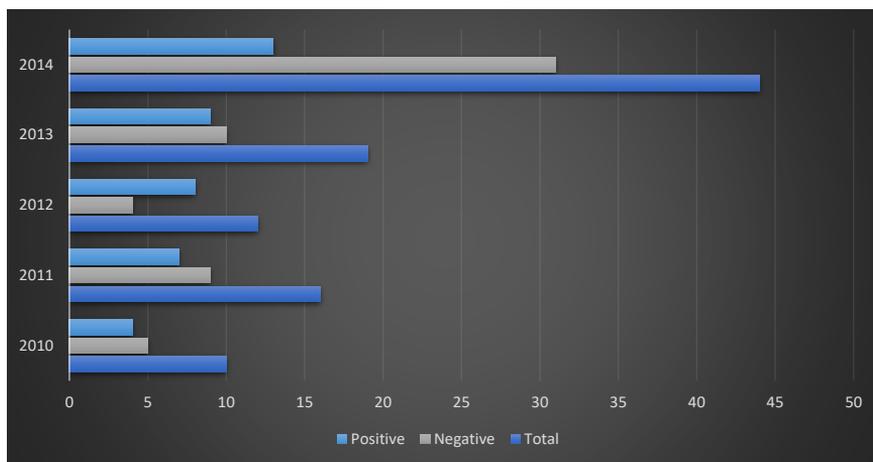
Figure 1. Correlation of negative and positive judgments about higher education in media space of Kazakhstan

Another factor that negatively affects the image of Kazakhstan’s higher education can be called the unified national testing (UNT). Introduction of the UNT was very sensitive in society. During the period 2010-2015, 100 articles were published in the media devoted to the unified national testing. Most of

them covered the problems of the UNT, scandals around the UNT, as well as new rules for conducting the UNT. (See fig. 2) For the period from 2010 to 2014, the media interest in the UNT problem had decreased then grown. As a rule, the problem of the UNT was raised in the media space only in the periods before, during and after the national testing. For this period of time, only in 2012, the growth of positive content about the activities in the field of the UNT was seen in the Kazakhstani media space.

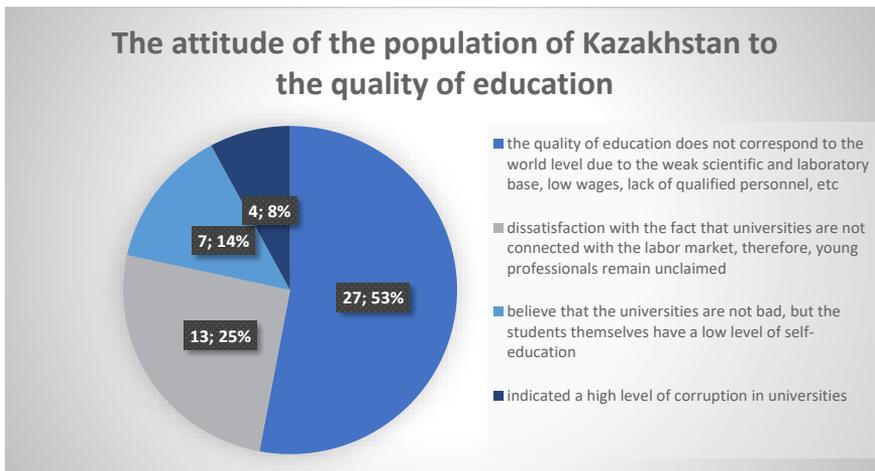
Figure 2. The ratio of negative and positive judgments about the activities of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan in the field of the unified national testing in the media space of Kazakhstan

If we consider the regulatory regulation of the UNT, then the Law of the Republic of Kazakhstan “On Education” (hereinafter - the Law) does not regulate the procedure for organizing and conducting the unified national testing. Since, according to paragraph 12 of Article 5 of the Law, the authorized body in the field of education develops and approves the rules for conducting the UNT. The main regulatory legal acts for the regulation of the UNT are the by-laws. In this regard, the Law “On Education” did not introduce a large number of changes and additions to the regulation of the UNT. In the field of regulation of the conduct of the unified national testing, significant changes have occurred through the repeated introduction of changes and additions to by-laws, in part: forms of the UNT; number of items and questions of the UNT; duration of the UNT; obligatory delivery of the UNT for obtaining the sign “Altyn belgi” (golden medal (scholars, who receive golden medal for graduating with excellent result); reintroduction of the UNT. Analyzing 9 by-laws for the period from 2007 to 2017, it should be noted that 2 by-laws have lost force, and the rest of the acts have been changed 36 times.

According to the schedule, a negative image of higher education is formed in the media space of Kazakhstan. It should be noted that the media image of higher education does not so much distort the real state of education. In 2013, the office of Express monitoring of public opinion DEMOSCOPE at the international center for journalism MediaNet conducted a survey to determine the attitude of the population of Kazakhstan to the quality of education. 27% of respondents believe that the quality of education does not correspond to the world level due to the weak scientific and laboratory base, low wages, lack of qualified personnel, etc. 13% of respondents expressed dissatisfaction with the fact that universities are not connected with the labor market, therefore, young professionals remain unclaimed. 7% of respondents believe that the universities are not bad, but the students themselves have a low level of self-education. Only 4% of respondents indicated a high level of corruption in universities [ПОЧТИ 40% КАЗАХСТАНЦЕВ] (See. Fig.3.).

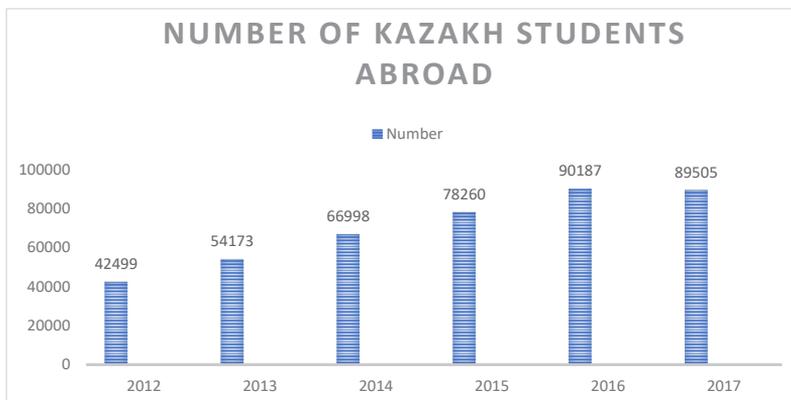
Figure 3. The attitude of the population of Kazakhstan to the quality of education

At the same time, articles or publications criticizing the quality of education in foreign universities are quite rare in the media space of Kazakhstan. Practically all mass media (traditional or electronic) have advertising links to various educational programs abroad.

According to the official data for 2018 of the UNESCO Institute for statistics, from 2012 to 2017 the coefficient of outgoing mobility of students from Kazakhstan [UNESCO 2019] grows annually (fig. 2).

Figure 4: growth of Kazakh students abroad (2012-2017)

Conclusion

The image of higher education as a component of mass consciousness is highly variable and depends on the system of prevailing values in society and individual social groups. The media, as designers of social and political views and worldview, play an important role in shaping the image of higher education in the country.

The prevalence in the national media with negative content about the quality of higher education coverage in the national media of the issues associated with higher education institutions creates a negative image of the national high education. When as in many entertainment sites there are links to advertising about the benefits of foreign education system, foreign universities. These factors often encourage young people to leave the country in order to enroll a foreign University.

Bibliography

Catterall, S. & Ireland, C. 2010. 'Developing Writing Skills for International Students: Adopting a critical pragmatic approach', *Practice and Evidence of the Scholarship of Teaching and Learning in Higher Education*, 5 (2). pp. 98-114.

Gitlin, T. 1980. 'The whole world is watching: Mass media in the making & unmaking of the new left'. Berkeley, University of California Press, 324 p.

Gribble, C. 2008. 'Policy options for managing international student migration: the sending country's perspective', *Journal of Higher Education Policy and Management*, 30(1). pp. 25-39.

Gamson, W. & Modigliani, A. 1989. 'Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach', *American Journal of Sociology*, 95 (1). 1-37 pp.

Manning, Ph. 1992. Erving Goffman and Modern Sociology. London, Polity Press, 200 p.

Matthes, J. & Kohring, M. 2008. 'The content analysis of media frames: Toward improving reliability and validity', *Journal of Communication*, 58(2). 258 – 268 pp.

Tuchman, G. 1978. Making news: A study in the construction of reality. New York, Free Press. 193 p.

UNESCO institute for statistics (UIS). [Электронный ресурс]. URL <http://data.uis.unesco.org/> (accessed: 12.03.2019).

Абашкина, Е. и др. 2009. Имидж лидера. Москва, Центр политического консультирования «Николло М», 163 с.

Батыгин, Г. 2003. 'Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана'. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Москва, Институт социологии РАН. С. 7-57.

Богдан, Е. 2007. 'Медиаобраз России как понятие теории журналистики', *Вестник Московского Университета*, Серия 10. Журналистика, № 4, сс. 122-127.

Валуйская, О. 2013. 'Лингвистические способы создания медиаобраза российского политического лидера', *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2. Языкознание, № 2, сс. 99-103.

Всеволодова, А. 2013. 'Медиаобраз городов России в федеральных печатных СМИ', *Вопросы теории и практики журналистики*, № 2, сс. 152-158.

Дейк ван, Т. Язык. 1989. Познание. Коммуникация. Москва, Прогресс, 308 с.

Минский, М. 1979. Фреймы для представления знаний. Москва, Энергия, 151 с.

Официальный сайт информационного агентства «Tengrinews». [Электронный ресурс]. URL <https://tengrinews.kz> (дата обращения: 20.03.2018);

Официальный сайт национального коммерческого телеканала «КТК». [Электронный ресурс]. URL <http://www.ktk.kz> (дата обращения 05.04.2016);

Официальный сайт Национальной педагогической газеты «Ана Тілі». [Электронный ресурс]. URL <http://anatili.kazgazeta.kz> (дата обращения: 20.03.2018);

Официальным сайтом республиканской газеты является Газета «Караван». [Электронный ресурс]. URL <http://www.caravan.kz>(дата обращения: 20.03.2018);

Панасюк, Ю. 2004. Я - Ваш имиджмейкер и готов сформировать Ваш профессиональный имидж. Москва, Дело, 238 с.

Петрова, Е. 2003. Имиджелогия: современное состояние и перспективы развития в России. Москва, РИЦ Аим, 227 с.

Почепцов, Г. 2004. Имиджелогия. Москва, «Рефл-бук», 116 с.

Почти 40% казахстанцев довольны качеством образования в республике. Международная Академия информатизации. [Электронный ресурс]. URL: <http://academy.kz/en/component/k2/item/74-что-такое-костно-суставной-туберкулез-туткышбаев-со-канд-мед-наук.html?tmpl=component&print=1> (дата обращения: 20.03.2018).

Шепель, В. 1997. Имиджелогия: секреты личного обаяния. - Ростов-на-Дону, Феникс, 254 с.

Ядов, В. и др. 2010. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев. Москва, Логос, 388 с.

Transliteration

Catterall, S. & Ireland, C. 2010. 'Developing Writing Skills for International Students: Adopting a critical pragmatic approach', *Practice and Evidence of the Scholarship of Teaching and Learning in Higher Education*, 5 (2). pp. 98-114.

Gitlin, T. 1980. 'The whole world is watching: Mass media in the making & unmaking of the new left'. Berkeley, University of California Press, 324 p.

Gribble, C. 2008. 'Policy options for managing international student migration: the sending country's perspective', *Journal of Higher Education Policy and Management*, 30(1). pp. 25-39.

Gamson, W. & Modigliani, A. 1989. 'Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach', *American Journal of Sociology*, 95 (1). 1-37 pp.

Manning, Ph. 1992. *Erving Goffman and Modern Sociology*. London, Polity Press, 200 p.

Matthes, J. & Kohring, M. 2008. 'The content analysis of media frames: Toward improving reliability and validity', *Journal of Communication*, 58(2). 258 – 268 pp.

Tuchman, G. 1978. *Making news: A study in the construction of reality*. New York, Free Press. 193 p.

UNESCO institute for statistics (UIS). [Электронный ресурс]. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (accessed: 12.03.2019).

Abashkina, E. i dr. 2009. 'Imidzh lidera [Leader's Image]'. Moskva, Centr politicheskogo konsul'tirovaniya «Nikollo M», 163 с.

Batygin, G. 2003. 'Kontinuum frejmov: sociologicheskaya teoriya Irvinga Gofmana' [Frame Continuum: Irving Hoffman's Sociological Theory]. Moskva, Institut sociologii RAN, сс. 7-57.

Bogdan, 2007. E.N. 'Mediaobraz Rossii kak ponyatie teorii zhurnalistiki [Media Image of Russia as a Concept of Journalism Theory]'. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, Seriya 10, Zhurnalistika, № 4, сс. 122-127.

Valujskaya, O. 2013. 'Lingvisticheskie sposoby sozdaniya mediaobraza rossijskogo politicheskogo lidera [Linguistic Ways of Creating a Media Image of the Russian Political Leader]'. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya 2, YAzykoznanie, № 2, сс. 99-103.

Vsevolodova, A. 2013. 'Mediaobraz gorodov Rossii v federal'nyh pechatnyh SMI [Media Image of Russian Cities in Federal Print Media]'. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, № 2, сс. 152-158.

Dejk van, T. 1989. *YAzyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Knowledge. Communication]. Moskva, Progress, 308 с.

Minskij, M. 1979. 'Frejmy dlya predstavleniya znaniy [Frames for Presentation of Knowledge]'. Moskva, Energiya, 151 с.

Panasyuk, YU. 2004. 'YA - Vash imidzhmejker i gotov sformirovat' Vash professional'nyj imidzh [I Am Your Image-Maker and I am Ready to Form Your Professional Image]'. Moskva, Delo, 238 c.

Petrova, E. 2003. 'Imidzhelogiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya v Rossii [Imageology: Current State and Prospects of Development in Russia]'. Moskva, RIC Aim, 227 c.

Pochepcov, G. 2004. Imidzhelogiya [Imageology]. Moskva, «Refl-buk», 116 c.

'Pochti 40% Kazahstancsev Dovol'ny Kachestvom Obrazovaniya v Respublike [Almost 40% of Kazakhstanis Satisfied With the Quality of Education in Republic]'. Mezhdunarodnaya Akademiya informatizacii [the International Academy of Informatization]. [Elektrondy resurs]. URL <http://academy.kz/en/component/k2/item/74-chtotakoe-kostno-sustavnoj-tuberkulez-tutkyshbaev-so-kand-med-nauk.html?tmpl=component&print=1> (data obrashcheniya: 20.03.2018).

Shepel', V. 1997. 'Imidzhelogiya: sekrety lichnogo obayaniya [Imageology: Secrets of Personal Charm]'. Rostov-na-Donu, Feniks, 254 c.

The official website of the news agency "Tengrinews". [Elektrondy resurs]. URL <https://tengrinews.kz> (data obrashcheniya: 20.03.2018).

The official site of the national commercial television channel "KTK". [Elektrondy resurs]. URL <http://www.ktk.kz> (data obrashcheniya: 20.03.2018).

The official website of the republican newspaper is the newspaper "Karavan". [Elektrondy resurs]. URL <http://www.caravan.kz> (data obrashcheniya: 20.03.2018).

The official website of the national pedagogical newspaper Ana Tili. [Elektrondy resurs]. URL <http://anatili.kazgazeta.kz> (data obrashcheniya: 20.03.2018).

YAdov, V. I dr. 2010. 'Kak lyudi delayut sebya. Obychnye rossiyanе v neobychnyh obstoyatel'stvah: konceptual'noe osmyslenie vos'mi nablyudavshihysya sluchaeв [How People Make Themselves. Ordinary Russians in Unusual Circumstances: Conceptual Understanding of the Eight Cases Observed]'. Moskva, Logos, 388 c.

Абжаппарова А., Құссайнова М.

Жоғары білімнің имиджі студенттік көші-қон факторы ретінде.

Қазіргі әлемде жоғары білім қоғам мен мемлекет дамуының маңызды факторы болып табылады. Әрбір ел ұлттық білім беру жүйесін дамытуға үлкен қаражат салады. Дегенмен, жаһандану дәуірінде жастар тек өз елдерінде ғана емес, түрлі елдердегі жоғары оқу орындарында да жоғары білім алуға мүмкіндік алады. Жастардың шетелде жоғары білім алуына қатысты шешімдеріне әсер ететін көптеген факторлар бар: саяхат, кеңейту, басқа елдердің мәдениетімен танысу, жақсы білім алу және басқалар. Автор сондай-ақ, білім беру көші-қонының маңызды факторы отандық жоғары оқу орындарында жоғары сапалы жоғары білім алуға жастардың белгісіздігі болып табылады деп санайды. Автордың мақсаты - ұлттық жоғары білімнің имиджін студенттік көші-қон факторы ретінде қарастыру.

Мақала Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігінің «Қазақстаннан білім беру көші-қоны: факторлар, тенденциялар және әлеуметтік-саяси салдар» атты ғылыми жобасы аясында жазылған.

Абжаппарова А., Кусайнова М.

Имидж высшего образования как фактор студенческой миграции

В современном мире высшее образование является важнейшим фактором развития общества и государства. Каждая страна вкладывает большие ресурсы в развитие национальной системы образования. Однако, в эпоху глобализации, молодые люди имеют возможность получить высшее образование не только в своей стране, но и в высших учебных заведениях разных стран. Существует множество факторов, влияющих на решение молодежи получить высшее образование за рубежом: возможность путешествовать и расширять кругозор, знакомство с культурой других стран, получение лучшего образования и другие. Автор также считает, что еще одним важным фактором причины образовательной миграции является неуверенность молодежи в получении качественного высшего образования в отечественных вузах. Целью автора является рассмотрение образа национального высшего образования как фактора студенческой миграции.

Статья написана в рамках научного проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан «Образовательная миграция из Казахстана: факторы, тенденции и социально-политические последствия».

Anastasia Fjodorova (Almaty, Kazakhstan)

CRITICAL ANALYSIS OF THEORETICAL PERSPECTIVES ON CIVIL SOCIETY

Abstract. In this article, I examine various theoretical perspectives which analyze civil society in different aspects. I do a comparative analysis of the fundamental theories in order to identify common and different approaches towards civil society and its necessary conditions. This inquiry wields scientific and practical significance in terms of the theoretical model. I have elaborated it basing on a hybrid approach. It allows combining various angles and to detect the most relevant variant for a particular situation. The case of the inquiry is contemporary Kazakhstan. I propose ways to overcome obstacles through the lens of this theoretical basis while constituting civil society in the Republic. The conclusion argues that Kazakhstan acquires historical, cultural and social-economic distinctiveness. That is why it is in strong need of complex, hybrid approaches towards investigations in the social-political field, including civil society.

Keywords: civil society, liberalism, realism, freedom, property, Kazakhstan.

Introduction

The issue of civil society, its institutions, premises to be set up, advantages and disadvantages are one of the most topical for post-Soviet nations. Civil society is one of the indicators to demonstrate democratic strands of a government. However, theoretical perspectives on civil society analyze it from different viewpoints. There are a variety of patterns of civil society but the point in hand is – what is the most appropriate for Kazakhstan? The Republic proclaims itself as a democratic, legal-based nation with a market economy. Nonetheless, there are problems in civil society to forge in Kazakhstan. One can rely on European or US theoretical inquiry in order to adapt it to Kazakhstan. Nevertheless, Kazakhstan has own historical features, experience, cultural platform. The liberal framework could not work out here. That is why I endeavor to analyze the theoretical background of civil society from different angles in order to find out whether there are appropriate ideas for Kazakhstan.

The aim of the article is to investigate grand theories about civil society in order to delineate feasible conditions of civil society to arise in Kazakhstan.

The objectives of the article:

1. To analyze theoretical perspectives of various schools in political science;

2. To do the comparative analysis of above-mentioned theories;
3. To elaborate theoretical conditions for civil society that could be put into practice in Kazakhstan.

Methodology

While doing this research, I used the method of qualitative text analysis. I examined the works of several theorists. I assessed whether the information was relevant for my research and what the appropriate conditions for civil society one could find within. That was the first step in my research.

The second step was to practice the method of theoretical comparative analysis. I endeavored to liken considered theoretical perspectives in order to find out whether there was common and different in these approaches. One may get used to that liberalism was the only paradigm to analyze democracy, civil society, rights, and freedoms. Nonetheless, there are other approaches apart from liberalism such as realism and socialism. The theoretical comparative method allows me to search out the most valid and suitable conditions for civil society to be constructed in Kazakhstan. I mention in the article that the liberalist paradigm is not fully applicable for Kazakhstan since the Republic enjoyed little democracy, capitalist economy, and freedoms throughout its history. That is why one is in need of a hybrid theoretical approach in order to describe the real situation in Kazakhstan in the field of civil society.

Theoretical paradigms to be analyzed

There is a variety of versions to define the concept “civil society” throughout the history of philosophy, political science, and social sciences as a whole. This phenomenon of political and social life evolves together with the development of political science.

At the very beginning, in the period of antiquity and first primitive states, this concept was examined through the lens of philosophy inasmuch as political science had not been established as the self-standing set of knowledge. [Тайлор, 1989.] Politics was regarded as a realm of human activities and a method to investigate the relations between state and society, the role of a leader, his/her rights and obligations.

Issues of civil society, conditions to arise and the basis to develop are of the most disputable ones. The point is that there is no universal approach to interpret this phenomenon through the history of political science. The historical conditions of civil society to set up are different – in the USA and in Europe. That is why nowadays the problem of civil society and related terms to be defined is a burning issue. There is a viewpoint in world political science

that liberal democratic values, market relations, and capitalism are essential for civil society to emerge. However, the question is whether this way is unique. Suppose a state wields market economy, democratic institutions but has a lack of liberal values in society. Does it mean that there are no prerequisites for civil society to arise?

There is plenty of historical-political traditions in contemporary political science. Each of them distinguishes the concept of “civil society”. The first pattern roots in Mediterranean European philosophic political thought and Niccolo Machiavelli’s activities as a scholar [Межуев 2008]. It is not widespread among the scientific community since N. Machiavelli is a scholar who launches political realism as a theoretical perspective. Realist research paradigm of political science does not rely on such idealistic concepts as “human and civil rights”, “freedoms”, “self-governing”, “democracy”, etc. Realism as a scientific-analytical tradition underpins etatistic approach of investigation – a state is the only powerful institution in society, state prevails over individual freedoms, state interests signify more than individual ones. Nevertheless, N. Machiavelli discussed ideas about civil society in terms of peace, the security of citizenry, freedom of individuals to have private property and protect it [Межуев 2008].

The second pattern illustrates the continental European tradition of political science. It relates to the workings of philosophers of classic German philosophy such as G. Hegel. This tradition is linked to the development of initial forms of people unions (guild). G. Hegel believed that this sort of association was prior to the state. Meanwhile, he was skeptical about its feasible further development as a self-standing institution. He pointed out that the state was the only effective body which could regulate people’s activities. The state ensured the integrity of society whereas institutions of civil society were not able to do it since an individual was forced to take part [Кальной & Лопушанский 2002].

The third tradition is built upon the liberal paradigm of political science and Anglo-American pattern in science and politics. It emerged in the Modernity and was closely connected with the fundamental ideas of liberalism as a grand theory of political science. Civil society had features within this tradition as follows:

- 1) Natural rights and freedoms of humans and citizens;
- 2) The government had limited ability to regulate civil relations;
- 3) Citizenry arranged voluntary associations in order to promote its interests and protect rights and freedoms.

J. Locke was one of the apologists of this strand. He elaborated the social contract theory. According to it, state depended upon citizenry completely; it was inferior to any other sorts of associations; it existed only in the frameworks of the social contract and could be abolished by the citizenry in the case if its duties towards citizenry were not implemented. Locke idealized civil society

since he claimed that human's reason could prevent from irrational, cruel, illegal behavior.

Critical theoretical analysis of the Mediterranean paradigm

In the early Middle Ages, concepts about civil society were not relevant because of theism and theological approach to social and political processes. Since social and political life was regulated by church, religion and the will of God, it was impossible to discuss individualism, private interests of a man. That time an individual was not regarded as a unit of investigation or politics. Interests of the church scaled up inasmuch as it was one of the key institutions in the social and political realm. Frequently, church interests subjugated state ones. That was a case of European monarchies. A monarch embodied the will of God on Earth and was treated as elected by God. Estate hierarchy, the division of labor were legislated on not only in secular pieces of documentation but also in religious ones. That time nation-states in Europe began to emerge after the period of feudal fragmentation.

In the Renaissance, theology did not affect scientific and philosophic paradigm of analysis of political and social events. New thinkers appeared who expressed innovative ideas about the state, the leader and feasible civil society and ways for its development. Niccolo Machiavelli was one of such philosophers.

Niccolo Machiavelli was a representative of the Italian school of political science. It focused on the issues of political elites, leadership, and the state as the main institution. He investigated a political leader, his/her traits, abilities, circumstances to rule successfully. However, one could find perspectives on civil society in his writings.

Niccolo Machiavelli was a founder of political realism as the classical theoretical paradigm in political science and international relations. Classical political realism had such concepts as the balance of power within a state and worldwide, emphasis on military-political instruments to pursue policy, denial of idealistic concepts like human rights, civil freedoms, and believe that human nature was evil. Machiavelli was a proponent of these concepts.

Meanwhile, N. Machiavelli elaborated theoretical perspective about civil society to emerge. Though he discarded the idea of human rights and democratic freedoms of a citizen inasmuch as he was a strong proponent of political realism as the analytical pattern.

I am going to analyze Machiavelli's "The Discourses on the First Ten Books of Titus Livy" in order to comprehend his general thoughts. He argued that the political system should keep the balance of power. Therefore, it was vital to combine several forms of governing in order to avoid extreme liberalism and extreme totalitarianism in social-political life [Макиавелли 1998].

The scientist believed that disproportionate amount of freedoms along with their total suppression could destroy a state. In the first case, freedom deteriorated into permissiveness. In the second case, the totalitarian government was able to arise where any sorts of freedoms were punished strictly. Both situations resulted in deep crisis and collapse of the state. Machiavelli pointed out that if a state conferred rights and freedoms on its citizenry it pushed a state into crisis as far as people did well only if necessary. Furthermore, Machiavelli believed that freedoms granted to citizenry jeopardized the power of a ruler. Thereby, Machiavelli treated the rights and freedoms of citizenry negatively.

The scholar argued that it was vital to set up good order in the state based on well-designed laws. In the frameworks of this order, one provided the citizenry with the limited amount of freedoms (predominately of economic character), namely, opportunity to manage own property (respect for the right to private property), ensure the prosperity of the family, own life and security. Later on, J. Locke characterized these phenomena as natural human rights. Meanwhile, Machiavelli pointed out that society itself did not have to guarantee rights to private property, private safety of an individual and his family.

Machiavelli discussed the culture of people. Cultureless citizenry destroyed the order in the state if it granted freedom. The enlightened citizenry was harder to subjugate and it was inadvisable to concede its freedoms since people were heterogeneous with plenty of disagreements within. Therefore, in a favorable situation, people would definitely use freedoms to the detriment of the state [Макиавелли 1998].

Thus, the main ideas of N. Machiavelli were to develop good laws and orders to maintain the stability of the state, wherein merely the ruler, not people, could formulate laws and order. The huge amount of freedoms should not be granted. It was possible only in the economic sphere – the freedom of private property, its ownership, and control. Furthermore, N. Machiavelli reasoned that peace and safety in the state was a result of well-designed laws and orders. He did not believe that people were good by nature and claimed that people were prone to overuse freedoms. It would result in the breaking of balance in the state and, hence, led to a crisis.

Apparently, Machiavelli's perspective about civil society was rather controversial, particularly in the issue of allocation of civil rights and freedoms, their influence on political stability and governing. To give him credit, the scholar acknowledged the fact that his discussion was not perfect and room for criticism was significant. Meanwhile, Machiavelli hoped that future generations could avoid inaccuracy, contradictions, and ambiguity [Макиавелли 1998].

To summarize, N. Machiavelli did not believe it was possible to establish any sorts of association within society apart from the state. He supposed that people should have the freedom to manage and control own private property.

This approach was a result of the historic time of Machiavelli, the domestic situation in Italian politics which was in crisis. Machiavelli reasoned that citizenry must be educated in order to manage freedoms correctly. A leader must elaborate on efficient laws in order to protect people's property and freedoms.

Therefore, I may distinguish such *theoretical conditions for civil society to progress as a) educated citizenry; b) well-thought laws.*

Nonetheless, Machiavelli's theoretical perspectives must be examined in order to form a picture of theories evolution about civil associations of people, freedoms, and rights to be granted, opportunities to practice them [Макиавелли, 1998].

Critical theoretical analysis of the Anglo-American paradigm

Hereafter, I analyze the theoretical perspectives of the representative of Anglo-American school – John Locke, Adam Smith, and Adam Ferguson.

John Locke used the notion of “the state of nature” as a state of total freedom of people in their activities towards property and personality. In the state of nature, laws of nature only guided people. Furthermore, Locke believed that the state of nature was a state of equality. The scientist pointed out that all people in the state of nature had equal natural abilities and advantages since they were creatures of the same kind. Locke detailed the definition of the state more than his predecessors and contemporaries. He claimed that the state of nature was a state of freedom but not of permissiveness. An individual did not have the freedom to destroy the self and those of own kind [Локк, 1988]. Locke claimed that the sense in the state of nature was that border which did not allow an individual to practice cruel violence against a criminal misusing own power. The law of nature did not permit people to do extreme and injustice.

The scientist pointed out that the state of nature terminated when people voluntary and mutually agreed to create a community [Локк 1988]. Locke believed that people had been in the state of nature until they realized that they had to exchange things in order to provide the appropriate life for human dignity. Since then, they began to establish communities.

Therefore, unlike Rousseau or Hegel, Locke reasoned that it was not necessary to leave the state of nature and to form the civil state or another sort of community since people were able to provide appropriate life within the former.

Locke regarded the freedom of human in society and claimed that people should not obey any power except that which was established by themselves. People should abide by laws which were adopted by legislative bodies only.

The scholar discussed how private property emerged since God gave the natural wealth to all mankind. This statement showed the shift in the theory and consciousness of scholars – transition from the Renaissance to the Enlighten-

ment. Theism signified much for Locke, however, he started to prove his ideas using empirical data. The scientist believed that the property encompassed all sort of hand made things. The labor separated private and public property. According to Locke, everyone should agree to provide someone with the piece of land since the land was in public property [Локк 1988].

Locke demonstrated idealism in his concepts. One characterizes his ideas as liberal utopia. He believed in rational human nature and self-limitations of the human mind. In terms of property, one can observe his idealism in the point that a person would not claim to gain more land than he could cultivate. Locke claimed that stable private property of the land originated in settled communities – towns. When states emerged treaties and contracts established the ownership of the land.

To a great extent Locke supported Aristotle in the point that human beings were collective creatures, thereby, they were prone to live in a group by nature. The scientist believed that the family was the first society in the Globe which was set up to reproduce new generations and brought them up [Локк 1988].

The scholar pointed out that the political society originated in a situation when people shared their natural power with a community in order to have an arbitrator to protect property. Locke did not delineate political society and civil society. He highlighted two forms of organizing human activities – the state of nature and the civil state (society)/political society/ government. Locke claimed that in civil society people administrated legislative and executive power.

Locke was a proponent of the majority rule in a political community or civil society. In this point, his ideas corresponded with Hobbes that various movements within a community were unacceptable. Hobbes affirmed that it would harm a ruler, while Locke argued that a community was an integral whole and it should develop in single strands. No groupings, associations within the community could be tolerated [Локк 1988]. Probably, there was a controversial point there – on the one hand, all people were equal and free, on the other hand, all should comply with the position of the most.

One could find in Locke's works an idea about trust among individuals when they established a political community. It was quite interesting, insofar as it was a breakthrough at that time. Apparently, it inaugurated the promotion of this idea in further inquiry in the field. The point was that people wanted to unite into an association since they were acquainted and trusted each other; they were afraid of others more than of each other and endeavored to protect themselves collectively.

Locke reasoned about fair laws, division of power, and the state must possess it. The scholar equalized the law-based State to civil society. The researcher defined a state as any sort of independent community (Latin – “civitas”). He used the word “commonwealth” instead of “state” to describe this community.

Nonetheless, he welcomed other scholars to rethink and, if possible, alter it. Thus, Locke supposed what state was but assumed that there could be further additions [Локк 1988].

Making an intermediate conclusion, I can designate the following:

1. All individuals are free by nature;
2. They live in the state of nature governing by the law of nature or sense;
3. They wield property in the state of nature;
4. They fear to lose property in the state of nature, and they create political community/civil society/state in order to protect property.

Therefore, Locke distinguished the freedom of individuals and private property as paramount features of civil society.

Summarizing all the above mentioned, I may outline the following conditions for civil society to emerge:

- 1) Freedom of citizens enshrined in laws;
- 2) All people are able to wield property;
- 3) Law must protect property efficiently.

As I have just told, Locke's ideas one may regard as idealistic. Nonetheless, it must be analyzed in order to draw a theoretical picture of the evolution of concepts on civil society throughout human history.

Thereinafter, I examine the theorists of the Modern Age in order to trace new ideas in the field. I am going to analyze the book of Adam Smith "An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations". The scholar pointed out that if there was the division of labor in the economy there would be plenty of new social groups in society. It could induce them to unite in associations by occupation. Hegel proposed similar ideas since he claimed that corporations (institutions of civil society) originated from close ties of representatives of a common profession.

Adam Smith believed that the division of labor was meaningful in industrial economies rather than in agricultural ones. Therefore, industrial nations enjoyed much more preconditions for the progress of civil society.

The scholar reckoned that interests were the platform for unified activities. Unlike his predecessors who had not believed in the role of interest as an impetus for joint associations, Smith was explicit about this idea.

According to Smith, the most appropriate way to play on interests was to practice egotistic feelings of one's partner. That was the distinction with other liberals. Smith claimed that humanism was a kind of idealist fiction which was not enabled to promote associations. However, egoism was serious momentum to spur parties towards joint activities [Смит 2016].

Summing up Smith's ideas, one highlights the following:

1. A country must enjoy industrial economy since it boosts division of labor;

2. Division of labor encourages split into groups by occupation;
3. Meanwhile, the division of labor promotes interests and groups of interests originate in society;
4. Humanism is fictitious, that's why it is efficient to tap egoism into as an impetus for civil society.

So far as Smith was an economist he discussed civil society through the lens of the economy. Nevertheless, it is significant for my inquiry in order to find out the full picture of civil society to be built.

Further on, I am going to examine the concept of British philosopher Adam Ferguson.

It was interesting that Ferguson reasoned that one must trace the history of any creature regarding conditions and situations s/he had been affected [Adam Ferguson 1782]. Therefore, the history of civil society in the USA differs from that in Kazakhstan. That's why many theoretic conditions for civil society came from the West are not appropriate for Kazakhstan.

The theorist believed that throughout history humanity had usually been united. As a rule there were two objectives – to engage in war or friendship [Adam Ferguson 1782]. He made a point based on Aristotle's social animal and Montesquieu's birth and staying in a group. Ferguson claimed that in the world scientific literature loneliness was regarded as melancholy, however, collective – as happy and pleasure. According to him, common resistance to external threats and challenges united people most of all. That was the cause for strong alliance between people but not the interest. That's why one could find more loyalty to society and less separation into small groups in authoritarian closed societies than in democratic liberal ones. The latter (Ferguson called it "commercial state") stimulated the process of segregation within society. Small groups originated striving for compete with conationals. They jeopardized unity and integrity of society. Thus, Ferguson proved the idea that civil society intensified in democratic capitalist nations. The scientist believed that people were prone to segregate, to delineate "ours" and "theirs" by nature. The same was fair for desire to unite [Adam Ferguson 1782]. Ferguson pointed out that the necessity to protect people induced government institutions. Therefore, the necessity to safeguard civil interests against government enabled to launch civil society.

He claimed that apart from commercial interest, morals were able to encourage people to organize associations. For instance, joint associations to help in troubles did not benefit their members, however, compassion for sufferers stimulated and rallied them [Adam Ferguson 1782, p. 72].

Meanwhile, one should take interest and egotistic aims into account (according to A. Smith) which were able to be achieved by joint efforts. Society estimated whether an association was useful by its effect on common good

(moral assessment). Thus, those organisations which strove for ambitious goals of common character acknowledged as good would have support more than those which promoted narrow private interests.

For the first time Ferguson mentioned horizontal bonds and credibility as essential prerequisite for organizations to thrive. He defined horizontal ties as desire to live together with people who surround, habit to self-regard as a part of a group which s/he cared about [Adam Ferguson 1782, p. 98]. The scholar designated it as love for the group alike parent's love for kids. As philosophers of the Ancient Greece, Ferguson claimed that a man was happy only in the case when s/he channeled the power of soul to the progress of the group. He treated excessive individualism and liberalism negatively. The theorist believed that only those who inspired of the idea to serve common good must govern or take part in it. Here one could notice the contrast of individualism and collectivism. If civil society comprised of collectives (associations), to what extent individualism must be developed. What was the way to balance individualism and collectivism in order to make a platform for efficient civil society and not to transform state into socialistic one?

The main objective of civil society was happiness of the individual [Adam Ferguson 1782, p. 106]. Ferguson argued that the individual was happy only when s/he was enabled to serve the group. This time s/he practiced the best traits of soul and mind. Ferguson did not specify whether he mentioned civil society as a number of institutions or society as a whole.

According to Ferguson, people were not equal in the state of the nature (pre-government state). People were diverse in talents, character and passions. When state and civil relations arose, every individual would find a place by him/herself. People united by interest, intelligence and spirituality, and other criteria. Ferguson described the procedure of transition from the state of the nature to government through civil society. When people united, they expressed common opinion which conformed to every member. Later on formal institutions of authority originated. Ferguson was the first who built this sequence. His predecessors analyzed the model – the state of the nature to the government.

The scholar admired democracy as a form of government. He believed that it incarnated ideals which humanity had aspired to – equality, matching own interest with those of another, serving the society and labor for society but not for profit [Adam Ferguson 1782, p. 117]. However, if to copy empty form of democracy without its content it was feasible to make people unhappy. Despite declared equality of citizenry in democracy, according to Ferguson, there was segregation. Firstly, citizens had the right to rule but only few of them used it. The rest just pretended and proved the self only in crises. Secondly, the ruling political class was somehow superior to the others in social hierarchy.

Alike Montesquieu, Ferguson claimed that one of the vital feature and prerequisite for democracy was moderate requirements of citizenry to authorities

and vice versa. The scholar reasoned about the development of humanity and believed that when primitive peoples and tribes wielded property separation there was the platform for the progress of the institution of private property. This institution was the economy basis to form and function of civil society. That was one of the general ideas of liberalism before and after Ferguson. The desire to wield property in primitive society provoked wars of aggression. This state of affairs had been existing for a long time. Labor became the instrument to shape private property alongside with the progress of nation-states. Society acknowledged this instrument as such. That was the period in history, according to Ferguson, one was able to mention the origination of civil society as a community of individuals which created associations by interests in order to protect interests of a group and every member in particular.

Ferguson described the period of development of strong horizontal bonds (according to R. Putnam) – ties which were based on consanguinity, then on interest which was common for a kin.

Ferguson underlined that any form of government, system of institutions and authorities went through long period of formation by trial and error. European nations have elaborated the model of civil society which carries on changing. This idea of Ferguson is appropriate for Kazakhstan. The republic must establish the basis for civil society on its own traditions, history, specifics of economic, social-political development and public consciousness.

Ferguson claimed that every group wielded a quantitative limit when it was able to act as an integral whole taking into account interests of every member. When the group became overcrowded it consumed a member with interests and rights. Perhaps, this statement delineated civil society as an institution to guard interests of an individual and society as a simple community of citizenry. Common interest was upheld by individual interest of every member of group but not of group support. Competition among members kept freedom which was real unlike government programs to simulate competition. It seems that this statement is fair for societies which are on the way to civil society, encompassing Kazakhstan.

Ferguson repeated that the notion “freedom” differed in various nations. Basically, it concerned equal allocation of wealth and property. Nevertheless, it would hardly be achieved in practice. The theorist highlighted this fact that liberalism and realism was at odds – economic freedom was a basis for civil society; at the same time, inequality was ineradicable in democratic states. Socialistic state hardly wielded preconditions for institutions of civil society as an instrument to protect interests of a group. The scholar reconfirmed that one must bring moderation up in citizens. If wealth was showed off, there would be no prerequisites for full-scale economic freedom and protection of private property [Adam Ferguson 1782, p. 232].

According to Ferguson, people were aware of laws had been elaborated to serve and protect them but not to fit mythical standards. He defined this as “form” taking into account that if the principle of moderation, civil culture had been lost, the form would not promote its restoration. Ferguson claimed that if one did not allow citizenry to initiate projects it would provoke disintegration and atomization of society. Therefore, the scholar supported civil associations regarding them as integrating incentive for society [Adam Ferguson 1782, p. 276]. When citizenry initiated projects, it provoked them to communicate. They were getting used to commensurate private interests with public ones.

According to Ferguson, peculiarities of historical development, economy, form of government brought about the progress of state and nations. He claimed that if institution did not function appropriately, mistrust and alienation could arise. Therefore, it led to fragmentation, instead of integration. The scholar pointed out that any nation had to through various difficulties. While overcoming them, it got advanced alongside with its institutions [Adam Ferguson 1782, p. 305]. Thus, this statement proves the idea that institutions of civil society being provided with preconditions must be “grown up” from “below”.

To summarize all Ferguson’s ideas, I can underline the following:

- 1) Historical conditions matter in the progress of civil society;
- 2) People are prone to act collectively. There are stimulators for people such as external challenges, empathy in troubles. At the same time, people are susceptible to delineate aliens and natives.
- 3) The scholar endeavored to define horizontal bonds as a condition for associations to emerge.
- 4) Total equality prevents progress and civil society. However, people must enjoy equal civil rights and opportunities to participate in the process of decision-making.
- 5) Institutions of private property is an economic platform for civil society;
- 6) Law must protect private property;
- 7) Real democracy must possess “essence” but not “form”. The latter means de jure platform without filling it up with real cultural, educational substance.

The latter point is crucial for Kazakhstan – it is necessary to bring up citizenry and authorities in terms of real democracy, freedom, and respect for private property.

Critical theoretical analysis of the European continental paradigm

As it was mentioned above German school of political science had self-standing theoretical perspective on civil society and its institutions. I am

going to examine G. Hegel as one of the most outstanding specialists on civil society.

G. Hegel pointed out his perspective in the book “Philosophy of law”. He believed that civil society did not encompass all citizens of the state. Civil society incorporated commercials, businesspeople, bankers – those who engaged with economic and financial activities and institutions which provided for functioning and protecting them [Гегель 1990].

According to G. Hegel, civil society should enjoy private property right. In this case, capitalist market economy, the property right enshrined in legal norms, well-thought economic policy and respect for civil economic initiative were the platform. He designated civil society “Bürgerliche Gesellschaft”. However, different sorts of associations of economic character were the basis of civil society and wielded autonomy from the state. An individual had few opportunities to promote own interests as a citizen and s/he enabled to do it merely within an association. Hegel was skeptical about civil society as an advanced form of organizing citizens’ activities. He was a strong protagonist of etatism and believed that state was the only institution capable to provide for favorable life of people.

He thought that corporations had a transitional type of common people’s activities (from family to state). Whereas, the state was the only institution enabled to enact laws which regulated activities of individuals and corporations; state maintained conditions for economic progress of corporations [Гегель 1990].

From the theoretical perspective of Hegel, one could trace the connection with guilds which represented the sort of associations he had written about. He called it “corporation” – an association of individuals by occupation on an economy basis. Using terminology of contemporary political science there were nongovernmental commercial organizations.

Hegel did not appeal to the terms “freedoms”, “individual” while characterized civil society and its institutions. He believed that freedom of individual which state did not regulate could shift to permissiveness and generate the condition of chaos. He pointed out that legal policy of state should constrain freedom of the individual for his own good. In the frameworks of corporations, individual enjoyed restricted freedom because contract relations within limited it. It took into account ratio of individual and collective interests of the corporation [Гегель 1990].

In his writings, Hegel claimed that civil society was an autonomous form of association inasmuch as corporations functioned on own rules, norms, pieces of documentation which should not contradict to state laws.

Besides that, Hegel argued that unfavorable milieu rather forced individuals to participate in corporations. In this regard, they would be pleased to abol-

ish corporation and proceeded activities without it as soon as the state created favorable conditions [Гегель 1990].

To my mind, Hegel's thoughts are an interesting combination of A. Smith's ideas (he represented Anglo-American paradigm) and socialistic theoretical perspective in political science. In order to support my statement, there is an example: K. Marx used and developed the perspective of Hegel in his writings though undergone dramatic changes.

Summarizing Hegel's perspective, one can underline the following:

1. Capitalist market economy and relations;
2. Private property right enshrined in laws;
3. Civil society is autonomous though transitional form.

Conclusion

In this article, I endeavor to analyze theoretical perspectives on civil society from different angles and to examine whether it is appropriate for contemporary Kazakhstan.

I review three general theoretical schools – Mediterranean, European and Anglo-American. Each of them yields own emphasis in the topic. Mediterranean direction stands upon security, private property as the significant preconditions for civil society. Anglo-American one argues that human and civil rights, laws, private property, freedoms enshrined in laws, capitalist economy, market relations, and joint interests of people because of common occupation are the platform for civil society. European theoretical perspective on behalf of Hegel claims that joint occupation, market economy and capitalist relations, private property right enshrined in laws are valid prerequisites for civil society.

Regarding contemporary Kazakhstan, one may search out some of above mentioned conditions such as security, market economy, capitalist relations, human civil rights and freedoms enshrined by laws, private property. However, the problem is that Kazakhstan yields appropriate “form” for civil society (using Ferguson's terminology) though having obstacles with its “content”. To a great extent, political and civil practice does not correspond to these points. Despite being enshrined in laws, many points (private property protection in practice, respect for human and civil rights) are not fulfilled in life. Businesspeople, common citizenry face many obstacles to give effect to their interests and protect their rights.

Anyway, these conditions are appropriate for Kazakhstan. Most of them exist de jure. Now the objective for authorities and people is to make them de facto.

Библиография

- Adam Ferguson, 1782. 'An Essay on the History of Civil Society', 5th ed. London, T. Cadell. 392 pp.
- Гегель, Г. 1990. 'Философия права'. М., Мысль, 526 с.
- Кальной, И. & Лопушанский, И. 2002. 'Гражданское общество: истоки и современность'. СПб., Юридический центр Пресс, 296 с.
- Локк, Дж. 1988. 'Сочинения в трех томах'. М., Мысль, 688 с.
- Макиавелли, Н. 1998. 'Сочинения'. СПб., Питер, 215 с.
- Межуев, В. 2008. 'Гражданское общество и современная Россия'. Человек и культура в становлении гражданского общества в России. М., ИФРАН. № 3 (54).
- Смит, А. 2016. 'Исследование о природе и причинах богатства народов'. ЭКСМО, 340 с.
- Тайлор, Э. 1989. 'Первобытная культура'. М., Мысль, 579 с.

Transliteration

- Gegel', G. 1990. 'Filosofijaprava' [The Philosophy of Law]. M., Mysl', 526 s.
- Kal'noj, I. & Lopushanskij, I. 2002. 'Grazhdanskoe obshhestvo: istoki i sovremenost'' [Civil Society: History and Modernity]. SPb., Juridicheskij centr Press, 296 s.
- Lokk, Dzh. 1988. 'Sochinenija v trehtomah' [Essays in Three Volumes]. M., Mysl', 688 s.
- Makiavelli, N. 1998. 'Sochinenija' [Essays]. SPb., Piter, 215 s.
- Mezhuev, V. 2008. 'Grazhdanskoe obshhestvo i sovremennaja Rossija' [Civil Society and Modern Russia]. Chelovekikul'tura v stanovlenii grazhdanskogo obshhestva v Rossii. M., IFRAN. № 3 (54).
- Smit, A. 2016. 'Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov' [An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. JeKSMO, 340 s.
- Tajlor, Je. 1989. 'Pervobytnaja kul'tura' [Primitive Culture]. M., Mysl', 579 s.

Федорова А.

Критический анализ теоретических подходов к гражданскому обществу

В статье автор рассматривает различные теоретические парадигмы, анализирующие гражданское общество в аспектах разного рода. Автор проводит компаративный анализ основных теорий с целью выявления общих и различающихся подходов к определению гражданского общества и необходимых для его возникновения условий. Научная и практическая значимость данного исследования заключается в том, что автор, рассмотрев различные теоретические направления, разработал теоретическую модель, основанную не гибридном подходе. Он позволяет скомбинировать несколько точек зрения и выявить наиболее приемлемый вариант для конкретной ситуации. В нашем случае это современный Казахстан. Автор предлагает варианты преодоления препятствий в формировании гражданского общества в республике, исходя из изученной теоретической

базы. Сделан вывод о том, что в силу особенностей исторического, культурного, социально-экономического развития Казахстан нуждается в комплексных подходах к исследованию общественно-политических явлений, в том числе гражданского общества.

Федорова А.

Азаматтық қоғамға теориялық көзқарастарды критикалық талдау

Мақалада автор әртүрлі аспектілерде азаматтық қоғамды талдайтын түрлі теориялық парадигмаларды қарастырады. Автор азаматтық қоғамды анықтауға және оның пайда болуына қажетті ортақ және әртүрлі тәсілдерді анықтау үшін негізгі теорияларды салыстырмалы талдау жүргізеді. Зерттеудің ғылыми-практикалық маңыздылығы, әр түрлі теориялық бағыттарды қарастырған автор, гибриді емес тәсілге негізделген теориялық модельді әзірледі. Бұл бірнеше көзқарастарды біріктіруге және белгілі бір жағдайға ең сәйкес келетін опцияны анықтауға мүмкіндік береді. Біздің жағдайда бұл қазіргі Қазақстан. Автор зерттелген теориялық негізге негізделген республикадағы азаматтық қоғамды қалыптастырудағы кедергілерді жеңу жолдарын ұсынады. Тарихи, мәдени және әлеуметтік-экономикалық даму ерекшеліктеріне байланысты Қазақстан әлеуметтік-саяси құбылыстарды, оның ішінде азаматтық қоғамды зерделеуге кешенді тәсілдерді қажет етеді.

Талгат Исмагамбетов (Алматы, Казахстан)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Аннотация. В статье анализируется проблематика формирования казахстанской идентичности и узбекистанской идентичности. Формирование этнонациональных идентичностей в советский период истории предшествовало процессу созидания постсоветских национальных идентичностей.

В постсоветский период формирование гражданской, надэтнической идентичности приобрела актуальность для Казахстана. Для Узбекистана с его более этнически однородным населением вопрос о различии этнонационального и гражданско-национального характеров государства не являлся настолько актуальным.

В Казахстане и Узбекистане как в других постсоветских странах уходит в прошлое идентификации с СССР (многонациональный советский народ). Общее состоит в том, что этнонациональная (этническая) идентификация показала устойчивость в постсоветских обществах. В частности, и в Казахстане и в Узбекистане этнонациональная идентичность доминирует над гражданской, надэтнической идентичностью.

Если для Казахстана укрепление надэтнической идентичности влияет на процессы миграции, социально-политическое самочувствие, политическую стабильность, то в Узбекистане вследствие этнодемографического состава населения роль межэтнических отношений на сохранение политической стабильности минимальна, а процесс иммиграции определяется тем, что существует трудовая миграция узбеков, главным образом в Россию.

Ключевые слова: этнонациональная идентичность, гражданская идентичность, стабильность, межэтнические отношения.

Введение

Анализ развития наций и национальных государств, этнической идентичности и community (общности, сообщества, группы лиц, имеющих общие признаки; в английском языке это слово обозначает также общину, сообщество лиц, живущих в определенной местности) обращает к идентичности - признанию субъектами общей схожести, подобия, sameness. Идентификация – процесс формирования, а также признания общей идентичности (этнической, религиозной, региональной, классовой, локальной, семейно-родственной, гендерной).

Идентичности советского периода отодвигаются в прошлое, представляя в будущем интерес для историков социальных и политических изменений. Соответственно, для каждого из постсоветских государств стало актуальным высказывание аналогичное «Италию мы создали, теперь надо создать итальянцев». Но в отличие от Италии, где политики столкнулись с тем, что после создания единого государства оказалась актуальной задача осознания ломбардцами, тосканцами, неаполитанцами, пьемонтцами и жителей прочих регионов в первую очередь итальянцами, постсоветские политики имели место с этнонациональными идентичностями советской эпохи. В Казахстане и Узбекистане национальная и языковая политика определялись этническим составом населения, интересами правящих элит в поддержании политической стабильности. Соответственно, в каждом из двух стран имеют место разные задачи, решаемые национальной и языковой политикой.

Методология исследования

В статье применены сравнительный метод, логический метод, исторический метод. Сравнительный метод необходим для выявления общего и различного в национальной и языковой политике каждой из этих двух стран.

Процесс формирования восточных наций показывает сходные обстоятельства с процессами в Казахстане и Узбекистане – возврат к традициям, внимание к применению родного языка в качестве официального, сохранение языка прежней метрополии в качестве второго, даже если его статус официально не утверждается.

Принимая во внимание, что дискуссионные вопросы в Казахстане во многом связаны с языковым вопросом и языковой идентификацией, выясняется эта проблематики не столь актуальна в Узбекистане.

Исторический метод применен в описании и анализе развитии явлений и фактов. Логический метод применен в выявлении причинно-следственных связей, анализе взаимного влияния этнической и языковой идентичности, воздействия политики на процесс формирования постсоветской этнонациональной и гражданской идентичностей.

Этнический состав населения Казахстана и Узбекистана

Население Казахстана и Узбекистана в советский период различались по удельному весу соответствующей титульной национальности. В Узбекистане процент узбеков никогда не опускался ниже 60% и составил 62% населения республики в 1959 г. в том же 1959 г. наименьший удельный вес казахов в населении Казахской ССР – 29%.

Процент титульной национальности в этнодемографическом составе и владение государственным языком взаимно связаны в том случае, если хотя бы подавляющее большинство коренного этноса владеет родным языком. Это верно для Узбекистана советской эпохи и постсоветского периода. Максимальный процент русских (13,46 %) в составе населения Узбекистана отмечен в 1959 г. и как правило, до 1991 г. пребывал на уровне 5%, а в 2013 г. составил 2,7%. В 2013 г. свыше 82% граждан Узбекистана были узбеками, около 5% – таджики, Численность казахов с 1926 по 2000 гг. довольно устойчиво составляла – 4%, удельный вес каракалпакского этноса снизился с 3% в 1926 г. до 2,08% с 1959 г. Оценочные данные по казахам на 2013 г. нижеприведенный источник не приводит, отчасти из-за не во всех случаях официальной, по квоте для репатриантов-оралманов, эмиграции в. Казахстан. «Официальный язык – узбекский; этим языком владеют около 90 % населения. В городах распространён русский язык, им пользуются свыше 5 % населения [Электронный ресурс].

Иная ситуация сложилась в Казахстане. Если только для 2,3% нерусских в Узбекистане родным, либо активно применяемым языком является русский (разница между 5% считающих его родным и 2,7% этнических русских, то в Казахстане де-факто часть казахского населения перешла к применению русского в качестве родного языка. При этом, судя по переписям 1970, 1979, 1989 гг. и постсоветским переписям населения 1999 и 2009 гг. продолжала называть родным языком казахский.

Показательна последняя, 2009 г., перепись населения. Численность населения по итогам переписи населения 2009 года составила 16009,6 тыс. человек. Доля казахов в общей численности населения страны составила 63,1%, русских – 23,7%, узбеков – 2,9%, украинцев – 2,1%, уйгур – 1,4%, татар – 1,3%, немцев – 1,1%, остальных этносов – 4,5%. По переписи 2009 г., 98,9% казахов и 98,8% русских назвали язык своей национальности родным, лишь 1,1% казахов указали, что родным является язык другой национальности (как правило, им является русский). В 2009 г. 93,5% казахстанцев назвали язык своей национальности родным, а 6,5% казахстанцев указали, что родным является язык другой национальности. Родным является язык своей национальности для 95,4% казахстанских узбеков, 85,0% уйгуров. Для 15,8% украинцев, для 17% немцев, 36% корейцев родным является язык своей национальности. Для 49% (100 тыс. из 204,2 тыс. чел.) татар родным является язык не своей национальности [Итоги национальной переписи населения 2009 года]. Т.е. в Казахстане есть этносы, в том числе титульный, для которых имеет место несовпадение родного языка и этничности.

Языковая проблема для казахов, в отличие от узбеков соседней страны, двойка: она существует и для русскоязычных казахов, слабо владею-

щих государственным языком, и для миллиона репатриантов-оралманов, многие из которых недостаточно знают русский язык – язык фактически доминирующий в разных сферах жизни. Что отличает от языковой ситуации в Узбекистане, где и в советский период узбекский язык занимал довольно прочные позиции в повседневном общении, а после 1991 г. оставалось сделать его языком делопроизводства и публичного политического общения.

Сравнение языковой политики

Разная ситуация обусловила различия языковой политике. 22 сентября 1989 года казахский язык впервые по Закону о языках в Казахской ССР получил статус государственного языка Русский язык, в свою очередь, получил де-юре статус языка межнационального общения. Новый Закон «О языках в Республике Казахстан» принят 11 июля 1997 года провозгласил: «Долгом каждого гражданина Республики Казахстан является овладение государственным языком, являющимся важнейшим фактором консолидации народа Казахстана» В 2001 г. утвержденная «Государственная программа функционирования и развития языков на 2001–2010 годы» предусматривала поэтапный переход делопроизводства госорганов на казахский язык.

Панорама языковой политики Казахстана будет неполной без тезиса о трехязычии. Введение трехязычия (казахский, русский, английский) как направление языковой политики впервые озвучено Н.А. Назарбаевым на XII сессии Ассамблеи народа Казахстана в 2006 г. В Послании народу Казахстана 2007 г. было предложено начать поэтапную реализацию культурного проекта: «Триединство языков».

Статус русского языка вызывал довольно ожесточенные споры в 1990-е г., с 2005 г. звучали предложения национал-патриотов ликвидировать пункт Конституции 1995г. о применении русского языка. Спорадически возникали возражения по поводу трехязычия, поскольку обучение в системе школьного образования на трех языках сомнительно как с точки зрения возможностей большинства детей, так подготовленности педагогических кадров.

Почти через 30 лет после принятия первого закон о языках(1989 г.) в Казахстане русский язык сохраняет сильные позиции в делопроизводстве, образовании, общении. Даже среди самих казахов многие до сих пор не могут ни читать, ни грамотно писать на родном языке. Эта пессимистическая оценка обращает внимание на полноценное владение языком, умение читать и выражать свои мысли грамотно на письме.

Сомнительно, чтобы в 2020 г. доля владеющих казахским выросла до 95% и русский был вытеснен казахским из большинства сфер жизни.

Повторяется ситуация, известная по многим странам Востока, когда язык прежней империи сохраняет сильные позиции в профессиональном общении, контактах элиты между собой и с внешним миром.

Большая однородность населения Узбекистан и распространенность применения узбекского в повседневном общении позволила без бурных дискуссий придать узбекскому языку статус государственного и принять Закон о языках в УзССР в октябре того же 1989 г.

Заметим, что в Казахстане еще до 2017 г. звучали предложения от отдельных представителей общественности о смене алфавита с кириллицы на латиницу после смены алфавита на латиницу в Узбекистане, Туркменистане и Азербайджане.

Как замечает Алишер Ильямов: ««В 1992–1993 гг. споры разгорелись относительно того, какой алфавит следует принять в условиях независимости – вернуться к арабскому, перейти на латиницу или оставить все как есть. Верх одержала точка зрения в пользу латиницы, активно поддержанной новыми властями. В 1993 г. был принят закон Республики Узбекистан “О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике”. Казалось бы, это был знак, свидетельствующий о возрождении пантюркистских настроений. Однако в действительности это был выбор в пользу “наименьшего зла” – лишь бы не допускать принятия арабской графики, и, с другой стороны, поскорее порвать “пуповину”, связывающую общество Узбекистана с советским прошлым. Существенного влияния на умы и самоощущение узбеков это решение пока не принесло, если не считать того, что новое поколение школьников, обучаемые латинскому алфавиту, оказалось лишенным возможности читать узбекскую литературу, вышедшую в советский период и выпускаемую местными издательствами по сей день в гораздо большем количестве, чем литература на латинице» ...» [Ильямов, А. 2002, с. 301].

Важное обстоятельство состоит в том, что большинство русскоговорящих казахов не считают родным русский язык, хотя де-факто, русский язык является языком их внутреннего мышления. Эта языковая идентификация для многих русскоязычных казахов не осмысленна. Идентификация их как русскоязычных казахов – признание их языковой особенности произошло «со стороны»: первоначально национал-демократами конца 1980-начала 1990-х гг, затем дополнилась в дискуссии 2005-2009 гг. введением новых наименований для двух этих групп – *шалаказахи* для русскоязычных казахов и *нагызказахи* для владеющих родным. «Значительная часть казахских национал-патриотов полагая, что язык является главным элементом этничности стала называть тех казахов, кто не владеет своим родным языком, «шала-казахами» [Электронный ресурс].

Общее в языковой политике в том, что в Узбекистане также как в Казахстане произошло замещение некоторых заимствований из русского и других европейских языков своей терминологией.

Этнонациональная и гражданская идентичности

В отличие от Казахстана, в Узбекистане не имеет особого значения вопрос о соотношении узбекской и узбекистанской идентичностей. «Пантеон национальных героев по-прежнему формируется, главным образом, из представителей чагатайской эпохи, а во главе них стоит фигура Тимура, которому воздвигнуты памятники, музеи, словом, оказаны почести самого высокой категории. Фигуры золотоордынской эпохи – Шейбани-хана и Абулхайр-хана, напротив упоминаются довольно редко, нет ни одного памятника, ни одной книги, посвященных деятелям эпохи Узбекского Улуса» [Ильхамов, А. 2002, сс. 301-302].

А. Ильхамов замечает относительно национальной политики: «Похоже, по вопросу о высших национальных приоритетах имеется достаточно высокая степень консенсуса между правящей и культурными элитами, сконцентрированными в столице. Неясность до сих пор сохраняется и в вопросе о природе формирующегося национального государства – должно ли оно оставаться этноцентристским, как и было задумано в 1924 г., или его следует преобразовывать в то, что характеризуется понятием современное нация-государство. Если в первом случае первичным является этнос, а вторичным – гражданство, то во втором случае – наоборот: в графе “национальность” в анкетных данных ставится название страны, где проживает данный индивид, а не его этническая принадлежность. В практическом плане второй вариант, учитывая настроения в обществе, особенно в среде национальной элиты, является пока маловероятным» [Ильхамов, А. 2002, сс. 301-302].

В то же время этнонация, сконструированная в советскую эпоху, не вполне вписывается в более широкий гражданско-политический контекст постсоветских реалий. В 2002 г. первые отклики в местной прессе на книгу «Этнический атлас Узбекистана» (ответственный редактор книги – глава ташкентского Фонда Сороса Алишер Ильхамов) были скорее положительными. 452-страничное издание привлекло внимание не только хорошим, редким для нового государства качеством полиграфии, но и размахом замысла – рассказать об истории и культуре всех населяющих республику народов., но в 2004 г. ситуация изменилась. «В начале года в правительственной газете появилась большая критическая рецензия с подробным разбором содержания «Этнического атласа», а вскоре и узбекский президент Ислам Каримов, комментируя решение Министерства

юстиции о закрытии Фонда Сороса, обвинил авторов в публикации «ничем не подтвержденных» материалов» [Электронный ресурс].

Проблема, которая в Казахстане поставлена открыто и в ее решении очевиден интерес хотя бы части правящей элиты – построение гражданской казахстанской нации, словно не существует в Узбекистане.

Особенность административно-политического устройства Узбекистана состоит в том, что в составе государства присутствует Республика Каракалпакстан.

14 декабря 1990 г, в период парада суверенитетов и стремления руководства автономных республик поднять статус, Верховный Совет Каракалпакской АССР принял декларацию о государственном суверенитете Каракалпакстана. Этой декларации не суждено было осуществиться кроме нового названия – Республика Каракалпакстан. Каракалпакстан остался в состав Узбекистана, в 1993 году было обещано автономии через 20 лет провести референдум о независимости. Существует с 2008 г движение «Алга, Каракалпакстан» с 2008 года. «Когда наступил 2013 год, об этом обещании, похоже, забыли»

Первоначально власти не обращали внимания на движение, но в 2011 г, когда приближался 2013 г. взяли за его лидера, обвинив его в хищении на сумму около миллиона долларов, когда он возглавлял компанию по производству аграрного оборудования в Каракалпакстане [Клевцова, А. & Панниер, Б. [Электронный ресурс]].

Д. Шоберлайн-Энгел акцентирует внимание на незавершенности формирования национального самосознания узбеков, выделяя несколько групп (кипчаки, ходжа и таджики), консолидация которых в рамках узбекского этноса не была завершена. Существование этих групп, по мнению автора, не представляет угрозы национальному единству Узбекистана. [Шоберлайн-Энгел, Д. 1997. сс. 52-63].

Предыстория современной узбекской идентичности

Две сравниваемые страны имеют общее: современное национальное строительство имеет предысторию в советской эпохе. При этом, если создание казахской этнонации имело в виду консолидацию разных родов и племен, занимавшихся преимущественно кочевым скотоводством, то в отношении советского Узбекистан речь шла о земледельцах, и полукочевниках, включенных в процессе культурной и политической интеграции в узбекскую нацию.

Американский этноантрополог Джон Шоберлайн-Энгел выразил свое удивление: “Около 1,7 млн. сартов Средней Азии не могли попросту исчезнуть за один день”². Прежде всего, можно предположить, что не толь-

ко сарты в массовом порядке пожелали называться узбеками, но и часть узбеков, не знакомая, в силу различных неграмотности с аргументами джадидов, напротив, могла пожелать стать сартами. Однако национальное размежевание показало только односторонний переход сартов в ряды узбеков и ни одного случая обратного перехода... [Шоберлайн-Энгел, Д. 1997. с. 55].

Дело в том, что узбекская нация предстает следствием политического конструирования. «В числе наиболее активных участников процесса проектирования новой узбекской идентичности на начальном его этапе были три силы:

- 1) джадиды;
- 2) национал-коммунисты, в частности Турар Рыскулов и Султан-Галиев;

- 3) центральный партийно-политический аппарат, представленный прежде всего самим Лениным, а также Турккомиссией ЦК РКП(б), образованной в 1919 г. и распущенной в 1920 г....» [Ильхамов, А. 2002, сс. 288-289].

При всем различии процессов создания этнонаций в Казахстане и Узбекистане, в процессе преобразований 1924-1925 гг. (т.н. национально-государственное размежевание Средней Азии) была разрушена прежняя иерархия идентичностей.

«Из имеющихся данных следует, что до прихода русских в 1860-1870-е гг. этническое самосознание не было известно населению Средней Азии. Главные, повседневно необходимые идентичности основывались на сословных (белая и черная кость), религиозных (сунниты, шииты и исмаилиты, принадлежность к различным суфийским братствам), хозяйственно-культурных (оседлое, кочевое и полукочевое, горное), региональных (бухарцы, самаркандцы, ходжентцы, дарвазцы и др.), родственных, родо-племенных и прочих делениях. ...Человек и группа людей, перемещаясь в другой регион, легко входили в новые для него иерархии и номенклатуры. Такая пластичность самосознания диктовалась жизненной необходимостью: любая группа должна была иметь механизмы адаптации новых членов и механизмы вхождения в более сильные группировки.

После завоевания части Средней Азии русскими впервые появилась потребность в более или менее жестких и устойчивых, образующих единую номенклатуру категориях. Они нужны были как способ подсчета и учета населения, отчасти – как способ устройства местного управления. Из России, т. е. извне, была привнесена система производства категорий, их обоснования, обсуждения и отбора. При этом за основу классификации был взят «племенной» (культурно-языковой, или этнический, как мы сегодня говорим) признак, критерии которого, как уже отмечалось, были

в Средней Азии размытыми и неопределенными» [Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. Часть 1. [Электронный ресурс]].

До революции по этнонациональному вопросу между Шерали (Серали) Лапиным и Василием Бартольдом состоялась полемика, выразившаяся в серии статей, где оба автора отстаивали противоположные тезисы. Будущий деятель партии «Шуро-и-ислами», казах по этничности, Ш. Лапин полагал верным включить сартов, что подразумевало включение также ряда иных этнических групп в состав узбеков, акалемик-востоковед Бартольд был против, не считая нужным искусственно ускорять процесс нациеобразования в регионе [Ильхамов, А. 2002, сс. 280, 284].

Заключение

Специфика хозяйственно-культурной специализации разных социальных групп, их взаимосвязь с идентификационными стратегиями и тактиками не были в полной мере приняты во внимание в процессе созидания этнонаций, начало которому дало национальное размежевание Средней Азии и Казахстана в 1924-1925 гг.

Идея этнического разделения и последующего формирования этнонаций, которым руководствовались царская власть и в еще большей мере советская власть, основывались не на специфике отношений разных языковых, региональных, социальных групп коренного населения, а в первую очередь интересами управления, учета и контроля. В 1920-е годы добавился идеологический момент – республикам Средней Азии и Казахстану предстояло быть притягательной витриной для колониального Востока.

Если для Казахстана укрепление надэтнической идентичности и созидание культурной интеграции этносов влияет на процессы миграции, социально-политическое самочувствие, политическую стабильность, то в Узбекистане вследствие этнодемографического состава населения роль межэтнических отношений на сохранение политической стабильности минимальна, а процесс иммиграции определяется тем, что существует трудовая миграция узбеков, главным образом в Россию.

Соответственно, по крайней мере часть правящей элиты Казахстана в проводимой национальной и языковой политике в сфере межэтнических отношений заинтересована в культурной интеграции этносов на основе общих ценностей и формировании казахстанской нации. Однако с ростом удельного веса титульного этноса складывается впечатление, что все больше надежд возлагается на сложение некоего гибрида этнической и гражданской наций. Предстоящий переход на латиницу есть дополни-

тельное свидетельство, что Казахстан и Узбекистан сходны в существенных моментах национальной и языковой политики, но это сходство, как видим, может не совпадать хронологически.

Библиография

Абашин, С. 2005. 'Специальная тема номера: археология узбекской идентичности. Приглашение к дискуссии', *Этнографическое обозрение*, №1. [Электронный ресурс] URL <https://dlib.eastview.com/browse/doc/7497149>.

'Итоги национальной переписи населения 2009 года'. [Электронный ресурс] URL <http://nomad.su/?a=3-201011150038>.

[Электронный ресурс] URL [http:// https://ru.wikipedia.org/wiki/население_Узбекистан](http://https://ru.wikipedia.org/wiki/население_Узбекистан).

Ильхамов, А. 2002. 'Археология узбекской идентичности', *Этнический атлас Узбекистана*. Институт «Открытое общество» Фонд содействия - Узбекистан, сс. 267-311.

Клевцова, А. & Панниер, Б. 'День независимости Каракалпакстана прошел незаметно'. [Электронный ресурс] URL <https://rus.azattyq.org/a/karakalpakstan-aman-sagidullayev/27438115.html> (дата обращения: 20.12.2015).

Мамираимов, Т. 2009. 'В защиту некоторых «шала-казахов» и здравого национализма. Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры'. [Электронный ресурс] URL <http://www.sarap.kz/index.php/ru/pol-ob/et-gos/203-v-zashchitu-nekotorykh-shala-kazakhov-i-zdravogo-natsionalizma.html> (дата обращения: 20.02.2009).

Шоберлайн-Энгел, Д. 1997. 'Перспективы становления национального самосознания узбеков'. *Восток*, №3, сс. 52-63.

'Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты'. Часть 1. [Электронный ресурс] URL <http://www.fedy-diary.ru/library-pages/ferganskaya-dolina-etnichnost-etnicheskie-processy-etnicheskie-konflikty-chast-i/> (дата обращения: 20.12.2015).

References

Abashin, S. 2005. 'Spetsialnaya tema nomera: arheologiya uzbekskoy identichnosti. Priglasenie k diskussii', *Etnograficheskoe obozrenie*, №1. [Elektronnyiy resurs] URL <https://dlib.eastview.com/browse/doc/7497149> [Special Issue Topic: Archeology of Uzbek Identity. Invitation to Discussion], *Ethnographic Review*, No.1. [Electronic resource] URL <https://dlib.eastview.com/browse/doc/7497149>].

'Itogi natsionalnoy perepisi naseleniya 2009 goda' [Results of the 2009 National Census]. [Elektronnyiy resurs] URL <http://nomad.su/?a=3-201011150038>. URL <http://nomad.su/?a=3-201011150038>].

[Elektronnyiy resurs] URL [http:// https://ru.wikipedia.org/wiki/naselenie_Uzbekistan](http://https://ru.wikipedia.org/wiki/naselenie_Uzbekistan).

Ilhamov, A. 2002. 'Arheologiya uzbekskoy identichnosti, Etnicheskiy atlas Uzbekistana' [Archeology of Uzbek Identity, Ethnic Atlas of Uzbekistan]. Institut «Otkryitoe obschestvo» Fond sodeystviya - Uzbekistan, ss. 267-311.

Klevtsova, A. & Pannier, B. 'Den nezavisimosti Karakalpakstana proshel nezametno' [Independence Day of Karakalpakstan Passed Unnoticed]. [Elektronniy resurs] URL <https://rus.azattyq.org/a/karakalpakstan-aman-sagidullayev/27438115.html> (data obrascheniya: 20.12.2015).

Mamiraimov, T. 2009. 'V zaschitu nekotorykh «shala-kazakhov» i zdravogo natsionalizma. - Kazhstanskiy tsentr gumanitarno-politicheskoy kon'yunktury' [In Defense of Some "Shala-Kazakhs" and Sound Nationalism. - Kazakhstan Center for the Humanitarian and Political Situation]. [Elektronniy resurs] URL <http://www.sarap.kz/index.php/ru/pol-ob/et-gos/203-v-zashchitu-nekotorykh-shala-kazakhov-i-zdravogo-natsionalizma.html> (data obrascheniya: 20.02.2009).

Shoerberlein-Engel, J. 1997. 'Perspektivy stanovleniya natsionalnogo samosoznaniya uzbekov' [Prospects For the Establishment of Uzbek National Identity], *Vostok*, №3, ss. 52-63.

'Ferganskaya dolina: etnichnost, etnicheskie protsessyi, etnicheskie konflikty' [Ferghana Valley: Ethnicity, Ethnic Processes, Ethnic Conflicts]. Chast 1. [Elektronniy resurs] URL <http://www.fedy-diary.ru/library-pages/ferganskaya-dolina-etnichnost-etnicheskie-processy-etnicheskie-konflikty-chast-i/> (data obrascheniya: 20.12.2015).

Исмағамбетов Т.

Қазақстан Республикасы мен Өзбекстан Республикасындағы ұлттық және тілдік саясаттың салыстырмалы талдауы

Мақалада қазақстандық және өзбекстандық ұлттық бірегейліктердің қалыптасу мәселелері талданады. Кеңес үкіметі кезеңінде этноұлттық бірегейліктердің қалыптасуы посткеңестік ұлттық бірегейліктердің пайда болуына алғышарт жасады.

Посткеңестік кезеңде азаматтық, этностық бірегейліктен жоғары бірегейліктің қалыптасуы Қазақстан үшін ерекше маңызға ие болды. Біртұтас этностық тұрғындары бар Өзбекстан үшін этноұлттық және азаматтық-ұлттық сипаттағы мемлекеттің айырмашылығы мәселесі сондайлықты деңгейде өзекті болмады.

Қазақстан мен Өзбекстанда басқа посткеңестік елдердегідей КСРО-мен бірегейлену өткен тарихтан бастау алады (көп ұлтты кеңес халқы). Ал жалпыға ортақ этноұлттық (этностық) бірегейлену посткеңестік қоғамдарда тұрақтылықты көрсетті. Атап айтқанда Қазақстан мен Өзбекстанда этноұлттық бірегейлік азаматтық, этностық бірегейліктерден үстем тұрады.

Егер Қазақстан үшін этностық бірегейліктен жоғары тұратын бірегейліктің күшеюі миграцияға, әлеуметтік-саяси өзіндік сезімге, саяси тұрақтылыққа ықпал ететін болса, Өзбекстанда халықтың этнодемографиялық құрамының салдарынан саяси тұрақтылықты сақтауда этносаралық қарым-қатынастар рөлі төмен, ал иммиграция үрдісі өзбектердің еңбек миграциясының болуымен, әсіресе Ресейге ағылуымен анықталады.

ИСЛАМ ДІНІНДЕГІ АДАМНЫҢ ҚАЛАУ ЕРКІ МӘСЕЛЕСІ

Аннотация. Мақалада исламдағы ерік-бостандығы мәселесі қарастырылып, осы тақырыптағы түрлі көзқарастар, діни мәтіндер талданады. Бұл ислам дінінің алғаш қалыптаса бастаған кезеңінен бастап туындаған мәселе болғандықтан, айналасында түрлі пікірталас орнауы заңдылық. Тағдыр ұғымымен бірге қарастырылуы оның ислам дініндегі негізгі ерекшелігіне жатады. Сондай-ақ, зерттеуде Жаратушы еркі мен адам еркі байланысы талқыланып, сыртқы мағынасы адам еркіне қайшы келетін діни мәтіндер түсіндіріледі.

Түйін сөздер: ерік, қалау, тағдыр, жазмыш, матуриди, Құран, хадис, мутазила.

Kipicne

Ислам философиясында, кәләм және тасауф ілімінде адамның ерік бостандығы негізгі әрі күрделі мәселелердің бірі. Негізгі дейтін себебіміз адамның жеке өзіне қатысты, ал күрделі болу себебі ғасырлар бойы пікірталастың нысанына айналған. Мұндай көптеген пікірталастар шығуы діни мәтіндерді түсіну әдістерінің түрлілігі, ақылға артық жүгіну, сырттан келген пәлсапа немесе саяси-әлеуметтік факторлар, дінге іштей іріткі салу секілді т.б. құбылыстардың әсерінен деп айтуға болады. Қаншалықты көп болса да, ерік бостандығын зерттеу өзегіне айналдырған мутакаллимдер мен философтардың көзқарастары, ас-Сығанақи [2016, 269 б.] қарастырғандай, жалпы үш бағытқа біріктіріледі:

1. Адамның толық таңдау еріктігін, еркіндігін қолдайтын бағыт, адамда өзіндік күш-қуат, таңдау барлығын, іс-қимылдарды өзі жарататындығын қолдайтын топ. Бұл бағыттың өкілдері мутазилииттер және олардың пікірлес жақтастары.

2. Адамның ықтиярсыз, шамасыздығын, ол өзінің іс-әрекетінде мәжбүрлі, амалсыз, таңдау еркі де, қалауы да жоқ екендігін айтатын бағыт. Бұл – жәбрия өкілдері.

3. Екі бағыттың орта жолын ұстағандар. Оларда іс-әрекетті жаратушы – Алла. Бірақ бұл жарату адамның қалауына орай жүзеге асады. Өкілдері – матуридилер мен ашғарилер.

Мутазилиттердің көрнекті өкілі, атақты Қади Абдулжаббар [2012, 3-8 бб.]: «әділдік принципін ұстағандар пенделердің іс-әрекеттері, қимылдары олардың өздерінің күш-қуатымен, шамасымен жүзеге асатындығына, Алла Тағала оларға өзіндік тәуелсіз қимыл-әрекет жасауға қауқар бергендігіне бірауыздан келіскен. Пенде ешкімнің араласуынсыз іс-әрекетін орындайды. Кімде-кім оның іс-әрекетін Алла жаратады десе, қатты қателесті», – деп өз мектебін жақтап осы тұжырымға тоқталады. Мутазилиттердің бұл тұжырымды жасауда сүйенген дәлелдері:

– егер Алла пенделердің іс-әрекеттері мен қимылдарын жаратушы болса, пенделерге бұйрық беруі, тыйым салуы қисынға келмес еді. Өзі бұйырып, өзі орындатқызу даналыққа қайшы. Қади Абдулжаббар [2010, 8, 193 бб.] айтады: «іс-әрекеттерді Алла Тағала жаратқан болса, пенделер жақсы іске мақтау, жаман іске сөгіс естуге лайық болмас еді. Өзгенің жасаған ісі үшін мақтау не сөгіс есту ақылға сыймайды».

– біздің жасап жатқан іс-қимыл, әрекеттеріміздің бәрі қалау еркімізге сай орындалуда, сондықтан олар біздің жаратуымыздан, біздің күш-қуатымыздың нәтижесінен болуы керек. Егер біреу отыруды, тұруды, жүруді қаласа, сыртқы күштің мәжбүрлеуінсіз, өз еркімен қалағанынша жасай береді. Іс-әрекеттің өз ықтиярмен, қалауымен орындалуы оларды адамның жаратқандығын және адамның өз әрекеті екендігін меңзейді. Ибн Минтауаийн [1982, 340 б.]: «іс-әрекетіміздің өз қалауымызбен жүзеге асатынын тәжірибе жүзінде білеміз. Әрі солай жалғаса бермек. Бұны ешкім терістей алмайды», – дейді.

– пенделердің іс-әрекетін Алла жаратады деу – зұлымдық. Біріншіден, Қади Абдулжаббар айтқандай, пенделердің кейбір іс-әрекеттерінде зұлымдық, әділетсіздік, жауыздық кездеседі. Егер бұл іс-әрекеттерді Алла жаратады деп айту Алла залым деген қорытындыға әкеліп соғады. Алла зұлымдық атаулыдан ада. Екіншіден, Алла өзі жаратқан іс-әрекеттері үшін пендені қалай жазаламақ. Орындамаған іс-әрекеті үшін пендені азаптау – әділетсіздік.

– адамдардың іс-әрекетін Алла жарататын болса, пендеде іс-әрекет болмаса, елшілерді жіберуде қандай пайда болмақ. Хишам әл-Фути [1993, 117 б.]: «егер Алла Тағала көпірлердің күпірлігін білетін болса, елші жіберудің мағынасы не? Дінді қабылдамайтынды дінге шақыру даналық па?».

Жәбрия өкілдері дәлелдері діни мәтіндерді түсіндіруге негізделеді. Мысалы, – «Сонда оларды сендер өлтірмедіндер, бірақ Алла оларды өлтірді. Атқан кезде сен атпадың, бірақ Алла атты» (Құран, 8:17) Бұл аятта Алла Тағала адамның жасаған ісін, өзі орындатқызығанын айтып тұр; – «Бізге Алланың жазғаны ғана болады» (Құран, 9:51) Бұл аятта алдын-ала жазылып қойған тағдырдың сөзсіз орындалатыны айтылған;

– «Ол барлық нәрсені жаратушы» (Құран, 6:102); – «Шын мәнінде, Ол бір істің болуын қаласа, Оның бұйрығы оған «бол» деу, сонда ол бола қалады» (Құран, 36:82). Адамда қалаудың жоқтығын көрсетеді; – «Ол әр нәрсені жаратып, әрбір жаратылысқа белгілі бір өлшем, жүйе мен тағдыр тағайындады» (Құран, 25:2).

Хусамеддин ас-Сығнаки [2016, 271 б.] пайымдауынша, мутазилиттер мен жәбрия көзқарастары қате алғышартқа жүгіну салдарынан пайда болды. Бұл алғышарт: бір іс-қимылдың екі орындаушының күш-қуатымен жасалуының мүмкін еместігі. Мутазилиттер адамдардың өз іс-әрекеттерін өздері жасауға күш-қуаты жететінін растайтын дәлелдерді алға тартып, пенделер өз әрекеттерін өздері жаратады, Алланың құдіретінен тыс екенін айтты. Жәбрия болса, іс-әрекеттердің Алланың құдіретімен жүзеге асатындығына және жарату құдіреті Жаратушыға ғана тән екендігіне айғақ болатын дәлелдерді ұстанып, іс-әрекет, қимылдарды Алла ғана жаратады, Одан басқа ешкімнің күш-қуаты Алла Тағаланың құдіреті бағытталған іспен байланысуы мүмкін емес екенін айтты.

Әдістама

Зерттеу жұмысын талдауда кәлам ілімінде адамның қалау еркіне, тағдырға қатысты жазылған зерттеулер, матуриди сенімдік мектебінің көзқарастары негізге алынды. Зерттеу барысында компаративистикалық және герменевтикалық әдіс басшылыққа алынып талдау, жинақтау және қорыту әдістері де қолданылды.

Негізгі бөлім

Матуриди мазхабында іс-әрекеттер адамның ниетімен, қалауына сәйкес Алланың жаратуымен жүзеге асады, әрі мұның ішіне жақсы да жаман іс-әрекеттер де қамтылады.

Әбумансұр әл-Матуриди: «іс-әрекеттердің жаратылғанына Құраннан дәлеліміз: «Сөздерінді жасырсаңдар да немесе әшкерелесеңдер де Алла көңілдегіні толық біледі. Жаратқан білмей ме? Ол тым жұмсақ, әр нәрсені толық білуші» (Құран, 67:13,14). Әшкере, жасырынды жаратпаса, оларды білетіндігін айтпас еді. «Ол сендерді құрлықта да, теңізде де жүргізеді» (Құран, 10:22) бұл аятта жүргізу оның құдіреті арқылы болғанын хабарлады», –деп нақли дәлел келтіреді. Сонымен қатар, әл-Матуриди [2003, 254 б.] жаратушылық құдірет тек Алланың жеке сипаты екенін айтады.

Әбулмуғин ән-Нәсәфи [2000, 40 б.]: «біздің көзқараста адамның ісі Алланың жаратуынан. Адамның қалауына сай Алла іс-әрекетті жоқтан

бар қылады», – дейді. Осы арқылы матуриди сенім мектебінің өкілдері жәбрия мен мутазилиттердің арасындағы орта жолды қолдайтынын жеткізді.

Исламдағы тағдыр түсінігі

Адамның ерік бостандығы тікелей тағдыр туралы түсінікпен байланысты. Иманның алты шартының бірі саналған тағдыр турасында да көзқарастардың бірізділігі жоқ. Әркім түрлі сипаттайды, бірақ оның дұрыс түсінігі ислам ғұламаларының бірауыздан келісіп діннің екі негізі деп тапқан Құран аяттары мен хадистерден алынады. Имам ан-Науауи Сахих Муслим кітабына жазған түсіндірмесінде: «әл-Хаттаби айтады: көп адамдар жазмыш (қада) пен тағдырды (қадар) Алла Тағаланың өзі белгілеп шығарған шешіміне сәйкес пендені мәжбүрлеп күштеуі деген мағынада түсінеді. Алайда тағдыр мағынасы Жаратушының пенде жасайтын істерді алдын-ала білуі, әрі сол істердің Оның белгілеуіне сай орындалуы», – деп жазады [Ан-Науауи & Яхия ибн Шараф 1972, 1/154-155 бб.]. Ибн Хажар әл-Хайсами Омар ибн Хаттабтың [2008, 64 б.] иман жайында жеткізген хадисіне арнаған түсіндірмеде: «Жазмыш (қада) дегеніміз Алла Тағаланың бүкіл болмысты әуелден алдын-ала білуі, ал тағдыр (қадар) болса, оларды сол біліміне сәйкес жаратуы», – деп жазады. Ал Имам әл-Баркауи [2008, 2/149 бб.] пенделердің іс-әрекеттеріне қатысты алғанда, тағдыр дегеніміз осы іс-әрекеттердің Алланың алдын-ала білуі арқылы жүзеге асуы деп түсіндірме бере отырып, адам өз істерінде мәжбүрлі емес екендігін айтады.

Тағдырға иман келтіру Алла Тағаланың эзәли біліміне, өткен шақта болып біткен, қазір жүріп жатқан, болашақта болатынның бәрін қамтитын кемел біліміне сенудің шарттарының бірі. Оның кемел білімі адамның келешекте болатын іс-әрекет, қимылдарын да қамтиды. Тағдыр, көп адамдардың ойында қалыптасқандай, адамның қалау еркінің жоқтығын білдірмейді. Жазмыш (қада) Алла Тағаланың әлемде болып жатқан және болатын оқиғаларды, іс-әрекеттерді толығымен қамтитын білімі.

Әлемдегі құбылыстар, табиғаттағы өзгерістер, өсімдіктердің шығуы, жан-жануарлардың туып өлуі секілді бастамасынан Алланың жарататын нәрселері оның қалауына және бұйрығына толық тәуелді, күдіретіне, жаратуына бағынышты, әрі Алланың эзәли ілімінде белгілі. Ал адамның қимыл, іс-әрекеттеріне кіретін нәрселерде Алла білімі сол іс-қимылдар шығатын адамның қалауына тәуелді. Алла адамның қалауына сәйкес оның іс-әрекеттерін жаратады. Яғни, Алла адамға қалау еркін берді. Осы қабілет арқылы ол таңдау жасайды. Адам өз еркін қалаған әрекеттерге бағыттайды, Алла оның еркіне сәйкес іс-әрекеттерін жаратады. Бұның

барлығы Алланың әзәлі білімінде бекітілген. Осыған сүйене отырып: Алла Тағала адамның өз бетімен таңдауы арқылы жақсы/жаман істерді жүзеге асыруын қалады және алдын-ала білді, деп айта аламыз [Мухаммад & ал-Баркауи 2008, 2/149 бб.]. Тағдыр ұғымының мағынасы осыған сәйкес.

Жазмышты (қаданы) білім десек, ал білім анықтаушы сипат, әсер етуші немесе өзгертуші сипат емес. Сондықтан адамға бұл сипат арқылы мәжбүрлеу, күштеу болуы мүмкін емес. (Ғұламалар адамның түсінігіне жақын болуы үшін мағынаны қараңғы жердегі заттарға түскен шырақтың жарығына ұқсатқан. Шырақтың жарығы заттарды анықтайды, бірақ оларға әсер етпейді. Алланың білімі де сол секілді, барлық оқиғаларды орындалмас бұрын алдын-ала біледі).

Адамның қалау еркіне қатысты аяттар

Құранда адамның қалау еркі жоқтығын білдіретін мағынада аяттар кездесуі мүмкін. Алайда араб тілі қағидаларына және тәпсір, ақида ғалымдары қалыптастырған мәтіндерді түсіндіру ережелеріне сүйене отырып, адам өз таңдауларында мәжбүрлі емес екенін, оның ықтияры бар екенін анықтаймыз. Бұл аяттарды екі топқа бөліп қарастырсақ болады.

Бірінші топтағы аяттардың жалпы мағынасы: егер Алла қаласа, періштелер секілді, бүкіл адамдардың жүрегіне иман беріп, барлығы тура жолда болар еді. Бірақ Алла Тағала бұны қаламай, адамдарға ерік берді. Мысалы: «Егер қаласақ, әр пендені тура жолға салар едік...». Мұндағы тура жолға салу адам еркінен тыс, иманды тікелей жүрекке кіргізу арқылы.

Келесі аятта: «Егер Алла қаласа, әлбетте күллі адамзатты бір ғана үмбет етер еді...» яғни, сенімдерін, өмір сүру дағдыларын олардың таңдауынсыз-ақ бірдей етер еді. «Егер Алла қаласа, жер бетіндегілердің барлығы жаппай иман етер еді». Бұл аятты әл-Қуртуби тәпсірінде «олардың барлығын иман етуге мәжбүрлейтін еді» деп түсіндіреді [Ал-Қуртуби & Мухаммед ибн Ахмед 2006, 8/385 бб.]. Ал «Егер қаласақ, әр пендені тура жолға салар едік» аятына берген түсіндірмеде: олардың қалауынсыз, жүректеріне сенім берер еді», – дейді [Ал-Қуртуби & Мухаммед ибн Ахмед 2006, 14/96 бб.].

Әрине, бұл жерден адамда ерік жоқ тұжырымдау қате. Құран аяттарының түсу себептерімен танысу, оларды тереңірек түсініп мағынасын толық ашуға септігін тигізеді. Ислам ғұламалары тәпсір саласында аяттардың түсу себептерін зерттейтін арнайы ғылымды жасақтады. Осы еңбектерден бұл аяттардың түсу себебіне үңілсек, Мұхаммад пайғамбар (с.ғ.с.) мүшріктерді дінге шақырып иманға келуін шын жүрекпен қалайтын, еңбегі жеміс бермейді ме деп күйзелетін. Әсіресе алғашқы Мекке қаласындағы күндер қиынға түсті, сол кездері адамдардың жүрегіне иманды кіргізуін аңсайтын еді. Бірақ Алла Тағала

елшінің міндеті тек қана халыққа дінді насихаттау, баяндау, ақиқатты айту, дінді түсіндіру ғана, одан кейінгісі қабылдау-қабылдамау адамдардың еркінде екендігін аяттары арқылы білдірді. «Уа, ардақты елшім, міне енді сен оларға ақиқатты түсіндір, насихат ет, тура жолға баста. Өйткені сенің міндетің – насихат айту, (ақиқатты) түсіндіру ғана» [Құран 88: 21-22]. «Уа, Мұхаммед, оларды жаппай тура жолға салу сенің міндетің емес. Алла қалағанын тура жолға салады» [Құран 2: 272], «Уа, Мухаммед, сен олар иман етпеуде деп уайымға салынып, өзінді жеп тауыса жаздайсың» [Құран 26:3].

Ал бұл аяттардың жалпы дұрыс мағынасына келсек: Алла адамдарды тура ақиқат жолына түсуге мәжбүрлеуді қаламады. Егер қаласа оны жасар да еді. Бірақ пенделеріне таңдау беріп, қалауларын толық пайдалануға мүмкіндік берді. Егер пенде жақсылыққа бет бұрып, ізгілік істесе, Алланың қалауымен істейді. Өйткені Алла пенденің өз бетінше таңдау жасауын қалады. Әлдекім ақиқаттан бас тартып, жамандыққа бет бұрса, ол да Алланың қалауымен. Себебі Алла Тағала оған ақиқаттан бас тартуға, жамандыққа да таңдау еркін берді.

Екінші топтағы аяттарды қарастырсақ. Екінші топтағы аяттардың мағынасы: егер Алла қаласа адамдарды, олардың еркінен тыс, тура жолдан тайдырып, қалағанына иман берер еді.

«Алла қалағанын адастырады және Өзіне бар ықыласымен бет бұрғанды тура жолға салады» [Құран 13:28]. «Алла қалағанын адастырады, қалағанын тура жолға салады» [Құран 6:39]. «Алайда Ол қалағанын адастырады әрі қалағанын тура жолға салады. Сендер дүниеде істеген барлық істерің үшін міндетті түрде жауапқа тартыласыңдар». [Құран 16:93]. «Міне, бұл – Алланың тура жолға бастайтын (кітабы), Ол сол арқылы қалағанын тура жолға салады. Сондай-ақ Алла кімді адастырса, оны ешкім де тура жолға бастай алмайды» [Құран 39:23]

Осы аяттардың мағынасына үнілсек тура жол табуда немесе адасуда Алланың қалауы адам қалауынан басым болып, адам қалауы орындалусыз қалған секілді көрінеді. Алайда, Құранда бұл мағынаны терістейтін басқа да аяттар бар. Мысалы: «Оған тура жолды да көрсеттік. Енді қаласа (осынау нығметтердің қадірін біліп, тура жолмен жүретін) шүкіршіл болар, қаласа (күпірлік қылып, теріс жолдарға түсетін) рақметі жоқ кәпір болар» [Құран 76:3]. «Сондай-ақ оған (жақсысын ұстанып, жаманын тәрк етсін деп) екі жол көрсетпедік пе?» [Құран 90:10]. «Ал сәмудқа (халық атауы) келсек, оларға да тура жолды көрсеттік. Алайда олар тура жолдың орнына азғындықты таңдады» [Құран 41:17].

Бұл аяттарға зер салсақ, оларды ешкім тура жолға не теріс жолға түсуге мәжбүрлемеді, таңдау өз еріктерінде болды. Осы және басқа да аяттар істі адамға теліп, нәтижелеріне адамның өзін жауапты етеді. «Жүректерің

істегенді есепке алады» аяты адамда таңдау еріктің барлығына ашық дәлел болады. Жүректің ісі – ниет ету, шешім шығару, бел байлау.

Ислам ғалымдары айтып өткендей, сырттай қарағанда бір-біріне қайшы келетін мұндай аяттарды үйлестіруге, біріктіруге болады, себебі Құранда бір-біріне қайшы келетін аяттар жоқ. Алла Тағала Құранда айтқандай, пенделеріне тура жол немесе теріс жол – екі жолдың бірін таңдауға ерік береді. Адам өмірінің бір кезеңдерінде Алланың мейіріміне лайық болатын істер жасап, жүрегінде туралыққа, ізгілікке деген ниет пайда болады. Осы арқылы Алланың қалауымен тура жолға салғандардың қатарында болады. Сондай-ақ адам Алланың ашуына ұшырауға себеп болатын істер жасап, оның жүрегінде азғындыққа қарай ниет пайда болып, адасуға жетелейді. Алланың жазасына ұшырап жақсылыққа бет бұрмайды.

Демек, Алла Тағаланың қалағанын адастырып, қалағанына тура жолға салуы ақиқат. Бірақ бұл ретсіз, кездейсоқ жолмен емес, себептермен орындалады. Тура жолға салу адам өзі қолымен жасаған себептермен, сол секілді адасу да адам жасаған себептермен болады.

Тағдырға қатысты хадистер

Әбу Абдур-Рахман Абдуллаһ ибн Масғуд (Аллаһ оған разы болсын): «Алланың елшісі (с.а.с.) біздерге: «... Өзінен басқа ешбір құдай жоқ Алламен ант етемін, шын мәнінде, сендердің біреуің жаннатқа қолдың білегіндей қалғанша жаннаттықтардың амалын істеп барады, содан кейін (маңдайына) жазылғаны алдынан шығады да, тозақтықтардың амалын істеп (тозаққа) кіреді. Сондай-ақ, шын мәнінде, сендердің біреуің тозаққа қолдың білегіндей қалғанша тозақтықтардың амалын істеп барады, содан кейін (маңдайына) жазылғаны алдынан шығады да, жаннаттықтардың амалын істеп, (жаннатқа) кіреді», – деп айтқан», – деген (Әл-Бұхари, Муслим, Әбу Дауд, Әт-Тирмизи, Ибн Мажа).

Бұл сахих хадистің соңында адамның қалау еркі жоқ дейтін позицияны ұстанушы жәбрия өкілдеріне дәлел болатын мағына шығады: «Алла Тағала бір пенделерді құрметтеп, мерейін өсіріп бақытты өмірге жаратқан. Олар күнә жасағанымен, барар жері жұмақ. Ал екінші бір пенделерді бақытсыз өмір үшін жаратқан. Яғни қиямет күні бір топ адамдардың алдына дайындалған құрметті орынға қарай баруы жасаған ізгі істерінің нәтижесі емес, екінші топ адамдардың жазаға, азапқа тартылуы жасаған күнәларының нәтижесі емес, Алланың алдын ала шығарған шешіміне сәйкес. Сол үшін пенденің бақытсыздығына күнәлардың әсері жоқ, бақытқа жетуіне ғибадаттың әсері жоқ. Ол үшін жасалған таңдауға көнуге мәжбүр болады».

Дегенмен ғалымдар хадисті мұндай тура мағынада түсінуге қарсы бірнеше уәж айтады. Алла пенденің жасаған жақсы амалдарын ешқашан жоймайды, амал жасаудың, іс-әрекеттің құндылығы жоғалмайды. Төмендегі Құрандағы аяттары осыған дәлел: «Ал енді иман келтіріп, сол иманның талаптарына сай игі істер істейтіндерге келсек, Біз игі істер істейтін ізгі жандардың сауабын (еңбегін) әсте зая етпейміз» [Құран 18:30]. «Алла имандарыңды зая етпейді. Шүбәсіз, Алла мейірбан, әрі ерекше мейірімді» [Құран 2:113]. «Шүбәсіз Мен мейлі ер, мейлі әйел болсын, араларыңнан игілікті істер атқарғандардың еңбегін зая етпеймін» [Құран 3:195].

Жоғарыдағы хадистің мағынасы осы аяттардың аясында түсінулі тиіс. Ғұламалардың айтуынша, Құран мен хадис мағыналары да бір-біріне қарама-қайшы келмейді. Муслим Сахих хадистер жинағындағы Сәһл ибн Сағд ас-Сағиди риуаяты бойынша басқа хадисте: «бір кісі, адамдардың ойынша, жаннаттықтардың амалын істеп жүреді, бірақ ол тозақтық, ал бір кісі, адамдардың ойынша, тозақтықтардың амалын істеп жүреді, бірақ ол жаннаттық», – деп келеді. «Адамдардың ойынша» деген тіркес бұл арада мағынаны толықтырып тұр. Ибн Масғуд риуаятындағы хадисті осы хадистің негізінде түсінсек, Құрандағы «жақсы амалдарды зая етпейміз» мағынасына сай келіп тұр. Қағидаға сәйкес келген мәтін жалпы мағынада келген мәтіннің көмегімен түсіндіріледі. «Кімде-кім Раббысымен қауышуды үміт етіп қаласа, игі істер жасасын және Раббысына жасаған құлшылығында Оған ешкімді серік етіп қоспасын» [Құран 18:110]. «Олар нендей бір іс істеген болса, рас оны қолға алып, шашылған тозаңға айналдырамыз» [Құран 25:23]. Осы екі аяттың мағынасы: иесін жаннатқа кіргізетін амал Алланың бұйырған ісінен болуы жеткіліксіз, сонымен қоса ол амалдың жасалуындағы мақсат Алланың разылығы болып, дүниенің пайдасын іздеу, басқаның көңілінен шығу секілді мақсаттар көзделмеуі қажет.

Екінші хадис: әл-Бұхари мен Муслим, Әбудәуд, Өт-Тирмизи, Ибн Мажа жеткізген хадисте Али (р.а.) айтады: бір күні Алла Елшісімен бірге отырдық, ол қолындағы таяқпен жерді шұқып отырды да басын көтеріп: – әрбір жанның жаннаттағы не тозақтағы орны белгіленіп қойылған, – деді. Сол кезде қасындағылар: – Уа, Алланың Елшісі, олай болса біз не үшін амал жасап жүрміз? – деді. Ол: жоқ (өздеріңе бұйырылғанды орындап), амал жасаңдар, әрбір жан не үшін жаратылса, соған лайықты амал жасау жеңілдетіледі, – деді. Содан соң: «Кімде-кім Алла жолында берсе, тақуалық қылса, жақсылықты дұрыс деп білсе, сонда оның (пейішке баратын) жолын оңайластырамыз. Ал енді әлдекім сараңдық істесе, елемесе, жақсылықты жалғанға шығарса, сонда ол үшін (мәңгі құрдымға батыратын) жолды оңайластырып қоямыз [Құран 92: 5-10] деген аятты оқыды.

Бұл хадистегі «Өздеріңе бұйырылғанды орындап, амал етіндер, себебі әрбір жан не үшін жаратылса, соған лайықты жасау жеңілдетіледі» деген үзінгін түсіну кейде қиындық туғызады. Жоғарыдағы мәтін Муслим риуаяты бойынша, ал әл-Бұхаридегі мәтінде: «Ал бақытқа кенелетіндер, оларға бақыттылардың ісін жасау жеңілдетіледі, ал бақытсызқа ұшырайтындар болса, олар үшін бақытсыздардың ісін жасау жеңілдетіледі», – делінген. Екеуінің де мағынасы бір-біріне жуық.

Осы айтылған үзіндінің сырттай мағынасына жүгінсек, Алла пенделердің бір тобын мәңгілік бақыт үшін жаратып, екінші тобын мәңгілік азап үшін жаратқан секілді. Ал олардың жасаған еңбектері, іс-әрекеттері алдын ала белгіленген бұйрықты растауға, іске асыруға қызмет етеді. Олар өздері не үшін жаратылса (жұмақ/тозақ), соған сай келетін істерді ғана жасай алады. Бұл сөз жоқ қателі және жәбрия ұстанымы. Әл-Бұхари, Әбудәуд, ат-Тирмизидің жинақтарында Әнәс (р.а.) риуаятында келген хадисте Пайғамбар (с.ғ.с.) айтады: «Пенде қабірге қойылып, серіктері бұрылып кетіп бара жатқанда оның аяқ киімдерінің дыбыстарын да естіп жатады. Содан соң, екі періште келіп отырғызады да: Мұхаммед жайлы не деуші едің? – дейді. Ол пенде мүмін болса: Мен оның Алланың құлы және елшісі екеніне куәлік беремін, – дейді. Оған: сенің тозақтағы орныңа қара, Алла оны жаннаттағы орынға ауыстырды, – делінеді. Ол пенде екі орында да көреді. Ал егер екіжүзді немесе мүмін емес болса, оған: бұл кісі жайды не деуші едің? – деп айтылады. Сонда ол: білмеймін, адамдардың айтқанын айтып жүрген едім, – дейді. Оған: сен (ақиқатты) білмедің де, (құтылушыларға) ермедің де – деп айтылып темір балғамен соғылып, оның жан айқайын екі топтан (адамдар мен жындар) басқаның бәрі естиді».

Бұл сахих хадис бойынша, пендені Алла дайындап қойған екі түрлі орын күтуде. Адам өзіне алдын ала дайындалған екі орынның біріне жеткізетін жолды таңдары сөзсіз. Егер адам өмірінде жасаған істері арқылы бақытқа апарар жолға бет бұрса немесе бақытсыздыққа жеткізер жолға бет бұрса, онда оны күтіп тұрған лайықты мекені жетуі ықтимал болған екінші мекенінің орнын басады. Адамның баратын орны оның таңдауына байланысты, екі орынға да бару ықтималдылығы бар. Сол үшін екі орын алдын ала дайындалуы қажет. Ал егер өз таңдауымен біреуіне лайықты болса, екіншісі ол үшін жойылады. Түсіндіріліп жатқан хадистегі «Өздеріңе бұйырылғанды орындап, амал етіндер, себебі әрбір жан не үшін жаратылса, соған лайықты жасау жеңілдетіледі» сөзін осы хадис аясында түсінеміз. Екеуін қалай байланыстыратын ортақ мағынасы: адам баласы өмірінде екі жолдың бірін таңдау жағдайына түседі де өзінің таңдауына қарай, амал етуіне сәйкес екі орынның біріне лайықты болады. Алла оның қай жолды таңдарын біледі. Сол біліміне сай адамның, әрі таңдауына орай амалдарының тиісті қарымын қайтарады.

Осы мағына арқылы, Алла бір топты мәңгілік бақыт үшін дайындады, бір топ адамдарды бақытсыздық үшін дайындады деген мағынаны дұрыс түсіне аламыз.

Үшінші хадис. Әл-Бұхари мен Муслим және ат-Тирмизи, ан-Насаи, Ибн Мажа, Әбуәдудтердің Әбуһурайрадан жеткізген хадисінде Пайғамбар (с.ғ.с.) айтады: «Адам мен Мұса пайғамбарлар сөзге келіп қалады да, Мұса оған: Уа, Адам, сен біздің атамызсың, сен бізді пейіштен шығып кетуімізге себепкер болдың, – дейді. Сонда Адам (а.с.) оған: Уа, Мұса, Алла Тағала сені (пайғамбар етіп) таңдап алды, сенімен тікелей сөйлесті және Тауратты жазып берді. Алла мені жаратпастан қырық жыл бұрын белгілеп қойған іс үшін мені кінәлайсың ба? – дейді. Осылай Адам (а.с.) Мұсадан басып түсті».

Алла Тағаланың тыйым салған жемісінен жеген ісі үшін Адам (а.с.) тағдырға сүйене отырып құтылып кеткендігі біздің ойымызда түсініспеушілік тудыруы мүмкін. Бұл ұстаныммен әр адам тағдырға сүйеніп күнә істерін жалғастыра берері анық. Адам (а.с.) ағаштағы жемістен жеген кезде онда таңдау болмады. Себебі ол берілген бұйрықты толық ұмытқан болатын. «Анығында, бұдан бұрын Адамға (бұл ағаштың жемісін жеме деген) пәрмен бердік. Алайда ол пәрменімізді жадынан шығарып алды және Біз оның бойынан пәлендей ерік-жігер таппадық [Құран 20:115]. Бұл жерде жадынан шығару, ұмыту сөзі тура мағынасында айтылған дейді Ибн Аббас осы аятқа берген түсіндірмесінде. Ал кейбір ғалымдардың түсіндірмесінде ұмыту сөзі тәрк ету, тастау мағынасында қолданылған [Ал-Қуртуби & Мухаммед ибн Ахмед 2006, 12/251 бб.]. Дегенмен дұрысы тура ұмыту мағынасында, Фахруддин ар-Рази да осы нұсқаның дұрыстығын дәлелдейді [Фахруддин ар-Рази 1981, 6/112 бб.]. Мәтінді түсінудегі басты негіз ол тура мағына. Қажеттілік кезінде ғана тура мағынада ауыспалы мағынағы өтеді.

Адамды ағаш жемісін жеуге жетелеген тағдыр бұл жерде пенденің қалау еркі жүрмейтін, дірілдеу, талып қалу, ұйқыға кету деген секілді, қалаудан тыс жағдай. Адамның таңдау еркі жүрмейтін тағдырдың бұйрықтары бар. Мысалы адамның туылуы, дүниеден өтуі, ауруы, табиғатта болатын құбылыстар: зілзалалар, жел тұру, су тасқыны т.с.с. бұл жағдайларда адамда таңдау еркі жүрмейді. Адамның жемісті жеуі тағдырдың осы түрінен. Өйткені Құранда «Алайда ол пәрменімізді жадынан шығарып алды» делінген. Адамның жемістен жеуі оның ықтиярынсыз болғандықтан, ол кінәлі болып саналмайды. «Алла пендеге шамасы келмейтінді жүктемейді». Ұмыту кезінде адам шамасынан тыс болады. Алла Елшісі (с.а.с.) хадисте: «Алла Тағала үмметімнің қателесіп, ұмытып және мәжбүрленіп жасаған істерін кешіреді» – деген.

Екіншіден, адамға жауапкершілік жүктеу тек жер бетіндегі өмірде ғана басталды. Ал ол кезге дейін, яғни Адам жаннатта болғанда жауапкершілік

әлі жүктелмеген еді. Ал Адамға түсірілген уахилар болса, тек жаннатпен таныстырып қана қойды. «Жұмақта сен аш-жалаңаш қалмайсың, Сондай-ақ, онда мүлдем шөлдемейсің һәм күннің аптабына да душар болмайсың» [Құран 20:118] Аятта жауапкершілік жайлы сөз қозғалмай, тек жұмақтың

«Мына ағашқа жоламандар, әйтпесе, өз-өзіне қиянат жасайтын залымдардың қатарына қосыласыңдар» [Құран 2:35]. Бұл аят белгілі бір міндетті жүктемеді.

Бұйрық райда келетін етістіктер бір істі міндеттеумен қатар нұсқау, бағыттау, кеңес беру мағынасында да келеді. Егер міндеттеу мағынасындағы бұйрық райлы сөздер келсе олар парыз, міндет үкімдерін алады да, орындалмаған жағдайда иесіне күнә есептеледі. Ал нұсқау, бағыттау мағынасында келген бұйрықты орындамау күнә болып саналмайды. Олар адамның мақсаттарын жүзеге асыруда өзіне пайдасы үшін айтылады. Мысалы: «Бір-біріңе белгілі бір мерзімге дейін қарыз бергендеріңде оны жазыңдар». «Саудаласқан кездерінде айғақ қойыңдар» [Құран 2: 282]. Бұл бұйрықтарға қарсы келуде ешқандай күнә жоқ, дегенмен оларды істеусіз қалдыру адамдарды кейін зиянға ұшыратуы мүмкін. Сатып алушы мен сатушы саудаларына куәгер шақырмаса күнә емес, сондай-ақ, қарыз алғанды қағазға түсірмесе де күнә емес. Бірақ бұл ақысынан айырылу немесе өз ақысына жетуде қиындықтарға тап қылдыруы мүмкін.

Адам ағаштан жемісті жеуі екінші түрінен, яғни нұсқау, бағыттау мағынасындағы бұйрық, шариғаттағы сауап пен күнәмен байланысты жауапкершілік жүктеуге қатысы жоқ. Адамның Жерге түсірілуі ағаштан жеген ісі үшін жаза емес. Егер жаза ретінде болса, онда ол белгілі бір күнәны жасаған болуы тиіс. Ал күнә болуы үшін тыйымды елемей, әдейі жасауы керек еді. Бұған тағы дәлел: «Мен жер бетінде (үкім жүргізетін) халифа жаратамын» [Құран 2:30]. Олай болса, Адамның Жерге түсірілуі ол Алланың белгілеген тағдыры еді. Адамның және оның ұрпақтарының Жерде өмір сүруі, Алланың разы болған үкімі. Ал оның себебі немесе шарты болған (Адамның жемістен жеуі) расында Алланың разы болған үкімі.

Қорытынды

Зерттеудің нәтижесі ретінде келесі тұжырымдарды жасауға болады:

1. Исламда адам еркі тағдырға иман келтірумен байланысты. Тағдырға сенім иманның алты шартының бірі.

2. Тағдыр Алланың шексіз біліміне негізделген. Ол әуелден болашақта болатын барлық нәрсені біледі, сондай-ақ адамдардың қандай таңдау жасайтынын алдын-ала біледі.

3. Адамдардың іс-әрекеттерінде еріктілігіне қатысты үш бағыт бар, олардың ішінде дұрысы матуридилік және ашғарилық мазхабтың тұжырымдары.

4. Діни мәтіндерді қате түсіндіру дінді бұрмалауға алып келеді. Жәбрия мен мутазилиттер тағдыр жайлы теріс түсінігі діни мәтіндерді дұрыс түсінбеуден.

5. Тағдыр тек адамның өмірі мен әрекеттерімен қоса, әлемдегі барлық ірілі-ұсақты құбылыстарды да қамтиды.

6. Тағдырға Алла бекіткен моральдық-этикалық заңдарды бұзуға сылтау болмайды.

7. Алла Тағала жақсылық пен жамандық жаратты, әрі осы арқылы адамды сынау үшін оған таңдау еркін берді.

8. Таңдау еркін беру арқылы Алла адамға жауапкершілік жүктеді.

Библиография

Ал-Қуртуби & Мухаммед ибн Ахмед. 2006. 'Әл-Жамиғ лиахкамил Қуран'. Бейрут: Муассатул рисала.

Ал-Хаййат & Абулхасан Абдурахим. 1993. Бейрут., Дарул арабия лилкутуб, 324 б.

Ал-Хайтами & Ибн Хаджар. 2008. 'Фатх әл-мубин би шарх ал-арбағин'. Джидда, Дарул минһадж.

Ан-Насафи & Абумуғин. 2000. 'Бахр әл-кәләм'. Дамаск, «Дар Фарфур», 355 б.

Ан-Науауи & Яхия ибн Шараф. 1972. 'Шарш сахих Муслим'. Бейрут, «Дар ихия турас араби».

Әл-Матуриди & Әбумансұр. 2003. 'Ат-Таухид'. Анкара, Уакф диана туркия, 416 б.

Исмаил ибн Умар ибн Касир. 1999. 'Тафсирул Қуран әл-азим'. эр-Риад, «Дар таиба».

Қади Абдулжаббар. 1982. 'Ал-Мухит бит-таклиф'. Каир, Ал-муассаса ал-мысрия», 463 б.

Қади Абдулжаббар. 2012. 'Ал-Муғни фи абуаб ат-таухид уал-адл'. Бейрут, «Дарул кутуб илмия», 269 б.

Махмуд ибн Абдулла әл-Әлуси. 1994. 'Рух ал-мағани фи тафсирил Қуран әл-кәрим'. Бейрут, «Дарул кутуб әл-ғилмия».

Мухаммад & ал-Баркауи. 2008. 'Ат-Тарика әл-мухаммадия'. Алеппо, «Дарул қалам әл араби».

Фахруддин ар-Рази. 1981. 'Мафатих ал-ғойб'. Дамаск, «Дарул фикр».

Хұсам ад-Дин ас-Сығнақи. 2016. 'Ас-Тастдид фи шарх ат-Тамхид'. Алматы, «Нұр-Мұбарак» баспасы, 434 б.

Transliteration

- Al-Haytami & Ibn Xajar. 2008. 'Fath al-mubin bi sharx al-arbagin'. Jidda, «Darul minhaj».
- Al-Hayyat & Abulhasan Abdurahim. 1993. Beirut, Darul arabiya lilkutub, 324 b.
- Al-Maturidi & Abulmansur. 2003. 'At-Tauhid'. Ankara, Wakf diana turkiya, 416 b.
- Al-Qurtubi & Mohammed ibn Ahmed. 2006. 'Al-Jamig li ahkamil al-Quran'. Beirut, «Muassat al-risala».
- An-Nasafi & Abumugin. 2000. 'Bahr al-kalam'. Damask, «Dar Farfur», 355 b.
- An-Nauauai & Yahiya ibn Sharaf. 1972. 'Sharsh sahih Muslim'. Beirut, «Dar ihiya turas arabi».
- Fahrudin al-Razi. 1981. 'Mafatih al-goyb'. Damask, «Darul fikr».
- Husam ad-Din as-Sıgnaqi. 2016. 'As-Tastdid fi sharx at-Tamxid'. Almaty, «Nur-Mubarak» baspası, 434 b.
- Ismail ibn Omar ibn Kasir. 1999. 'Tafsir al-Quran al-azim'. Riyadh, «Dar taiiba».
- Mahmud ibn Abdalla al-Alusi. 1994. 'Ruh al-magani fi tafsiril Quran al-karim'. Beirut, «Darul kutub al-ğilmiya».
- Mohammad & al-Barkawi. 2008. 'At-Tariqa al-muhammadiya'. Aleppo, «Darul qalam al arabi».
- Qadi Abduljabbar. 1982. 'Al-Muhit bit-taklif'. Cairo, Al-muassasa al-mısriya», 463 b.
- Qadi Abduljabbar. 2012. 'Al-Muğni fi abuab at-tauhid ua al-adl'. Beirut, «Darul kutub ilmiya», 269 b.

Орынбаев Е., Керім Ш.

Проблема свободы воли человека в исламе

В данной статье рассматривается тема свобода воли в исламе и анализируются религиозные тексты и разные взгляды касательно данного вопроса. В связи с тем что данная тема зародилась еще в начальном периоде развития ислама, появление множества споров по ней закономерно. И ее тесная переплетенность с понятием “судьбы” – является одной из ее главных особенностей в исламе. Так же, в исследовании рассматривается взаимосвязь между волей Создателя и людей, и иллюстрируется толкование религиозных текстов с внешне противоречащим смыслом человеческой воле.

БЕКЗАТ БОЛМЫС ИЕСІ

МЕРЕЙТОЙЛАР

Құрметті Ақан Құсайынұлы, сізді мерейлі тойыңызбен Өзіңіз басқаратын Философия, саясаттану және дінтану Институты ұжымы шын жүректен құттықтайды! Жоғары білім алғаннан кейінгі еңбек жолыңызға көз салсақ, сонау 1971 жылдан бастап, осы күнге дейін мемлекеттік басқару салаларында, өндірісте, саяси ғылым саласында күш-жігер жұмсап, қажымай-талмай қызмет еттіңіз.

Мағыналы ғұмырыңызда басшылық қызметтерді атқарғаныңыз, іскерлік және ұйымдастырушылық қабілетіңіздің, ұжыммен тіл табыса білу мен талапшылдығыңыздың, жаңа заман ағымына орай қалыптаса білу ісіндегі мол тәжірибеңіз кейінгі жастарға үлгі.

Еліміздің зиялы қауымы, жалпы Қазақстан жұртшылығы Сізді белгілі қоғам және мемлекет қайраткері, академик ғалым, саяси ғылымдарының докторы, профессор ретінде біледі. Қазақстан Тәуелсіздігінің бастауындағы өміріңіздің мәнді де мағыналы жылдары Елбасының сенімді серігі әрі Президент көмекшісі ретінде Мемлекет басшысының қасында жүріп, мол тәжірибе жинақтап, Қазақстан халық бірлігі партиясының төрағасы болдыңыз және Президент Әкімшілігінде Ішкі саясат және қоғамдық-саяси бөлімінің меңгерушісі қызметіне тағайындалғаныңыз жұртшылықтың жадында. Еліміздің Парламентіне Алматы қаласынан сенатор ретінде сайланып, екі мәрте Сенат комитетінің төрағасы қызметін атқарғаныңыз жұртшылыққа белгілі.

Еліміз егемендігін алған тұста Мемлекет басшысы Сізге үлкен сенім артып, жауапты қызметтер тапсырды. Осы жылдары саналы ғұмырыңызда қажымай-талмай еңбек етіп, білікті, білімді азамат, тектіліктің иесі ретіндегі адамгершілік биік ұстанымдарыңыз бен әділеттілігіңіз қазіргі қоғамдағы үлкен беделіңіздің жарқын куәсі.

«Парасат», «Құрмет», «Содружество» ордендері мен бірнеше медальдардың, Құрмет грамоталарының иегері атанып, үлкен асуларды бағындырдыңыз. Ал үлкен жетістіктер мен жақсылықтар алда екеніне сенімдіміз. Өйткені Сіз үнемі ізденіс үстінде жүресіз, еңбектеніп, тыным таппайсыз. Қайраткер азамат мемлекетіміздің жарқын болашағына жіті назар аударып, еліміздің өркендеп, кемел келешекке қарай нық қадам басқанына көңіл бөліп отырсыз. Бекзат болмысты, кемел ойлы білікті тұлға ретінде еліміздің өркендеуі жолында болашаққа жарқын қадамдар жасай беріңіз!

Құрметті Ақан Құсайынұлы, біздің Институттың ғалымдар қауымы Сізді кемел жасқа келген сүбелі мерейтойыңызбен құттықтай отырып, өзіңізге және сіздің жақындарыңызға ұзақ ғұмыр, шығармашылық табыс, қажымас қайрат, зор денсаулық тілейді!

*Құрметпен, Философия, саясаттану
және дінтану институтының ұжымы*

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАНА К.К. ТОКАЕВА И ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

РГКП «Институт философии, политологии и религиоведения» Комитета науки МОН РК 11 сентября 2019 года в Алматы в Доме Дружбы провел Международную научно-практическую конференцию на актуальную тему: «*Формирование казахстанской идентичности: проблемы и перспективы*». Накануне, 2 сентября с.г. президент Казахстана К.К. Токаев обратился народу с традиционным посланием, где отметил, что наше государство вступило в новый этап реформирования страны как продолжение политики Первого президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева о модернизации казахстанского общества на фундаменте национальной культуры. Поэтому в этом аспекте важна дальнейшая перспектива формирования и развитие национальной идентичности Казахстана. Цель международной конференции заключается в обсуждении проблем формирования казахстанской идентичности в контексте Послания Президента Республики Казахстана К.К. Токаева.

На данной конференции участвовало более 70 человек. В гостях были зарубежные специалисты, Райво Ветик, профессор кафедры сравнительной политологии Таллинского университета Эстонии, Пойта Юрий, руководитель Азиатско-Тихоокеанского отдела SACDS Украины. Принял участие в качестве докладчика Ху Хайсинь, генеральный секретарь Союза китайских предприятий в Казахстане.

Международную конференцию открыл вступительной речью директор Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктора политических наук, профессор, академик КАЕН Бижанов Ахан Хусаинович. Также на торжественной части конференции выступили 10 докладчиков с различными интересными темами.

Также особо хотелось отметить доклад профессора Таллинского университета Райво Ветик с темой «On relationship between national integration and international security: the cases of Estonia, Finland and Kazakhstan». Доклад вызывает интерес тем, что профессор указал на объединяющие факторы Эстонии, Финляндии и Казахстана в вопросах формирования национальной идентичности.

После обеденного перерыва международная научно-практическая конференция проходила по двум секциям. Темой первой секции – Формирование национальной идентичности и некоторые вопросы модернизации общественного сознания (отечественный и международный опыт).

По данной теме эксперты обсудили проблемы и перспективы нациестроительства в Казахстане.

Вторая секция была более обширной по составу участников и проходила на тему «Философско-религиоведческие аспекты формирования казахстанской идентичности». Докладчики рассмотрели казахстанскую идентичность с точки зрения философии и религии. Философский взгляд позволяет понять основные причины и более глубоко изучить проблему. А с другой стороны, мы не можем отрицать возрастающую роль религиозного фактора на формирование национальной идентичности Казахстана.

Анализируя доклады участников, можно выделить несколько основных направлений международной научно-практической конференции «Послание Президента Республики Казахстана К.К. Токаева и вопросы формирования казахстанской идентичности: проблемы и перспективы»: зарубежный и казахстанский опыт формирования национальной идентичности; послание президента народу и дальнейшее развитие программы модернизации общественного сознания; развитие казахской философии; роль религиозной идентичности в казахстанском обществе.

После всех выступлений участники конференции сформулировали научно-практические рекомендации, состоящих из 5 пунктов, где затронули актуальные проблемы, как языковую политику, политическую пассивность в обществе и рост недоверия народа к институту государственной власти, и пути их решения. Эти результаты ценны для разработки программы модернизации политической системы страны.

В целом, конференция прошла довольно успешно. Прозвучали интересные идеи, которые имеют практическую ценность и в дальнейшем помогут в реализации государственных программ по модернизации казахстанского общества.

Шакеева Ботакоз Рахимбековна

CONTENTS. ABSTRACTS

PHILOSOPHY IN THE PRESENT AND HISTORICAL RETROSPECTIVE

Khamidov A.A.

Architectonics of Public Consciousness.....3

Abstract. The article is devoted to the architectonics of public consciousness. It claims only to an extremely generalized picture of the subject, without any detail. Social consciousness is understood as a complex integral phenomenon, in which different levels are distinguished, and on one of its levels, formations that are traditionally called specialized forms of social consciousness are distinguished. A brief description of these forms is given. Below the specialized forms of social consciousness is ordinary consciousness, characterized by its non-specialized nature and unsystematization. It is shown that a special form of social consciousness, called the worldview, rises above the ordinary consciousness and specialized forms of social consciousness. The worldview summarizes in an ideal (ideelle) form the real world attitude and corrects it. The worldview generates a kind of worldview force field that permeates all forms and levels of both the general and individual consciousness. The worldview is formed spontaneously, but at a certain stage in history a specific form of social consciousness arises – philosophy, which, following A. Schweitzer, can be called a «thinking worldview». If all the above-described forms and levels of social consciousness are, so to speak, normal and absolutely necessary, then at a certain stage of history (specifically, this is the 20th century), such a deviant form of social consciousness arises, but as mass consciousness, and 21st century, its degenerate form appears – kaleidoscopic, or clip, consciousness. Below all these forms and levels is a special mental state that occurs in the crowd.

Keywords: public consciousness, individual consciousness, form of public consciousness, level of public consciousness, specialized consciousness, everyday consciousness, mass consciousness, clip consciousness, mental state of the crowd.

Pris I.E.

On two Formulations of the Safety Condition and Epistemic Risk.....15

Abstract. We consider two possible formulations of the epistemological condition of safety for knowledge. The safety condition in a weak sense requires that a fixed belief be true in all close possible worlds. The safety condition in a strong sense allows for a variation of belief in close possible worlds and requires its truthfulness in those worlds in which it is formed. The weak safety condition automatically excludes the case when a belief is not formed at all. The application of the strong safety condition requires a motivation for such an exclusion. This motivation is given by an anti-risk epistemology, but not by an anti-luck epistemology. We show that the safety condition in a strong sense has a wider range of applicability than the safety condition in a weak sense and is therefore preferable. This in turn indirectly indicates the superiority of anti-risk epistemology.

Keywords: anti-risk epistemology, anti-luck epistemology, knowledge, strong safety condition, weak safety condition, possible worlds.

Salimov B.L.

The Dialectical Meaning of the Category «Chance»

in the Philosophical Discourse of the Middle East.....25

Abstract. This article describes a number of statements by Abu Nasr Farabi, Abu Rayhon Beruni and Abu Ali Ibn Sino, a prominent figure in Central Asian philosophy. The article considers the coincidence together with the categories of necessity, opportunity, reality, reason, and probability, as it emphasizes that these categories are constantly in contact. Concern is a kind of hope that gives hope to a person, inspires him to live, struggles, but conclusions have sometimes come to the mind that sometimes coincidences arouse the feeling of panic. The right of choice also indicates that coincidences exist and that coincidence is a reality, and that it has the content and the shape. There is also the possibility that coincidentally there is a possibility of being internal and external, but that the cause may not coincidentally be reversed.

Keywords: Commitment, necessity, dialectics, event, opportunity, reality, cause, end, foundation, puzzle, struggle, purpose, future, dream, attitude, choice, opportunity, reality.

MODERN SOCIETY: IDENTITY, MODERNIZATION, FUTURE

Azerbayev A.D.

Search for the National Identity of Kazakh:

the Role and Significance of Ideological Discussions

in Kazakhstan at the Turn of the XIX-XX Centuries.....34

Abstract. The article considers three ideological trends of the national identity of Kazakhs at the turn of the XIX-XX centuries. Pan-Islamism and Pan-Turkism are two overlapping concepts, since most Muslims of Russian Empire were Turkic-speaking peoples. Pan-Islamism and Pan-Turkism are examined in the context of protest against Russia. The colonial policy of Russia and missionary activity (attempts at christianization) provoked protest in form of Pan-Islamism and Pan-Turkism. Founded by Ismail Gasprinsky, Jadidism is an educational system whose purpose was to introduce Muslims to European achievements and adapt them to era of technological progress. Jadidism has become ideological foundation for the transformation of Muslim society.

The Kazakh democratic intelligentsia is represented by Alash party, her leaders were in contact with the Russian advanced intelligentsia. The leaders of Alash movement had pro-European views on future of Kazakh people. This direction was indicated by Chokan Valikhanov and Abai Kunanbayev. Kazakh intellectuals who were educated in Russian intellectual environment, proposed the concept of nationalism in its good understanding of what it means to be oneself, to know, to preserve the creative, virtuous in their culture, history, and this should be guided in interaction with the whole world. This version of national identity, in addition to ethnic and linguistic affiliation, also assumed a mental and moral aspect.

Keywords: identity, pan-Islamism, pan-Turkism, nationalism, intelligentsia, jadidism.

Burova E.E.

Institutional Influences on the World-View Identity of the People of Kazakhstan.....48

Abstract. The conditions for the transformation of Kazakhstani society are updating and foregrounding the research on the worldview context, including factors and institutions that determine the value-semantic parameters of life. In the situation of the adoption of market par-

adigm during the thirty years, we found the updated attitudes of social and group mentality are functioning, redefinition of the value structure of consciousness takes place, new strategies of behavior in society are formed. Traditional (family, education, media) lose their decisive socializing effect, and, on the contrary, new (Internet) institutions and actors increase their influence, does not unambiguously rethink the role of religion. The solidity of the mentality inherited in the former structure and cemented by previous ideological bonds is reformatted.

The transition to pluralism (in economic well-being, in achieving civil and social statuses, in ideology, in value preferences, etc.) finally took place; therefore, the task of retaining the mechanisms of reproduction of the integrity of society, segmented on essential grounds, becomes extremely difficult. The dynamics of a globalizing world increase the risks of instability for sustainable development.

In these contexts, the importance of seeking consensus, reaching a compromise of different polarities in the social structure and the dispositions of fellow citizens resulting from it, is growing. What factors, conditions, circumstances can be the result of consolidation for all diverse groups and diverse interests? What social institutions do Kazakhstan citizens hope for and what becomes an obstacle to the formation of a common Kazakhstan value context - these and other problematic issues are considered in the article based on data from the sociological research.

Keywords: identity, Internet, worldview, education, religion, family, media, values.

KAZAKHSTAN: POLITICAL REALITIES CONTEMPORARY

Bazarov E., Mamonov V., Tusupov K.

Methodology for Assessing the State of Protection of National Interest in the Development and Implementation of Documents of the System of State Planning of the Republic of Kazakhstan.....62

Abstract. The article examines the analytical tools used to assess the state of security of national interests in the development and implementation of documents of the System of State Planning of the Republic of Kazakhstan. It has been established that in order to identify threats in relation to the capabilities, strengths and weaknesses in the documents on the State Planning System, the «SWOT analysis» is used as the main one. At the same time, the use of this method has limitations in both functionality and subject matter. In this regard, the authors propose a methodology that combines the technologies of «roadmap», «cognitive modeling» and the method of «scripting». This methodology makes it possible to increase the efficiency of assessing the state of protection of national interests, in relation to the achievement of priorities and goals of state-building.

Keywords: national security, threats to national security, State Planning System, risk management, SWOT-analysis, factor analysis, cognitive modeling.

Yespanova D.D.

Language Situation in Kazakhstan and its Social Factors.....75

Abstract. The current linguistic situation in Kazakhstan was influenced by several factors: political, sociocultural, demographic, migration, and so on. The development of the linguistic situation is associated with the processes of nation-building, and its formation is influenced by social factors: demographic and migration. The increase in the demographic power of the Kazakh language occurs firstly, due to an increase in the number of Kazakhs in the total population; secondly, the young ethnic groups in the republic are mainly Kazakhs and other Asian

ethnic groups, which are characterized by a growing Kazakh language competency. But changes in the linguistic situation under the influence of ethno-demographic factors do not occur immediately. Today it can be stated that changes in the demographic situation in the republic do not correspond to the demographic power of the Kazakh language.

Keywords: language situations, state language, nation-building, demography, migration, Kazakh language, Russian language, the demographic power of the language.

Abzhapparova A.A., Kussainova M.A.

Image of Higher Education as a Facto of Student Migration.....94

Abstract. In the modern world, higher education is an important factor in the development of society and the state. Each country invests large resources on the development of the national education system. However, in the era of globalization, young people have the opportunity to obtain higher education not only in their own country, but also in higher education institutions of different countries. There are many factors that influence the decision of young people to get higher education abroad: the ability to travel and broaden their horizons, familiarity with the culture of other countries, getting better education and others. The author also believes that another important factor in the cause of educational migration is the uncertainty of young people to get a quality higher education in domestic universities. The aim of the author is to consider the image of national higher education as a factor of student migration.

The article is written in the framework of the scientific project of the Ministry of education and science of the Republic of Kazakhstan “Educational migration from Kazakhstan: factors, trends and social and political consequences”.

Keyword: education, migration, image, mass media, student, Kazakhstan, media frames.

Fjodorova A.E.

Critical Analysis of Theoretical Perspectives on Civil Society.....106

Abstract. In this article, I examine various theoretical perspectives which analyze civil society in different aspects. I do a comparative analysis of the fundamental theories in order to identify common and different approaches towards civil society and its necessary conditions. This inquiry yields scientific and practical significance in terms of the theoretical model. I have elaborated it basing on a hybrid approach. It allows combining various angles and to detect the most relevant variant for a particular situation. The case of the inquiry is contemporary Kazakhstan. I propose ways to overcome obstacles through the lens of this theoretical basis while constituting civil society in the Republic. The conclusion argues that Kazakhstan acquires historical, cultural and social-economic distinctiveness. That is why it is in strong need of complex, hybrid approaches towards investigations in the social-political field, including civil society.

Keywords: civil society, liberalism, realism, freedom, property, Kazakhstan.

Ismagambetov T.T.

**Comparative Analysis of National and Language Policies
in the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan.....122**

Abstract. The article analyzes the problems of the formation of Kazakhstani identity and Uzbekistani identity. The formation of ethno-national identities in the Soviet period of history preceded the process of creating post-soviet national identities.

In the post-soviet period, the formation of a civic, supra-ethnic identity gained relevance

for Kazakhstan. For Uzbekistan, with its more ethnically homogeneous population, the question of the difference between the ethno-national and civil-national character of the state was not so important.

In Kazakhstan and Uzbekistan, as in other post-Soviet countries, identification with the USSR (multinational Soviet people) is a thing of the past. The general thing is that ethnonational (ethnic) identification has shown stability in post-soviet societies. In particular, in both Kazakhstan and Uzbekistan, ethno-ethnic identity dominates civic, supra-ethnic identity.

If for Kazakhstan the strengthening of supra-ethnic identity affects migration processes, socio-political well-being, political stability, then in Uzbekistan, due to the ethno-demographic composition of the population, the role of interethnic relations in maintaining political stability is minimal, and the process of immigration is determined by the fact that there are Uzbek labor migration, mainly in Russia.

Keywords: ethnonational identity, civic identity, stability, interethnic relations.

RELIGION IN SOCIO-CULTURAL CONTEXTS PAST AND PRESENT

Orynbaev E., Kerim Sh.

The Problem of Human Free Will in Islam.....133

Abstract. This article discusses the topic of free will in Islam and analyzes religious texts and different views on this issue. Due to the fact that this topic originated in the initial period of the development of Islam, the emergence of many disputes on it is natural. And its close intertwining with the concept of «fate» is one of its main features in Islam. Also, the study examines the relationship between the will of the Creator and people, and illustrates the interpretation of religious texts with an outwardly contradictory meaning to the human will.

Keywords: will, destiny, fate, destiny, mathudi, Quran, hadith, mu'tazilah.

ANNIVERSARY DATES

Speaking Own.....146

SCIENTIFIC LIFE

Shakeeva B.

Message From the President of the Republic of Kazakhstan

K.K. Tokayev and the Issues of Formation of Kazakhstani Identity.....148

Contents. Abstracts.....155

Our authors.....156

БІЗДІҢ АВТОРЛАР – НАШИ АВТОРЫ

Азербает Аслан Дыбысбекович – ассоциированный профессор Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, PhD

Абжаппарова Айгул Абдумуталиповна – заместитель заведующей кафедрой политологии и политических технологий по научно-инновационной работе и международному сотрудничеству, старший преподаватель

Базаров Ердан – научный сотрудник Академии КНБ РК города Алматы

Бурова Елена Евгениевна – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор

Ешпанова Дина Далабаевна – ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат философских наук, доцент

Исмагамбетов Талгат Танатарович – ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат политических наук

Керім Шамиэдин – Нұр-Мұбарак университеті Әбу Ханифа ғылыми-зерттеу орталығының директоры, философия ғылымдарының докторы, профессор

Қусаинова Манишук Аскарқызы – профессор, Кандидат педагогических наук

Мамонов Василий – научный сотрудник Академии КНБ РК города Алматы

Орынбаев Едіге – Нұр-Мұбарак университеті PhD докторанты

Прись Игорь Евгеньевич – главный научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси

Салимов Бахриддин Лутфуллаевич – Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта, кафедра “Общественно гуманитарных наук” кандидат философских наук

Тусупов Қуаныш – научный сотрудник Академии КНБ РК города Алматы

Фёдорова Анастасия Евгеньевна – PhD докторант Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, магистр

Хамидов Александр Александрович – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор

Шакеева Ботакөз Рахымбекқызы – Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті, Философия, саясаттану және дінтану институтының 2 курс докторанты

OUR AUTHORS

Azerbaev Aslan Dybysbekovich – Associate Professor of Pavlodar State University Named After S. Toraigyrova, PhD

Abzhapparova Aigul Abdumutalipovna – Deputy Head of the Department of Political Science and Political Technologies for Scientific and Innovative Work and International Cooperation, Senior Lecturer

Bazarov Erdan – Researcher at the Academy of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, Almaty

Burova Elena Evgenievna – Chief Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Committee of Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophy, Professor

Yespanova Dina Dalabaevna – Leading Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Committee of Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Philosophy, Associate Professor

Ismagambetov Talgat Tanatarovich – Leading Researcher of the Institute for Philosophy, Political Sciences and Religious Studies, Committee of Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences

Kerim Shamshadin – Director of the Research Center at Abu-Hanifa, Nur-Mubarak University, Doctor of Philosophy, Professor

Kusainova Manshuk Askarkyzy – Professor, Candidate of Pedagogical Sciences

Mamonov Vasily – Researcher, Academy of National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, Almaty

Orynbayev Edige – Doctoral PhD of Nur-Mubarak University

Pris Igor Evgenievich – Chief Researcher, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus

Salimov Bahriddin Lutfullaevich – Tashkent Institute of Railway Engineers, Department of Social Sciences and Humanities Candidate of Philosophy

Tusupov Kuanysh – Researcher at the Academy of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, Almaty

Fjodorova Anastasia Evgenievna – PhD Doctoral Candidate at the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Master

Khamidov Alexander Aleksandrovich – Chief Researcher of the Institute for Philosophy, Political Sciences and Religious Studies Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophy Sciences, Professor

Shakeyeva Botakoz Rakhimbekovna – 2nd year doctoral student of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Ғ.Қ. Құрманғалиева, философия ғылымдарының докторы, доцент, ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының аға ғылыми қызметкері (бас редактор),

С.Е. Бейсбаев, Философия, саясаттану, дінтану институтының ақпараттық қамтамасыз ету, экономикалық тағдау және мониторинг бөлімінің жетекшісі (бас редактордың орынбасары),

Н.Ы. Айтымбетов, PhD доктор, ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының аға ғылыми қызметкері (жауапты хатшы),

Р.Ж. Абдильдина, ҚР ҰҒА академигі, М. Ломоносов атындағы ММУ-дың қазақстандық филиалының әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының меңгерушісі, философия ғылымдарының докторы, *Қ.Ұ. Әлжан*, философия ғылымдарының кандидаты, ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының жетекші ғылыми қызметкері *А.М. Әмребаев*, философия ғылымдарының кандидаты, ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының жетекші ғылыми қызметкері, *А.Х. Бижанов*, саяси ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының директоры, *Р.Қ. Қадыржанов*, философия ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының аға ғылыми қызметкері, *Д.А. Качеев*, философия ғылымдарының кандидаты, Ахмет Байтұрсынұов атындағы Қостанай мемлекеттік университетінің доценті, *А.Р. Масалимова*, философия ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің философия және саясаттану факультетінің деканы, *С.Е. Нурмуратов*, философия ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты директорының орынбасары, *Б.М. Сатеришинов*, философия ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының дінтану бөлімінің меңгерушісі, *Г.Г. Соловьева*, философия ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының аға ғылыми қызметкері.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС:

Ә.Н. Нысанбаев, ҚР ҰҒА академигі, төраға (Алматы, Қазақстан); *Мехди Санаи*, Тегеран университетінің профессоры (Тегеран, Иран), *А.Д. Книш*, Мичиган университетінің профессоры (Энн Арбор, АҚШ), *А.А. Лазаревич*, Беларусь ҰҒА Философия институтының директоры, философия ғылымдарының кандидаты (Минск, Беларусь); *В.А. Лекторский*, РҒА академигі (Москва, Ресей); Цивин Любомир, Банк институтының профессоры (Прага, Чех Республикасы), *И.Р. Мамедзаде*, Әзірбайжан ҰҒА Философия, әлеуметтану және құқық институтының директоры, философия ғылымдарының докторы (Баку, Әзірбайжан); *О.А. Тогусаков*, ҚР ҰҒА корреспондент мүшесі, философия ғылымдарының докторы (Бішкек, Қырғызстан); *Уильям Фиерман*, Блумингтон университетінің еңбек сіңірген профессоры (Блумингтон, АҚШ); *Генри Хейл*, Дж. Вашингтон университетінің профессоры (Вашингтон, АҚШ); *Бюлент Шынай*, Бурса университетінің профессоры (Бурса, Түркия); *Н.А. Шермухамедова*, Мирзо Улугбек атындағы Өзбекстан ұлттық университетінің профессоры, философия ғылымдарының докторы (Ташкент, Өзбекстан); *Беата Эимент*, Гумбольдт атындағы университеттің профессоры (Берлин, Германия); *Мао Юй*, Хуажон ғылыми-техника университетінің профессоры (Ухань, Қытай).

Құрылтайшы:

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің «Философия, саясаттану және дінтану институты» республикалық мемлекеттік қазыналық кәсіпорны.

Жарияланған мақалалар редакция алқасының көзқарасымен сәйкес келмеуі мүмкін.

Редакцияның сапалы мақалаларды таңдап алуға құқы бар, сондай-ақ, ұсынылған материалдардағы ақпараттардың дұрыс жеткізілуіне жауапкершілікке алмайды.

Компьютерде жинақтаушы *Ж. Рахметова*

Теруте 20.09.2019 ж. берілді. Басуға 27.09.2019 ж. қол қойылды.
Форматы 70x100/16 . Есепті баспа табағы 9,87.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г.К. Курмангалиева, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК (главный редактор).

С.Е. Бейсбаев, руководитель отдела информационного обеспечения, экономического анализа и мониторинга Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК (шеф-редактор).

Н.И. Айтымбетов, доктор PhD, старший научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК (ответственный секретарь).

Р.Ж. Абдильдина, академик НАН РК, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук. *К.У. Әлжан*, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. *А.М. Амребаев*, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. *А.Х. Бижанов*, доктор политических наук, профессор, директор Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. *Р.К. Кадыржанов*, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, *Д.А. Качеев*, кандидат философских наук, доцент Костанайского государственного университета имени Ахмета Байтурсынова. *А.Р. Масалимова*, доктор философских наук, профессор, декан факультета философии и политологии КазНУ им. аль-Фараби. *С.Е. Нурмуратов*, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. *Б.М. Сатершинов*, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом религиоведения Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. *Г.Г. Соловьева*, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Н. Нысанбаев, академик НАН РК, председатель (Алматы, Казахстан); *Мехди Санаи*, профессор Тегеранского университета (Тегеран, Иран); *А.Д. Кныши*, профессор Мичиганского университета (Энн Арбор, США); *А.А. Лазаревич*, директор Института философии НАН Беларуси, кандидат философских наук (Минск, Беларусь); *В.А. Лекторский*, академик РАН (Москва, Россия); *Цивин Любомир*, профессор Банковского института (Прага, Чехия); *И.Р. Мамедзаде*, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, доктор философских наук (Баку, Азербайджан); *О.А. Тогусаков*, член-корреспондент НАН КР, доктор философских наук (Бишкек, Кыргызстан); *Уильям Фиерман*, заслуженный профессор Университета Блумингтон (Блумингтон, США); *Генри Хейл*, профессор Университета Дж. Вашингтона (Вашингтон, США); *Бюлент Шынай*, профессор Университета Бурса (Бурса, Турция); *Н.А. Шермухамедова*, профессор Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, доктор философских наук (Ташкент, Узбекистан); *Беата Эшмент*, профессор Университета им. Гумбольдта (Берлин, Германия); *Мао Юй*, профессор Университета науки-техники Хуажон (Ухань, Китай).

Учредитель:

Республиканское государственное казенное предприятие
«Институт философии, политологии и религиоведения»

Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редакционной коллегии.

Редакция оставляет за собой право отбора качественных статей и не несет ответственности за достоверность информации в представленных материалах.

Компьютерная верстка *Ж. Рахметова*

Сдано в набор 20.09.2019 г. Подписано в печать 27.09.2019 г.
Формат 70x100¹/₁₆. Уч.изд.л. 9,87.

EDITORIAL BOARD:

G.K. Kurmangaliyeva, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow of the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies CS MES RK (Main Editor)

S.E. Beisbayev, Head of Information Support, Economic Analysis and Monitoring of the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies CS MES RK (Editor-in-Chief)

N.I. Aytymbetov, PhD, Senior Researcher Fellow of the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies CS MES RK (Responsible Secretary)

R.Zh. Abdildina, Academician of NAS RK, Head of the Faculty of Socio-Humanitarian Disciplines of the Kazakhstani branch of MGU named after M.V. Lomonosov, Doctor of Philosophical Sciences. **K.U. Alzhan**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow of the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies CS MES RK, **A.M. Amrebayev**, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow of the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies CS MES RK, **A.Kh. Bizhanov**, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies CS MES RK, **R.K. Kadyrzhanov**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Research Fellow of the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies CS MES RK, **D.A. Kacheev**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Kostanay State University named after Akhmet Baitursynov, **A.R. Masalimova**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy and Political Science at Al-Farabi KazNU, **S.E. Nurmuratov**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies CS MES RK, **B.M. Satershinov**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Religion Studies at the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies CS MES RK, **G.G. Solovyova**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Research Fellow of the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies CS MES RK

INTERNATIONAL EDITORIAL RECOMMENDATION:

A.N. Nyssanbayev, Academician of NAS RK, Chairman (Almaty, Kazakhstan), **Majdi Sanai**, Professor of Tehran University (Tehran, Iran); **A.D. Knysht**, Professor of Michigan University (Ann Arbor, USA), **A.A. Lazarevich**, Director of the Institute of Philosophy of NAS Belarus, Candidate of Philosophical Sciences, (Minsk, Belarus); **V.A. Lektorsky**, Academician of RAS (Moscow, Russia); **Tsivin Lubomir**, Professor of Banking Institute (Prague, Czech Republic); **I.R. Mamedzade**, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS Azerbaijan, Doctor of Philosophical Sciences (Baku, Azerbaijan); **O.A. Togusakov**, Correspondent-member of NAS KR, Doctor of Philosophical Sciences (Bishkek, Kyrgyzstan); **William Fierman**, Honored Professor of Bloomington University (Bloomington, USA); **Henry Hale**, Professor of George Washington University (Washington D.C., USA), **Bulent Shynay**, Professor of Bursa University (Bursa, Turkey), **N.A. Shermukhamedova**, Professor of National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Doctor of Philosophical Sciences (Tashkent, Uzbekistan), **Beate Eschment**, Professor of Humboldt University (Berlin, Germany), **Mao Yu**, Professor of Huazhong University of Science and Technology (China).

Founder:

State-owned unitary enterprise «Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies» of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

Published materials don't necessarily reflect the points of view of the editorial board.

Editorial staff reserves the right to select quality articles and is not responsible for the reliability of information in the submissions.

Computer imposition **Zh. Rakhmetova**

Passed to the set on 20.09.2019. Signed in print on 27.09.2019.

The format is 70x100/16. Found.edit.page 9,87.